

ВИЗАНТИЯ

последние рубежи

105

Византийская империя
к середине XI в.

ВИЗАНТИЯ

последние рубежи

«Рейтар»
Санкт-Петербург
2011

В. Н. Шиканов

ВИЗАНТИЯ

последние рубежи

Турецко-
византийские
войны
XI-XV вв.

«Рейтар»
Санкт-Петербург
2011

УДК 82.
ББК 63.3(4)
Ш-59

Шиканов В. Н.

Ш-59 Византия. Последние рубежи: Турецко-византийские войны XI–XV вв. / Шиканов В. Н. — СПб.: «Рейтар», 2011. — 136 с.: ил.

ISBN 978-5-8067-0054-2

Гибель Византии. Официально история этого государства закончилась 29 мая 1453 г., когда турки-османы ворвались в Константинополь. Но до этого трагического события византийцы еще долгие четыреста лет вели упорную борьбу с экспансией тюркских племен. Империя медленно, с боями отступала, неизменно находясь на передовых рубежах христианской цивилизации. Ромеям пришлось пережить «День ужаса» при Манцикерте, попытку Реконкисты, захлебнувшуюся в теснинах у Мириокефала, вторжение османов в Европу и, наконец, отчаянный и обреченный героизм последней обороны града Святого Константина.

Шестая книга проекта «Войны Византии» повествует о турецко-византийских войнах.

Художники: Ольга и Олег Горшенковы.

*Автор выражает искреннюю благодарность
Т. М. Елатомцевой за участие в работе
над оформлением книги.*

ISBN 978-5-8067-0054-2

УДК 82.
ББК 63.3(4)

© Шиканов В. Н. Текст, подбор иллюстраций, 2011.
© Панкевич А. В. Дизайн, верстка, 2011.
© Издательство «Рейтар», 2011.

Стамбул — золотая сказка Востока. Современная фотография

*И они пришли в этот мир и ушли,
Как караван: остановились, снялись и ушли —
И их похитила смерть, скрыла земля.
А бранный мир стоит по-прежнему.*

«Китаби деде Коркут», турецкий эпос.

*Мы в этом опираемся на исторические сочинения.
Не думай, что мы это выдумали сами...*

Али Энвери «Дастурнаме».

Париж. Столица мира. С утра и до поздней ночи не иссякает человеческий поток на главной городской артерии — Елисейских полях. Французов здесь почти не встретишь. Разве что в начале и в конце рабочего дня, когда парижане спешат в офисы и магазины. Зато густая толпа являет собой наглядное пособие по этнографии. Какое смешение красок и нарядов, языков и жестов. Впрочем, людские дороги не только ведут в Париж. Многие из них начинаются тоже отсюда. Едва лишь, ошарашенное многообразной гаммой ощущений, созна-

ние слегка успокаивается от факта, что вот и ты, наконец, продефилировал от площади Согласия до Триумфальной арки, как глаза снова обретают способность воспринимать детали окружающей действительности. Тут и неизбежный Macdonald's (о, всемирная глобализация), и торговые марки, присутствующие в любом крупном городе планеты (включая даже родной Аэрофлот). Но попадаются и более интересные *имиджи* и *месседжи*.

Признаюсь, особенно сильное впечатление на автора этих строк произвел рекламный ролик турецкой туристической кампании, приглашающий посетить эту страну. Сотворенный с помощью чудес компьютерной графики,

в самом начале. Но дальнейшие события показали, что в случае необходимости ромеи располагали для защиты своих интересов и силовыми инструментами.

Летописец сообщает, что в последний день встречи на высшем уровне произошла стычка между грузинскими «дворянами» (*азатами*) и так называемыми *эрузами* (т. е. русскими). Один из русов нес сено для своей лошади, когда к нему подошел ивериец и отнял охапку. На помощь к русу поспешил его товарищ, а грузин кликнул своих. В считанные минуты бытовая ссора превратилась в крупномасштабное побоище с применением всех видов табельного оружия. Но русских было больше (император взял в поход весь шеститысячный корпус, присланный ему из Киева князем Владимиром), и, как сказал позднее поэт:

*Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!*

В этой безобразной стычке погибли 30 знатнейших азатов. Но летописец не сочувствует им; «ибо гнев Божий тяготел над ними за их высокомерие». В самом деле, несмотря на преподанный урок, правители Иверии надлежащих выводов так и не сделали.

Приняв под свою руку бывшие земли Давида Куропалата и передав часть из них Баграту, Василий II вернулся в Константинополь, а уже в следующем 1001 г. во вновь

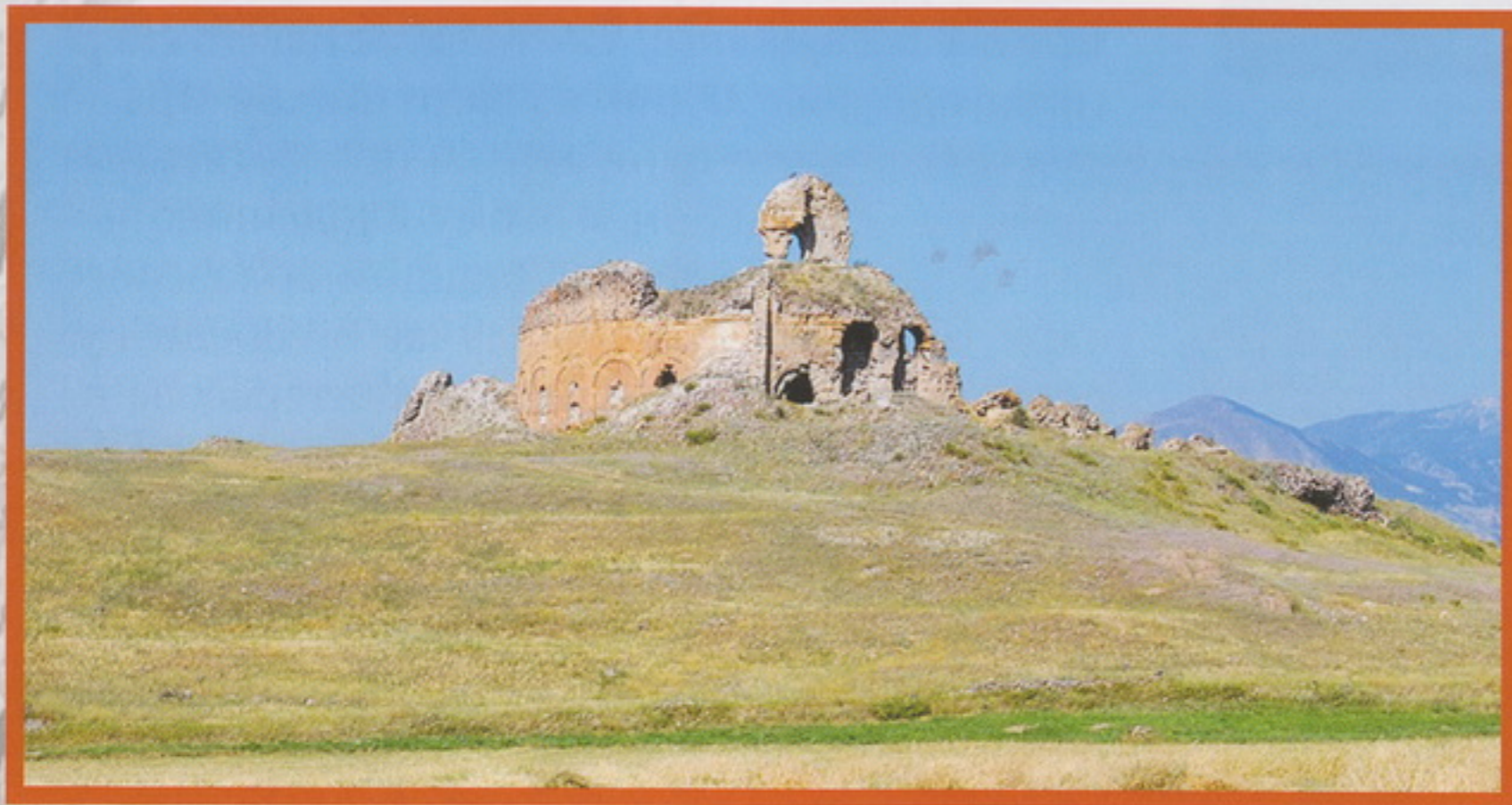
обретенные владения Византии вторгся царь Картли (Восточной Грузии) Гурген. Он безуспешно пытался овладеть крепостью Олти к западу от Карса. Затем в район конфликта прибыл с войсками византийский магистр Никифор Уран. К концу года он принудил Гургена к миру, заставив его подписать соответствующий договор. Но и после этого грузинские владыки не прекратили предъявлять претензии на спорные, на их взгляд, области.

В 1014 г. почти все ивирские владения оказались в руках сына Баграта Георгия (1014-1027 гг.). Он объединил под своей властью Картли, Абхазию и часть Кларджи. Император Василий потребовал вернуть земли, пожалованные им ранее отцу Георгия, но молодой царь высокомерно отказался: «Дома единого не отдам из того, что было подвластно отцу моему!»

Вслед за этим местные византийские части попытались изгнать Георгия, но навстречу им вышли «тайкские удалыцы» и близ Олти обратили греков в бегство. Всякому было ясно, что император так не оставит нанесенное ему оскорбление, но пока что Василий был вынужден сдерживать свой гнев. Напомним, что как раз в это время Византия вела почти непрерывные боевые действия в Болгарии и не могла уделить необходимое внимание восточным рубежам державы.

Только в 1021 г. Василий повел армию на восток. Официально это был поход в Северную Сирию, но на самом деле войска двигались в Армению. Даже когда обнаружились истинные цели василевса, воинственный пыл Георгия не охладел. По словам летописца, «он желал столкновения с царем и сражения с ним».

Сначала противники обменялись жалящими ударами. Болгаробойца прошел вдоль Аракса, а затем, круто повернув на север, штурмом овладел городом Окоми¹ и разрушил его. В ответ Георгий взял Олти, который предал огню.

Храм Бана близ Олту (Северо-Восточная Турция). Современная фотография. Некогда он являлся фамильным собором династии Багратидов. Теперь его руины напоминают о христианском прошлом этих мест

¹Северо-восточнее современного Эрзурума.

Jo
2010r.

Наконец, армии сошлись у озера Чилдыр (близ Карса). «Там сверкали мечи, сияли шлемы, отблески пламени отражались на горах и при ударах оружия искры сыпались на землю». Битва оказалась весьма упорной. Ромеи не раз подавались назад, пока «не обнаружилась сила царских войск и могущество его рати». И бежал тогда Георгий и укрылся в *Апхазии*, а Василий огнем и мечом прошелся по окрестным областям, «приказав не щадить ни старца, ни юноши, ни младенца, ни совершеннолетнего, ни мужчину, ни женщину».

По словам летописца, «страшные, исторгающие слезы картины представлялись там взору». Действительно, от войны страдают, прежде всего, люди мирные. «Сколь безжалостен приказ императора! Но и свершенное не смягчает его гнева, он вновь и вновь поднимает десницу, чтобы умножить эти бедствия новыми. Подобными действиями он обезлюдел цветущий край и еще до наступления зимы разорил и опустошил его». Двести тысяч человек было убито, ослеплено, угнано в полон.

Озеро Чилдыр, Турция. Современная фотография

После этой карательной экспедиции Василий II отвел войска к Черному морю на зимние квартиры.

По-видимому, кампания 1021 г., проведенная в типичном для императора устрашающе-стремительном стиле, произвела на окружающих сильное впечатление. Георгий так и не посмел высунуть нос из своего логова, но был вынужден вступить в переговоры с василевсом. Возможно, уже тогда

конфликт удалось бы потушить, но в тылу у Василия — в малоазийской феме Анатолик разразилась очередная мятеж феодальной знати (по выражению хрониста, бунтовщики «рычали, подобно львам, попавшим в клетку»). Георгий вновь стал самоуверен и заносчив. Установив контакты с главарями восстания, он решил взять ромеев в клещи. Апостасия была подавлена только к концу лета 1022 г., а затем автократор снова повел армию в Грузию.

Георгий спешил ему навстречу, но этот форсированный марш оказал его войнам дурную услугу. В ожесточенном встречном сражении 11 сентября 1022 г. грузинское войско было наголову разгромлено. Как сообщает летописец, «они дерзостно напали на врага на конях, обессиленных тяжелыми всадниками, железным вооружением и долгими переходами. А бодрые ромейские отряды тотчас же окружили их и перебили бесчисленное множество...» Воистину, сказано в Книге царств: «Не силой своей крепок человек, Господь ослабляет противника».

Незадачливый *абхазец* бежал, бросив на поле боя огромный обоз и все личное имущество, включая казну и собственную корону, а ромеи преследовали разбитого врага до самого захода солнца. Но и это еще не все. Склонный к нравоучительным примерам, василевс велел складывать вдоль дорог головы убитых. Из них получились огромные кучи — «на страх и удивление зрителям».

Лишь теперь Василий II продиктовал свои условия перемирия. Они оказались довольно умеренными: Георгий возвращал императору земли, которыми ранее управлял Давид Куропалат. Из них была образована фема Иверия. Кроме того, Георгий был вынужден направить в Константинополь в качестве заложника своего сына Баграта.

Как видим, никаких особенных территориальных приобретений в результате войны 1021-1022 гг. с Грузией Византия не получила. Гораздо важнее, что в это же время решилась судьба обширных земель в Армении.

Еще в 1016 г. царство Васпуракан подверглось опустошительному мусульманскому набегу из Азербайджана. «Это — первый выход кровожадных зверей», — отметил христианский хронист. Армянское войско храбро выступило навстречу налетчикам, но кочевники не подпустили его на дистанцию ближнего боя, а просто расстреляли из луков. Ограбив всю округу, призрачные всадники «с распущенными как у женщин волосами» исчезли также стремительно, как и появились.

Царь Васпуракана Сенекерим Арцруни тяжело переживал поражение. Он «не ел и не пил, только лил слезы и каялся». В 1021 г. турки пришли опять, и хотя на этот раз маршрут их движения не затронул Васпуракан, а у крепости Двин к северу от Аракса отважный князь Васак Пахлавунни дал им достойный отпор, Сенекерим уже был морально сломлен. Он передал царство свое императору Василию. Такое крупное приобретение позволило Византии выдвинуть свои форпосты далеко на восток. Взамен Сенекерим получил город Севастию в Каппадокии и окружающие ее земли.

Тогда же (т. е. во время зимовки 1021-1022 гг. в районе Трапезунда) к василевсу явился армянский католикос. «Им была подписана грамота о гибели Армении!» — восклицает летописец. Дело в том, что в ходе конфликта между Византией и Абхазским государством Анийский царь Ованес-Смбат поддержал Георгия. Непосредственного участия в боевых действиях его войска не принимали, но было ясно, что грозный василевс ромеев не простит столь демонстративного проявления нелояльности.

Вероятно, католикос Петр должен был ценой каких-то уступок отвести гнев Василия от Ани. Но на деле ему пришлось подписать формальный документ, согласно которому, владения Ованеса-Смбата закреплялись за ним лишь пожизненно. А так как этот государь не имел детей, не приходилось сомневаться, что после его кончины земли Великой Армении войдут в состав Римейской державы.

Окрыленный достигнутыми в ходе Восточной кампании успехами, Василий II попытался продвинуться еще дальше. Он вторгся в иранский Азер-

байджан и осадил крепость Херт к северу от озера Урмия. Но здесь ромеи безнадежно завязли. А когда подули холодные северные ветры, принесшие с собой снег и морозы, император повернул назад, бросив на месте голодной стоянки лагерное имущество. Тем не менее, в 1023 г. государь вернулся в Константинополь настоящим триумфатором. Его враги были сломлены силой оружия, либо угрозой его применения, а пределы империи значительно расширены.

Автократор Василий прожил еще два года. На престоле его сменил брат Константин VIII (1025-1028 гг.). На протяжении многих лет наслаждаясь положением соправителя (т. е. получая царские почести и ни за что не отвечая), он не любил принимать самостоятельных решений и, тем более, воевать. Тем не менее, именно к его царствованию восточная летопись относит очередной поход в Абхазию.

Поводом к нему послужил рост реваншистских настроений при дворе сына Георгия Баграта IV. Некоторое время он жил на

Триумф императора Василия II.
Византийская миниатюра

положении почетного заложника в Константинополе, а когда вернулся на родину придворные стали нашептывать молодому государю, что настало время вернуть назад крепости, ранее уступленные Византии. Ясно, что такие разговоры стали возможны, поскольку в Кутайсе отчетливо понимали разницу между грозным царем Болгаро-бойцей и его безвольным братом.

И все же реакция Константинополя последовала, хотя и с некоторым запозданием. Правда, источники противоречат друг другу в деталях принятых мер. Согласно одной версии, византийское войско, прибывшее в Грузию, не успело перейти к активным действиям. Узнав о кончине василевса Константина, оно вернулось обратно. Другой автор настаивает на более драматическом развитии событий. Ромеи опустошали и жгли, убивали и уводили в плен. Спаслись лишь те, кто укрылся в недоступных горах. Баграт смиренно просил о прощении и получил его. Этот грозный успех привел к тому, что в 30-е гг. XI столетия Византия считала западную часть Закавказья своим тылом, и, несмотря на ряд набегов кочевников на эти земли, сама пыталась продвигаться на восток.

В 1034 г. ромеи вступили в крепость Беркри (к северо-востоку от озера Ван). Здешний исламский правитель передал город византийцам в надежде получить от императора титул патрикия. Возможно, ему и было что-то обещано, но бюрократы в Кон-

стантинополе заволынили дело. В результате эмир затаил злобу и призвал на помощь единоверцев из иранского Азербайджана. Беркри был окружен, а ромейское войско непростительно расслабилось. «После непотребных дел и пьянства» горе-воины уснули, не приняв мер предосторожности. Мусульмане взяли Беркри приступом. Непроспавшихся греков резали как баранов. Уцелевших погнали в неволю, но во время привала эмир велел пленным рыть огромную яму, где их всех и зарубили мечами. Так погибло около шести тысяч человек. А праведный эмир спустился в братскую могилу и умылся теплой кровью убитых, «чтобы успокоить гнев сердца»...

На следующий год новое войско ромеев подошло к Беркри и подвергло крепость правильной осаде с помощью таранов и камнеметов. Главным палачам терять было нечего, но после их гибели остатки гарнизона предложили сдать город с правом свободного выхода из него. Стратиги подумали и согласились. «С тех пор и поныне, — гласит летопись, — упразднена власть персов над этим местом».

Казалось бы, эти события напрямую не касались армянских владений, но затем пришел и их черед. В 1041 г. умер царь Ани Ованес-Смбат. Вот тут-то и пригодилось его завещание о передаче Великой Армении василевсу ромеев.

Император Михаил IV (1034-1041 гг.) решил вступить во владение наследством и направил к Ани сильную армию, которая стала «разорять страну мечом и пленять народ». «Горек рассказ мой, — восклицает армянский летописец, — он достоин великих слез!»

В ответ на претензии византийцев отряды знатных мужей армянских, «исполненные отчаяния и гнева», вступили в бой у стен Ани, и река Ахуреан окрасилась кровью. Греков «растоптали под ногами конницы», а первая попытка империи поглотить наследие царя Ованеса провалилась. Тем более, что в конце того же года скончался отрекшийся от

Беркри, руины крепости. Современное фото

престола василевс Михаил. После его смерти Византия погрязла во внутренних дрязгах и на время отказалась от внешней экспансии.

Видимо, далеко не все из них были преданы Гагику.

В Константинополе дорогого гостя встречали по высшему дипломатическому раз-

Остатки крепостных укреплений Ани. Современное состояние

Армянам в это же время приходилось отражать повторявшиеся с пугающей регулярностью нападения мусульман с востока. Но когда в 1043 г. на престол в Ани взошел племянник Ованеса-Смбата Гагик II, его погубили не иноземцы, а свои же знатные люди. Глава провизантийской группировки Саргис Хайказн посоветовал василевсу Константину IX Мономаху (1042-1055 гг.): «Пригласи Гагика в Константинополь якобы для дружбы и не выпускай его из города, пока не получишь от него город Ани». После этого и укоренилось в сердце Мономаха злое намерение. Он призвал Гагика посетить Византий с официальным визитом, поклявшись святым крестом и евангелием Христовым не причинить ему вреда.

Возникает естественный вопрос: почему молодой царь согласился, хотя сначала был против? Его уговорили ближние люди.

ряду. А потом случилось неизбежное. Император показал ему ключи от армянской столицы и сказал: «Ани и весь Восток князья твои отдали мне». И это была правда...

Став «другом и союзником», а по существу вассалом империи, Гагик уже никогда не вернулся на родину. Он получил три города в Каппадокии, но ромеям еще предстояло утвердить свою власть в Армении.

В 1044 г. византийская армия под командованием катепана Иверии Михаила Иасита развернула наступление на Ани, но потерпела от армян тяжелое поражение. Пока остатки этого воинства зимовали в округе Олти, греки организовали вторжение в Армению мусульманского эмира Двина Абу-л-Асвара, заранее даровав ему владения Гагика, «которые удастся захватить по ходу войны». Сражаться на два фронта было выше сил человеческих. К тому же, пришли

известия, что Гагик, хотя и вынужденно, но вполне официально передал свою страну Константину Мономаху. И тогда, являвшийся в отсутствие царя правителем, католикос Петрос летом 1045 г. открыл ромеям ворота Ани. Поддержала его и часть знати. Эта дата считается концом независимости Великой Армении. Ее территория вошла в состав фемы Иверия.

Уже объединенные византийско-армянские силы попытались дать отпор мусульманам, но вряд ли между ними наблюдались истинные боевое товарищество и взаимовыручка. Под Двином союзники были разбиты и отступили. Последующие попытки продолжить наступление были сорваны мятежом полководца Льва Торника (1047 г.).

Для его подавления пришлось спешно перебрасывать войска из Армении на запад.

Подводя итоги своей политики в Закавказье, ромейские дипломаты и военные гордились успехами, достигнутыми за последние полвека. В состав империи вошли территории, на которые *никогда прежде* не распространялся суверенитет ни Рима, ни Константинополя. Василевс Константин IX (кстати, далеко не самый выдающийся в списке автократоров) вполне мог выразить переживаемые им чувства словами классика, вынесенными на титульный лист этой главы: «*Кавказ подо мною*»... Что же касается господства Византии над этими землями, то оно длилось очень не долго. Империя стояла на пороге катастрофы.

войско газневидов было наголову разгромлено сельджукской конницей при Данданакане¹. После этого Тогрул и его брат Дауд Чагры-бек, уже ничего не опасаясь, разделили Хорасан между собой. Первый стал правителем Нишапура, второй обосновался в Мерве.

Битва при Данданакане.
Средневековая восточная миниатюра

Династия Газневидов сходила с политической арены и больше никогда не пыталась бороться с сельджуками. В свою очередь, интересы потомков Сельджука были всецело устремлены на юг и на запад. В 1040-е гг. они завоевали земли современных Афганистана и Ирана. В Месопотамии и Азербайджане их привлекали обширные пастбища, словно созданные для бесчисленных кочевых стад. В 1055 г. сельджуки овладели Багдадом. Халиф аль Каим стал послушной марионеткой Тогрул-бека (осо-

бенно после того, как вождь завоевателей женился на дочери халифа и получил от него титул султана). Но еще раньше сельджуки вступили в зону традиционных интересов Ромейской державы и сразу же властно предъявили свои права на эти области.

Еще в ходе антигазневидского восстания (1029 г.) часть тюрок ушла из Хорасана в Азербайджан. Отсюда в 1037-1038 гг. они совершили налет на Армению. В первой половине 1040-х гг. отмечены новые нападения. Каждый раз они сопровождались убийствами, грабежами, разрушениями. Однако общий политический хаос, царивший в Западном Иране, принял к этому времени такие масштабы, что все это выглядело как инициатива отдельных «полевых командиров». Тем более, что от действий тюрок страдали владения местной армянской знати, либо земли наполовину самостоятельных мусульманских эмиров. Даже когда в 1045 г. катепан фемы Васпуракан Стефан Лихуд отказался пропустить через подведомственную ему территорию тюркские отряды, возвращавшиеся после набега на арабов, и был разбит в завязавшемся бою², центральные власти империи не оценили это событие должным образом. По приказу василевса Константина IX его доверенный евнух Мелиарх осадил азербайджанский город Двин (кстати, сельджукам не принадлежавший), но так и не смог взять его. Византийцы ограничились тем, что разорили окрестности и вернулись обратно.

Между тем, после крушения державы Газневидов в дело вступили высвободившиеся главные силы сельджуков, а мусульманское завоевание Закавказья получило организованный и целенаправленный характер.

Мощный удар был нанесен по Византийской Армении в 1047 г. «В тот год, — записал хронист, — над нашей страной разверзлись врата небесного гнева. Из Туркестана двинулось огромное войско, и кони их стремительны, как орлы, с копытами, подобными твердым камням. Их луки натянуты,

¹Бежавшего с поля боя султана Масуда ожидала трагическая участь. Когда-то он ослепил своего брата близнеца Мухаммада и держал его в заточении вместе с детьми, женами и наложницами. Теперь Масуд освободил родственников, но они затаили обиду под маской благодарности, «радуя ложью сердце султана». Вскоре оставшегося без войска Масуда заковали в цепи и отвезли в дальнюю крепость. Здесь его опустили в колодец и забросали камнями. А затем уже сын Масуда Маудуд умертвил Мухаммада и его сыновей — своих двоюродных братьев. Воистину, похоже на страшную восточную сказку, но все это чистая правда.

²Попавшего в плен патрикия ждала ужасная судьба. Тюрки содрали с него кожу, набили ее сеном и затем продали родственникам Лихуда за 10 000 тахеганов.

стрелы заострены, они туго опоясаны, и не разорвать ремней на их сапогах». Ошелмляющее впечатление производила и внешность пришельцев. «Со страшным лицом, с глубоко впавшими глазами, сплюснутым носом, стройной фигурой, высокого роста и чрезвычайно сильные», — свидетельствует о тюрках армянский источник.

20-тысячная орда Хасана Глухого разграбила Васпуракан и прорвалась в верховья Аракса. Здесь ее встретили византийские части, стоявшие гарнизонами в феме Иверия. Опытный военачальник Катакалон Кекавмен прибег к военной хитрости. По его приказу солдаты бросили свой полевой лагерь и начали стремительно отступать. Торжествующие сельджуки бросились грабить обоз и пожитки трусливых румов, и тогда их, потерявших бдительность, атаковали вернувшиеся ромеи. Ситуация сразу же изменилась. Хасан и большинство его воинов погибли на месте. Уцелевшие бежали без оглядки до границ Ирана.

Успех впечатлял, но на следующий год вторжение повторилось.

В 1048 г. тюрков возглавлял сводный брат Тогрул-бека Ибрахим ибн Янал. Он вел за собой 100 тысяч всадников. Ромейские военачальники располагали 60 тысячами, но между ними не было единства. Велись бесконечные споры вокруг тактики ведения боевых действий. С учетом численного превосходства противника, было решено обороняться за стенами крепостей, пока не придут отряды грузинского князя Липарита.

Тем временем, сельджуки подступили к городу Арцн¹. Шесть дней его жители мужественно защищались, ведя ожесточенные уличные бои. Взъярившийся Ибрахим велел поджигать дома неверных. Чтобы избежать мучений, мужчины сами бросали в огонь жен, а матери детей. Когда сражение затихло, на обугленных развалинах остались 150 тысяч трупов.

Отчаянная оборона Арцна позволила византийским стратигам собрать в единый кулак все возможные силы, но и их оказалось недостаточно, чтобы противостоять могучему и беспощадному врагу. В состоявшемся 18 сентября 1048 г. сражении сельджуки наголову разгромили христиан. Отряд Липарита был уничтожен, а сам он попал в плен. Затем тюрки «учинили великое избиение». Ромеи и их союзники бежали, охваченные паникой. При этом многие погибли, срываясь со скал в быстро сгущавшейся темноте южной ночи.

Одержав яркую победу, отягощенные добычей сельджуки повернули назад. После этой операции в столице султаната городе Рей пришли к важному выводу: регулярные войска румов бессильны противостоять стремительным действиям степной конницы, которая не только легко вспорола границу империи, но и, практически не встретив серьезного сопротивления, насквозь прошла армянские земли и проникла в «коренные» византийские земли.

Для самой же Армении итоги рейда оказались исключительно тяжелыми: «Города разрушены, дома сожжены, дворцы в пламени, царские палаты обращены в пепел. Мужчины перебиты на площадях, женщины покинули дома рабынями, грудные младен-

Татевский монастырь — духовный центр средневековой Армении. Современное фото

¹Северо-западнее современного Эрзурума.

Турецкое войско в походе.
Восточная миниатюра

цы побиты о камни, и увяли прекрасные лики отроков. Девы обещены на площадях, а юноши зарублены на виду у старцев». «С тех пор и поднесь, — продолжает летописец, — враги, уподобившиеся гиенам или арабским волкам, не могут утолить своей жажды христианской крови».

Следующие пять лет Армения приходила в себя, но раны не успели затянуться, когда в январе 1054 г. турки внезапно появились перед Карсом. Формально это была столица независимого Ванандского царства, так что царю Гагику пришлось обходиться без византийцев своими силами, но никакими ресурсами для обороны он не располагал. Возглавлявший набег двоюродный брат Тогрул-бека Куталмыш внезапно овладел го-

родом в ночь на праздник Богоявления, когда жители не позаботились выставить караулы. Карс был предан огню. Спаслись лишь те, кто успел укрыться за стенами цитадели. А турки, разграбив дома, безнаказанно удалились с добычей и многотысячным полонем.

Еще большее бедствие обрушилось в том же году на Великую Армению. С войском, «бесчисленным как морской песок», подобно смерчу, султан Тогрул огнем и мечом прошел по этим землям¹, и лишь Манцикерт устоял на его пути. Гарнизон и население этой крепости решили держаться насмерть за тройным кольцом стен, опоясанных рвом с водой.

Не переставая, тревожно гудел набат². Начальник гарнизона Манцикерта патрикий Василий Апокап оказался мужественным и энергичным человеком. Он приказал священникам возносить непрерывные молитвы в храмах, взывая о милости Божьей к защитникам крепости. Сам же патрикий сосредоточился на мобилизации военных ресурсов обороны. Мужчины взяли в руки оружие и вышли на стены, женщины помогали исправлять поврежденные оборонительные сооружения. Не забыл умный комендант и о пополнении запасов продовольствия. Стоял сентябрь, и осажденные успели собрать созревший на окрестных полях хлеб. Василий успевал повсюду, подавая людям пример стойкости и бесстрашия, ободряя их и внушая веру в спасение.

Согласно летописному свидетельству, турки в течение целого месяца дважды в день ходили на приступ, но некто «из приближенных султана» оповещал осажденных, где будет предпринят очередной штурм. Каждая атака наталкивалась на заградительный огонь из камнеметов-пиликуанов. Тех же, кто подбирался поближе, цепляли железными крючьями и, втащив наверх, тут же умерщвляли.

Тогда сельджуки стали рыть подкоп, но начальные люди гарнизона, искусные в искусстве минной войны, заложили контргалерею. Два хода встретились под землей, и турки оказались захвачены врасплох. Их перебили в тесноте и давке при тусклом свете чадающих факелов.

¹Только у Баберда (современный г. Байбурт к северо-западу от Эрзурума) один из тюркских конных отрядов столкнулся с состоявшими на царской службе варягами, которые искрошили разбойников своими страшными секирами.

²Колоколов в те времена еще не было. Поэтому для этих целей использовали толстые деревянные доски, по которым били молотками.

Тогрулу очень не понравился такой поворот событий. Охваченный гневом, султан распорядился перевезти из Битлиса под стены Манцикерта гигантский *бабан* (каменет). Это орудие было сооружено для похода в Армению еще полвека назад по приказу василевса Василия II, да так и осталось в Закавказье. Теперь оно пригодилось противникам византийцев.

Для доставки такого монстра потребовался каторжный труд тысяч людей. Затем его установили за специально возведенной стенкой. Защиту дополнительно усилили кипами хлопка. Чтобы зарядить *бабан* (а каждый каменный снаряд весил около 25 кг) и обслуживать его, требовалось 400 человек. Зато Тогрул мог быть доволен. Первая же каменная глыба обрушила участок крепостной стены. И город «задрожал от страха». Тюрки поверили, что еще немного и крепость падет.

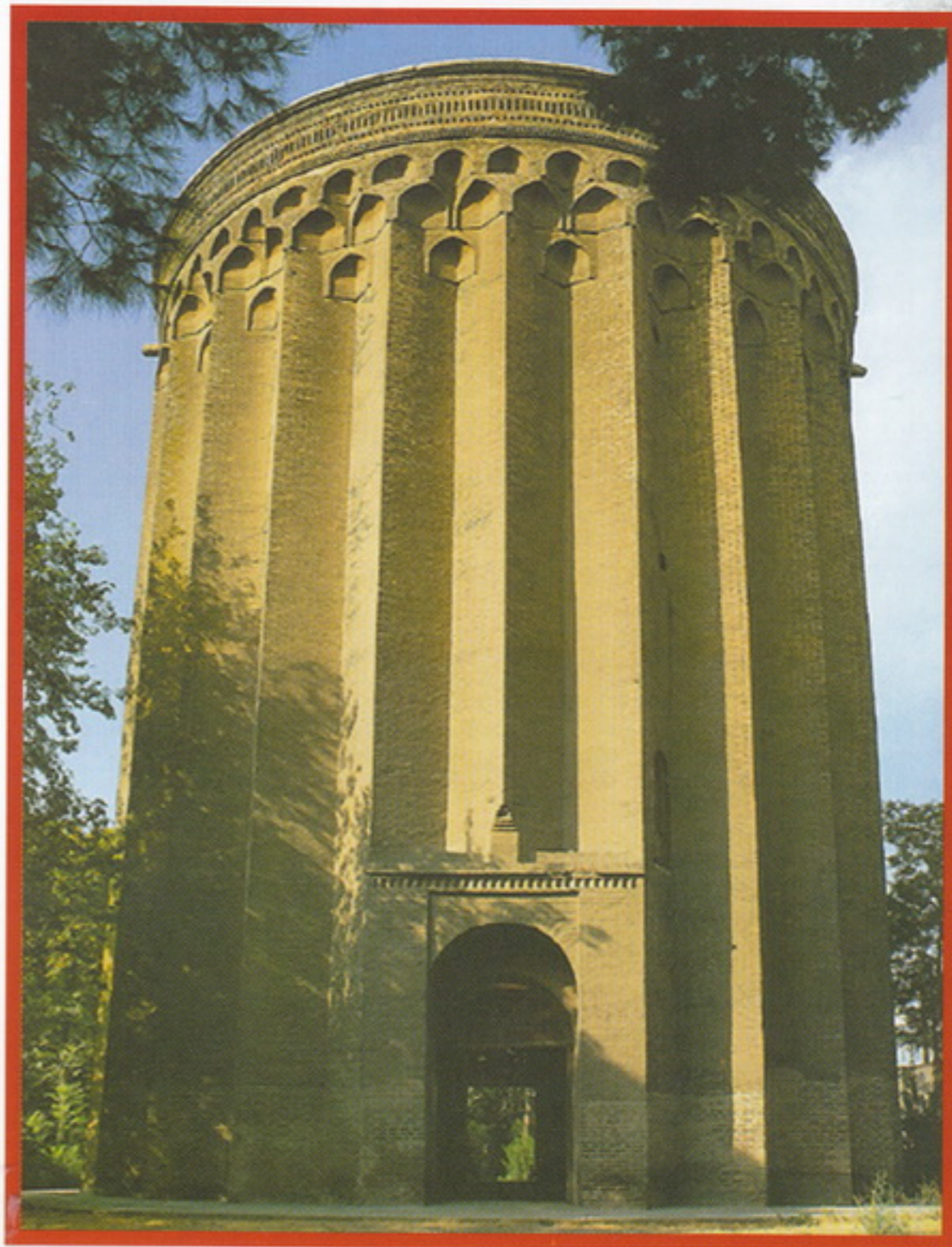
Но защитники Манцикерта вновь нашли выход. Византийцам помог знаменитый «греческий огонь». Патрикий Василий обратился к людям с такими словами: «Кто пойдет и подожжет катапульту, тому дарую множество золота и серебра, а от императора славу и власть. Если же он погибнет (что было более, чем вероятно — В. Ш.), то обещанное мною унаследуют его дети и родственники».

На призыв откликнулся один «греческий франк», и слова его были просты и благородны: «Я могу сжечь ее и пролью свою кровь за христиан, ибо нет у меня никого, чтобы оплакивать меня».

Взял он стеклянный сосуд с горючей смесью, сел на доброго коня и, попросив, чтобы все молились за него, отправился в лагерь иноземцев. Тюрки решили, что это гонец, который везет известие о капитуляции крепости, и не остановили храбреца. А франк разбил снаряд о каменет и в тот же миг багровое пламя охватило сухое дерево. Прежде чем мусульмане успели опомниться, герой повернул коня и умчался в город, а от уникального орудия остался лишь обугленный остов.

Взбешенный Тогрул велел перебить стражу *бабана*, но делу это не помогло. Не удались и попытки новых подкопов. Окончательно же его настроение испортилось, когда по приказу Василия Апокавка простолюдины, специально расставленные на стенах, стали поносить и хулить повелителя

правоверных последними словами. Горожане даже перебросили в тюркский лагерь подарок для султана — свинью, сопроводив его такими словами: «женись на свинье, и тогда мы отдадим тебе Манцикерт в качестве приданого».

Башня Тогрул-бека. Рей, Иран.
Современное фото

После этого, не желая подрывать свой, и без того уже поколебавшийся, авторитет, Тогрул снял осаду и отступил. На обратном пути он с налета овладел крепостью Арцак на берегу озера Ван, но в свою страну владыка вернулся разгневанный, «ибо выполнил не все, что желал».

Прошло не так много времени после описанных событий, как скончался василевс Константин Мономах. Существует мнение (причем восходящее к самим византийским источникам), что именно он «погубил и разорил царство ромеев». Безусловно, Мономах не являлся, ни талантливым полководцем, ни способным администратором. Применительно к теме нашего повествования на него возлагается ответственность за византийскую аннексию Армении. И не потому, что это был акт международного произвола. Тогда все государи не упускали воз-

возможности расширить пределы своих держав. Гораздо хуже, что ликвидация армянской государственности и связанное с ней переселение местных феодалов вместе с их военными дружинами вглубь территории империи, лишили Византию своеобразной буферной зоны, отделявшей ее от воинственных кочевников.

В том же ряду, якобы, стоит и отказ от услуг 50-тысячного грузинского вспомогательного войска. Автократор стремился пополнить казну и потребовал от своих вассалов заменить натуральную повинность денежными взносами. Он полагал, что местные войска можно будет заменить византийскими гарнизонами. «Греки лишили Армению храбрых и воинственных воинов, — писал армянский летописец, — а вместо них назначили во главе войска евнухов и с их помощью хотели удержать восточную страну». Как известно, из этого ничего не получилось.

Признаться, далеко не все тонкости ромейской кадровой политики понятны современному исследователю. И все же, заметим, что среди царских евнухов встречались люди разные (вспомним, хотя бы, покорителя Италии Нарсеса), а военно-политическое положение империи требовало крайнего напряжения всех видов ресурсов (в т. ч. и финансовых). Один за другим, поднимали мятежи честолюбивые полководцы (будьте уверены — они всегда знают, как управлять государством), а Балканы подвергались опустошительным набегам печенегов из-за Дуная¹. С другой стороны, трудно сказать наверняка, как «осваивались» средства из имперского бюджета, и действительно ли грузинские князья постоянно держали наготове 50-тысячную армию. Не исключено, что большая часть ее существовала лишь на бумаге.

Не следует забывать также и о вполне реальной мощи сельджуков. Их вождь говорил, что легко может повести в поход 200 тысяч всадников. Нужно признать: кочевники сумели создать военную организацию, которая превосходила по своей эффективности византийскую. Вряд ли армянские князья, при всей их любви к отчизне, могли бы выдержать удар столь колоссальной силы. Так что не стоит взваливать весь груз ответственности за разразившуюся вскоре катастрофу на одного лишь императора Константина IX.

Можно лишь пожалеть, что в такое непростое время на престоле василевсов оказался, может быть, и неплохой, но вполне заурядный человек, которому оказалась не по плечу возложенная на него миссия. Но он и не рвался к царскому пурпуру. Покаяться за неудачи вместе с ним, по совести, должны те люди, которые настойчиво втащили его во власть. Ну а мы, после столь важного отступления, вернемся к нити нашего рассказа в тот самый момент, когда в Константинополе принимались решения, от которых зависела дальнейшая судьба Ромейской державы.

Преемница Константина Мономаха императрица Феодора (1055-1056 гг.) пыталась вести с Тогрулом мирные переговоры. Она «щедрыми дарами утолила звериный голод султана». В том году владыка пошел на Багдад, но отдельные тюркские орды продолжали совершать набеги на армянские владения империи.

Эти непрерывные укусы было невозможно предугадать, и люди, имевшие несчастье жить в приграничных областях, страдали от них невероятно. Отчаявшись справиться с ними, автократор Михаил VI (1056-1057 гг.) произвел массовую эвакуацию населения с юго-восточного побережья Черного моря.

Тогрул-бек. Рисунок современного турецкого художника

¹См. «Византия. Гроза над Дунаем», стр. 111 и далее.

В том же 1057 г., в результате военного переворота, на престол василевсов взошел Исаак I Комнин (1057-1059 гг.). Даже даты правления императоров середины XI столетия сами по себе показывают, насколько нестабильным было в ту пору положение в Римской державе. Не только султан Тогрул, но и мелкие мусульманские правители с нескрываемым интересом наблюдали за чехардой, царившей в царстве румов. В такой обстановке можно было вершить воинские подвиги, не опасаясь отпора.

Осенью один из эмиров внезапным набегом овладел старинной крепостью Мелитина, находившейся на исконно византийской территории. Тюрки оставались здесь двенадцать дней и полностью разрушили город, а его окрестности подчистую разграбили. Лишь наступление зимы и бескормица заставили налетчиков повернуть назад. Немало бед они причинили попадавшимся по дороге городам и селениям, пока в Тароне их не уничтожил местный армянский правитель Торник Мамиконян.

Но силы тюрков были поистине неисчислимы. В 1059 г. «вся Персия сдвинулась с места». Сельджуки прошли Армению, как нож сквозь масло, и с ходу взяли Севастию, которую власти даже не пытались оборонять. Мусульмане сожгли город и разложили окровавленные трупы «как поленицы». Новое вторжение произошло осенью 1062 г. Тюрки захватили и разграбили несколько городов, но бежали перед византийским военачальником Эрве Франгопулом¹.

Вышеупомянутые походы обошлись без личного участия султана Тогрула. Как раз в это время он оказался втянут в упорную борьбу со своим сводным братом Ибрахимом ибн Яналом и прежними хозяевами Багдада из иранской династии Буидов. В конце концов он победил всех: Ибрахима задушили тетивой лука; буидского полководца ал-Басасири также предали лютой казни. Ему отрубили голову, а тело распяли. Тогрул рассчитывал закрепить победу женитьбой на дочери халифа правоверных, но накануне собственной свадьбы он умер, про-

жив семьдесят лет. И так как своих детей у Тогрула не было (что довольно странно, при широких возможностях мусульманского владыки), то новым султаном сельджуков стал его любимый племянник Алп-Арслан (1063-1072 гг.), что значит «Храбрый лев».

Алп-Арслан. Восточная миниатюра

«Он простер над подданными крылья справедливости и укрыл их под сенью сострадания и щедрости», — гласит восточная летопись. Христианский автор отзывается об этом человеке куда как более сдержанно: «Похожий на царя зверей благородством и свирепостью». Какая из оценок ближе к истине, можно судить по делам повелителя правоверных.

Для начала Алп-Арслан вступил в войну с двоюродным дядей Куталмышем (тем самым, который десятью годами раньше разорил Карс). Малик² «собрал войско из головорезов, подобных распространившейся саранче», а султан двинул против него авангард во главе с эмиром Сау-Тегином³. Куталмыш был разбит и вскоре погиб. После

¹Очевидно, это был норманн на византийской службе.

²В мусульманской табели о рангах титул малика был на ступень ниже султана. Примерно также у византийцев соотносились титулы василевса и кесаря. Ниже малика стояли бек (князь) и эмир (военачальник)

³Между прочим, тоже весьма колоритная личность. По сообщению летописи, он «добровольно, без какой-либо нужды оскотил себя».

этого Алп-Арслан решил казнить пленных, «как львы расправляются с обнаглевшими волками». Но когда везир Низам ал-Мульк призвал своего повелителя к милосердию, султан действительно простил их и даже наградил «великодушно и милостиво».

Зато по отношению к христианам Алп-Арслан не проявил никакого милосердия. Конечно, деяния владыки правоверных не подотчетны никому из смертных, но лишь Аллаху единому. Тем более странно, что мусульманским хронистам потребовалось найти оправдание для султана, вставшего на путь войны. Согласно одному из источников, на службу к Алп-Арслану поступил некий тюркский эмир Туг-Тегин. Он поведал султану, что «страна ал-Курдж (*Грузия* — В. III.) стала для страны ар-Рум (*Византии* — В. III.) поприщем для обольщения и пастбищем для безбожия и тиранства». Надо заметить, что этот Туг-Тегин ранее неоднократно совершал набеги на приграничные области империи и при этом не нуждался ни в каком идеологическом обосновании своих разбоев. Но Алп-Арслана вполне устроили формулировки эмира. В 1064 г. он лично встал во главе войска и повел его против неверных.

Первый удар пришелся по грузинам. Огнем и мечом пройдя по южным районам страны, сельджуки повернули назад, готовясь к вторжению с севера в Армению. На их пути лежала крепость Ахалкалаки. Ее маленький гарнизон не мог оказать серьезного сопротивления. Лишь в одной из башен за баррикадировалась горстка смельчаков, которые не пожелали сдаться на милость победителя. Тогда Алп-Арслан велел обложить укрепление дровами и сжечь его. Защитники башни погибли в огне, а султан «возвратился в свой шатер в самом лучшем состоянии и радостном настроении».

Грузия была сломлена. «Войско ислама одолело их, над ними стали властвовать мечи, и не осталось от них ни слуху, ни духу». Даже если завершающая фраза летописца является преувеличением, ясно, что организованное сопротивление прекратилось. Царь Баграт IV заключил с султаном мир, на условиях уплаты дани¹ и скрепил его династическим браком (племянница царя стала одной из жен Алп-Арслана).

В это же время сын султана Джалал ад-даула Малик-шах с отдельным корпусом разорял Армению. Он осадил монастырь Мармашэн. На этот раз, ни святой крест, ни мощная стена, укрепленная железом и свинцом, не спасли христиан. Ворвавшиеся тюрки истребили большую часть осажденных. Спаслись лишь те, кто согласился принять ислам. Затем, по повелению отца, Малик-шах повел воинов на соединение с главными силами армии. Под стенами Ани они оказались вместе.

Это был огромный город с сотнями церквей и многотысячным населением. Учитывая прежнее положение Ани, как столицы Великой Армении, не приходится удивляться, что он был сильно укреплен в фортификационном отношении. Здесь было два пояса оборонительных стен и цитадель — «Верхний город».

Любопытно, что, по свидетельству восточного летописца, защитники Ани рассчитывали

Сельджукский воин.
Восточная миниатюра

¹Это был особый вид подушного налога — джизья, который платили мусульманам иноверцы за право не переходить в ислам и исповедовать свою религию.

находилась между Хилатом и Малазгиртом¹ среди двухсот тысяч воинов с черными сердцами и мрачными лицами. Оба войска разделял лишь *фарсах* (т. е. около 7 км. — В. Ш.), но единобожие и троебожие² разделял *барзах*» (т. е. расстояние от смерти до судного дня — В. Ш.).

Как мы знаем, до ста тысяч византийская армия явно не дотягивала, но уstraшенный Алп-Арслан действительно предложилладыке румов перемирие. Диоген ответил, что заключит его только в Рее (т. е. в столице султаната).

Манцикерт

Перед началом сражения Алп-Арслан осмотрел вражеский лагерь. Его внимание сразу привлекли царский «балдахин из красного атласа» и такая же палатка. А еще «шатры из парчи». Все эти сооружения, конечно же, должны были подчеркивать величие василевса, но не забудем, что стоял жаркий августовский день, и Диогена приятно ласкала тень от пурпурного навеса.

Арабский источник сообщает даже, что Роман «сел на трон, и над ним был золотой крест, украшенный драгоценными камнями ценности баснословной». Вряд ли из турецкого лагеря можно было разглядеть такие подробности. В целом же, автор не погрешил против истины. Совсем скоро царские регалии станут трофеями сельджуков.

А вот еще одна подробность, приведенная в восточной летописи. На этот раз вполне правдоподобная. Дело в том, что византийцы по всем требованиям военной науки, унаследованной еще от грозных легионов Рима, окопали лагерь рвом и обнесли изгородью. Султан не знал этих древних тонкостей. Зрелище, которое он увидел перед собой, навело Алп-Арслана на другие мысли.

— Они погибли, клянусь Аллахом! Ибо, если при столь большой численности решили обвести себя рвом, то это ясно указывает на их трусость и малодушие.

Теперь тюркам оставалось лишь сражаться. По совету имама, Алп-Арслан отложил начало битвы до ближайшей пятницы — священного для мусульман дня. По христианскому летоисчислению это было 19 августа 1071 г.

Накануне Роман предпринял попытку произвести разведку боем, но его передовые части попали в засаду и были разгромлены. Еще хуже, что на сторону противников переметнулся отряд грузов, этнически близких сельджукам. Император перенес эти известия стоически, султан же возрадовался.

«И столкнулись обе армии в пятницу. В стане султана возвысились голоса чтецов Корана и барабанный бой, — пишет арабский хронист, — а в лагере войск румийцев слышались удары в била».

Тяжело пришлось воинам ислама. Хотя тот же автор называет в качестве причины

Лев и бык. Восточная миниатюра

¹Тюркский вариант топонима Манцикерт.

²Поскольку христиане веруют в Святую Троицу (Бога-отца, Бога-сына и Бога — Святого духа), мусульмане считали их троебожниками.

их затруднений, не мужество противника, а буйство стихии. Оказывается, «поднялся ветер, который ослепил глаза мусульман, и чуть было не обратилось в бегство войско султана».

Тогда Алп-Арслан сошел с коня и стал горячо молиться. «И стянулись тучи носительницы ветров и ослепили пылью глаза неверующих. И принесло тогда, согласно предопределению, плод свой древо возмущения и сокрушено было высокомерие заблуждения, и стерты были знамена христиан. И поднялась при закате солнца пыль битвы и охватила царя греков рука плена и гибели».

Весьма драматическое описание, не так ли? Но оставим в покое силы небесные и тучи с облаками пыли (это стандартная деталь всех батальных картин в изложении мусульманских авторов). Сейчас важно только одно: в начале сражения при Манцикерте сельджукам пришлось очень нелегко.

Романа Диогена нельзя назвать малодушным трусом. Он был воином и сам повел авангард вперед. Тюрки начали охватывать фланги ромеев, обрушив на них град стрел. Падали люди и лошади. Кавалерия теряла боеспособность. Тогда император приказал произвести решительную атаку.

Центр войска (гвардия и тяжелая армянская пехота) двинулся вперед, но враги рассыпались, не принимая ближнего боя. Роман не обольщался. Он хорошо знал излюбленный тактический прием тюрков — притворное отступление. Из всех сил настигавшие коней всадники на самом деле заманивали ромеев под удар свежих главных сил, и вскоре победители могли стать побежденными.

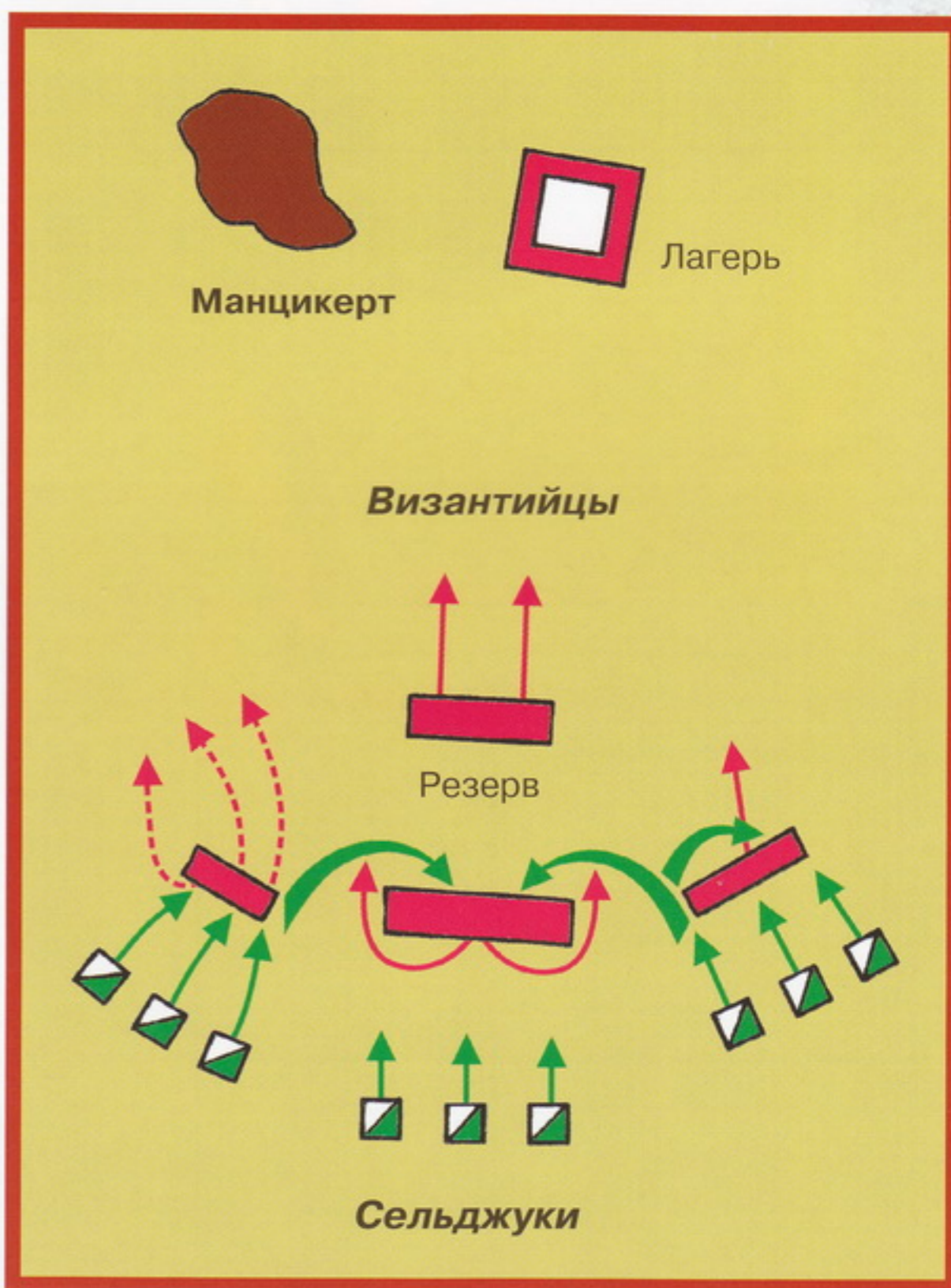
Император жестко контролировал действия центрального корпуса своей армии, зато управление на флангах было потеряно. Отряды легкой конницы, набранные из печенегов и гузов, поддались на уловку и, утратив хладнокровие, бросились в погоню за откатывавшимся (как казалось) в полном беспорядке противником. Как писал историк Никифор Вриенний: «преследуя, ромеи попадали в засады и гибли во множестве». Пехота не могла поспевать за ними, так что вскоре между центром и флангами армии образовались опасные разрывы.

Близился вечер. Василевс приказал войскам остановиться, а потом даже несколько отойти назад, чтобы выровнять боевые порядки. Гонец с соответствующим приказом

был послан и в лагерь ромеев. И вот тут выяснилось, кто был главным врагом императора.

Армейским резервом командовал Андроник Дука — племянник усопшего Константина X. Как и все Дуки, он не выносил нового царя. Теперь пришло время рассчитаться с «тираном». Андроник объявил подчиненным, что мусульмане наголову разбили императора, который пал в битве. Единственное спасение для уцелевших заключается в бегстве. И вот уже полки Андроника поворачивают коней и, не разбирая дороги, устремляются назад.

Вид так и не вступивших в бой, а теперь убегающих отрядов, произвел в византийском лагере ошеломляющее впечатление. Даже самые смелые потеряли присутствие духа. Вспомогательные армянские части оставили фронт и скрылись в пыльном мареве жаркого августовского дня. Не выдержали и некоторые подразделения, находившиеся под непосредственным царским командованием. Разноплеменные наемники: болгары, македонцы, гузы, печенеги тоже бежали. Армия, как-то вдруг, перестала существовать, превратившись в обезумевшее стадо.

Сражение при Манцикерте
19 августа 1071 г.

2010

Наверное, тюрки очень удивились неожиданным переменам на поле боя, но Алп-Арслан всецело воспользовался выпавшей ему удачей. Сельджуки изначально находились в меньшинстве, но сейчас они перешли в наступление.

Сначала мусульмане обрушились на правое крыло противника и обратили его в бегство. Войска левого фланга отходили, сохраняя строй, пока тюрки не вышли им в тыл, отрезав путь к спасению. Ромеи пробивались с боем, неся тяжелые потери.

Султан решил, что настал черед нанести решающий удар в центре. Никифор Вриенний отмечал, что враги, «окружив царя, бросились на него со всех сторон». Сперва сельджуки не решались вступить в рукопашную схватку. Они засыпали неприятеля тучей стрел. Их было так много, что не спасали никакие доспехи. Воины падали на землю, утыканные стрелами, как подушечки для иголок. Ближе к закату солнца битва превратилась в побоище. Потерявшие строй византийцы подверглись беспощадному истреблению.

Вокруг Романа сплотились бойцы отборных гвардейских подразделений: варяги, росы, франки. Как простому солдату, пешим, пришлось сражаться и самому василевсу, но его личное мужество не могло переломить ход сражения. Оно было проиграно бесповоротно. «Господь не выступил с мечом и щитом вместе с нами, не обнажил меч против врага и не остановил его».

Силы человеческие не беспредельны. Скоро Роман был ранен в руку и выронил меч. Последние защитники вокруг него рассеялись. Кругом сновали сельджуки. Они сноровисто обирали мертвых и раненых. Вязали наиболее важных пленных. Прочие же «либо сделались добычей меча, либо спаслись бегством».

Победителям достались византийский лагерь и знаменитый царский красный шатер, казна и «драгоценнейшие из царских знаков». Утром дошла очередь и до самого императора.

Согласно арабской летописи, слуга Алп-Арслана искал сбежавшую от него лошадь, но нашел другую, «с уздой, украшенной драгоценными камнями, и седлом золотым, а у лошади сидел муж, и перед

ним лежал золотой шлем и панцирь из золотых колец».

Слуга захотел прикончить этого человека, но тот сказал ему (интересно, на каком языке?): «Я кесарь греческий. Не убивай

Битва при Манцикерте.

Западноевропейская миниатюра отражает (причем, с известной долей фантазии) сразу два эпизода этого исторического события: пленение императора Романа Диогена и его унижение султаном.

Вместе с тем, иллюстрация наглядно подтверждает, насколько сильное впечатление произвел на Европу факт разгрома византийской армии сельджуками

меня, ведь убиение царей — позор!». В самом деле, доставленный живым, такой пленник представлял гораздо большую ценность. Со связанными руками его привели к султану.

«И привратники схватили его за волосы и за грудь, нагибая к земле, чтобы он ее поцеловал», но повелитель правоверных сказал: «Оставьте его. Довольно, что он увидел этот день». Действительно, впервые за 800 лет римский император попал в плен!

Дальнейшие описания пребывания Романа Диогена у сельджуков полны леденящих

душу подробностей. Алп-Арслан, якобы, велел поставить василевса на колени и использовал его как скамеечку для ног. А еще Диогену проделали в уши кольца, означавшие, что он теперь «раб султана». Затем его заковали в цепи и, чтобы унижить, даже выставили на продажу на невольничьем рынке.

Если эти эпизоды и имели место, то, конечно же, как символ поражения ромеев. Султан все еще не мог поверить, что правитель державы, перед которой совсем недавно трепетали все племена и народы, находится в полной его власти. В целом Алп-Арслан обошелся с царственным пленником довольно ласково. К нему приставили слуг и приглашали к обеду за хозяйский стол.

Дошло дело и до переговоров. Роман довольно логично заявил, что лучше всего заключить с ним мирный договор. Ведь, в случае его гибели, новый император обязательно возобновит войну. Султан подумал и согласился. Одержанная им победа выглядела невероятной. Алп-Арслан решил не испытывать судьбу и ограничился следующими требованиями:

- Император получал свободу за выкуп в 100 тысяч золотых.

- Византия обязывалась регулярно уплачивать сельджукам дань (восточная летопись называет сумму в миллион динаров в год).

- Освобождению подлежали все ранее взятые в плен турки.

Для Романа эти условия выглядели приемлемыми. Хотя сохранились упоминания и о территориальных уступках в пользу победителей. Кроме того, Диоген пообещал султану связать брачными узами их детей. Но дальнейшие события показали, что трагедия императора и его царства еще только начиналась.

За ту неделю, пока василевс находился в плену, в Константинополе произошел государственный переворот. Высокопоставленные предатели, бежавшие из-под Манцикерта, объявили о гибели государя в несчастной битве. Представители клана Дук открыто радовались смерти «узурпатора» и предвкусывали возвращение к власти.

«Воскрешение» Романа оказалось неприятным сюрпризом, но ничего не изме-

нило в расстановке политических сил. Его объявили низложенным.

Императрица Евдокия по-настоящему любила своего второго мужа-красавца. Она отказалась признать его свержение с престола. За это ей самой пришлось принять схиму и закончить дни в монастыре. Новым императором был провозглашен ее сын от брака с Константином Дукой Михаил VII (1071-1078 гг.).

Но этим дело не кончилось. Предстояло еще устранить Романа Диогена. Этот человек мешал всем. Для начала ему предложили «прощение», чтобы он удалился в частную жизнь. Но экс-царь не чувствовал за собой вины. Более того, он, по-прежнему, считал себя законным василевсом и начал собирать войска. Так в ромейской державе появилось сразу два императора и вспыхнула гражданская война.

Имеются сведения, что турки, заинтересованные в выполнении договора, подписанного с Романом, поддерживали его в междоусобной борьбе¹. Но у властей в Константинополе хватило сил, чтобы расправиться

Памятник султану Алп-Арслану на поле битвы при Манцикерте. Современное фото

¹«Знай, что Аллах внимлет просьбе того, кто задумал сделать добро!» — сказал Алп-Арслан, даруя свободу Диогену.

ся с «мятежником». Правительственными войсками командовал тот самый Андроник Дука, который погубил армию при Манцикерте. Диоген был разбит в нескольких боях в Малой Азии. Вокруг неудачливого государя постепенно образовывалась пустота. Даже люди, ранее преданные ему, оставляли царский лагерь. Наконец, летом 1072 г., получив гарантии безопасности, Роман прекратил сопротивление.

Все, что произошло дальше несмысленным позором осталось в истории, как характернейшая черта «византизма». Для начала Диогена облачили в монашеские одежды и совершили чин пострижения. Теперь он никогда не сможет претендовать на трон. Но и это еще не все. По пути в столицу конвой встретил гонец, доставивший приказ «вырвать глаза Роману». Слишком велика оказалась ненависть придворной клики к прежнему автократу.

Прямо в придорожном сарае на него навалились палачи. Прижали к земле щитом и начали орудовать раскаленным железом. Несчастный кричал от нестерпимой боли, уверяя, что глаза его вытекли и он уже ничего не видит. Но его мучители, не особенно владевшие своим ремеслом, решили действовать наверняка. Четырежды они повторяли жуткую процедуру. Наконец, бывший владыка ромейской державы, а теперь просто изувеченный человек, провалился в черную муть обморока. Лицо его распухло, превратилось в страшную маску.

Искалеченного государя утешили обещанием «царствия небесного», но мы не знаем, куда попала душа его, когда через несколько дней Роман Диоген умер в монастыре (по-видимому, от заражения, так как о стерильности пыточного инструмента, конечно же, никто не позаботился)¹.

Неизвестно, какие чувства испытал Алп-Арслан, узнав о расправе на своем другом Ароманусом. Несомненно одно: хаос, воцарившийся в царстве румов, заставил его поверить в безопасность своих западных рубежей. Удостоившись от багдадского халифа титула *Абу-л-Фатх* («Отец победы») и назначив наместником только что завое-

ванных армянских земель двоюродного племянника Сулеймана, повелитель правоверных обратил взор на Восток. В 1072 г. он выступил в поход на Хорезм для устрашения тамошнего владетеля, который дерзко вознамерился соперничать могуществом с государем, которому не было равных среди людей.

Первой на пути султана оказалась крепость Барзан близ Мерва, и он обрушил на нее гнев свой. Гарнизон и жители изнемогли от тягостной осады и не было для них спасения. Тогда комендант Юсуф-ал-Хоразми, вступив в переговоры, пообещал сдать город, если в течение трех дней не получит помощь.

Алп-Арслан. Рисунок современного турецкого художника

Это только на киноэкране в самый тяжелый момент появляются «наши». Барзан остался в одиночестве и был обречен. В течение трех суток Юсуф, «пригласив музыкантов и певцов, со своими детьми и женой веселился». В последнюю ночь, исполнившись мрачной решимости, этот жесткий человек зарезал собственную семью. Затем, спрятав под одеждой два кинжала, он вышел навстречу султану. Алп-Арслан хотел четвертовать упрямого коменданта, но Юсуф ал-Хоразми, хотя и простился уже с жизнью,

¹Лучше всех позорную дикость сложившейся ситуации обрисовал британский историк Джон Норвич: «Константинопольские правители, зашоренные своим интеллектуальным снобизмом и всепоглощающими амбициями, отринули все возможные пути для спасения империи. Они замучили мужественного и честного человека, стоявшего больше их всех, вместе взятых; именно эти люди нанесли империи удар, от которого она так никогда и не смогла оправиться».

отважно воскликнул: «Разве так убивают мужей?»

Возникла заминка, поскольку султан не мог не оценить подобного самоотречения. Он взял лук и велел слугам отпустить пленника, чтобы тот принял смерть, достойную воина. Юсуф же выхватил нож из рукава и бросился к престолу владыки. Алп-Арслан спустил тетиву, но рука его дрогнула, а на второй выстрел уже не хватило времени. В мгновение ока хорезмиец нанес султану три смертельных удара в бок. Ему тут же размозили голову железной палицей и изрубили на куски мечами. Но жизни таких людей несовместимы. Прожив еще три дня, 8 декабря 1072 г. Алп-Арслан «ушел из мира вслед за прочими смертными, придя туда, где едины цари и бедняки». Имя Юсуфа ал-Хоразми осталось в истории лишь по странной случайности, но пишущий эти строки автор признается, что такой человек все же вызывает больше уважения, чем его жертва.

Ну а нам, почтеннейший читатель, теперь самое время вернуться в Малую Азию, население которой с ужасом ожидало нового вторжения сельджуков. Единственной реальной мерой, которую василевс Михаил VII предпринял в этой ситуации, оказалась повторная эвакуация жителей причерноморских областей.

С организацией вооруженного отпора агрессору получилось несравненно хуже.

В 70-е годы XI столетия честолюбивые полководцы не раз поднимали мятежи против центральных властей. При этом все участники данных конфликтов стремились заручиться поддержкой сельджуков, как единственной реальной силы в регионе.

Верно служивший султану Тогрулу и его сыну Малик-шаху Сулейман ибн Куталмыш активно помогал румийцам истреблять друг друга, не забывая и о собственных интересах. К 1078 г. он установил контроль над значительной частью Малой Азии¹. У ромеев остались только города, да и то — далеко не все.

«Иноязычные и злобные племена наводнили многие земли нашей страны, — горестно отметил летописец, — обосновались на берегу моря-океана и разбили шатер против великого града, чтобы весь мир заполнить кровью и трупами и положить конец порядку и вере христианской». Столицей нового — Румского² султаната была провозглашена Никея.

Что же представлял собой боевой механизм, который позволял одерживать столь громкие победы, и, как мы узнаем впоследствии, веками заставлял трепетать три континента? Пришел черед рассказать о военной организации тюрок. И тот из вас, кто отдает предпочтение раю перед адом, пусть окажет помощь праву, отвратит лицо ото лжи и будет с нами, а не против нас.

¹Хотя точнее все-таки было бы сказать, что в то смутное время никто не пытался оспаривать, в одночасье ставшие бесхозными, земли у периодически появлявшихся там тюрок.

²Сельджукиды дали своему государству такое название, потому что оно было основано на землях, отвоеванных у румов. Так тюрки воспроизводили этноним ромей (т. е. византийцы).

ТУРЕЦКИЙ

МАРШ

а протяжении своей долгой, без малого тысячелетней истории турки почти беспрерывно воевали. Это в наши

дни легкий гений Моцарта заставляет думать о турецком марше, как о несерьезной музыкальной шутке. Но некогда под рев зурн, цимбалы и барабаны, боевые таборы османов вступали в поверженные столицы трех континентов. Турки по праву могут гордиться своими громкими победами, и сегодня турецкая армия является наиболее эффективным и авторитетным государственным институтом нашего южного соседа. Вооруженные силы (*Türk Silahlı Kuvvet-*

leri) не только отстаивают территориальную целостность республики, но и зорко следят за соблюдением гражданскими властями основных конституционных принципов. В противном случае даже самое легитимное правительство может в любой момент лишиться власти.

С учетом этой роли армейских кругов, становится понятным, почему среди особо почетных гостей на открытии в 2008 г. в Стамбуле художественной панорамы, созданной к 555-летию взятия Константинополя, были высокопоставленные турецкие военные. Они являются правопреемниками аскеров минувших эпох. А прочный фундамент этой отлаженной машины был заложен на полях сражений турецко-византийских войн.

Мобилизационная база

Первоначально это было родоплеменное ополчение, в состав которого входили все взрослые здоровые мужчины. Выступая в поход, султан брал от своего родового племени *кынык* четыре *тюмена* (т. е. около 40 тысяч воинов), а от прочих (всего их было 24) по одному. Ученые оценивают общее число тюрко-огузов, переселившихся в XI веке из Средней Азии в Иран, Сирию и Ирак, в 500-700 тысяч человек. В следующем, XII столетии их количество приблизилось к миллиону, а, возможно, и превысило его. Исходя из этих расчетов, мобилизационный потенциал сельджуков мог достигать 270 тысяч воинов.

**Сельджукский
медный кувшин**

И это не считая вспомогательных воинских контингентов, выставяемых покоренными народами. Располагавший надежной информацией *везир* султана Малик-шаха (1072-1092 гг.) Низам ал-Мульк писал, что в войске его повелителя было 400 тысяч всадников. Огромная цифра!

Тем не менее, на первом этапе сельджукских завоеваний эта плохо управляемая масса была пригодна, в основном, для грабежей в ходе внезапных налетов. Если же обитатели соседних стран оказывали организованное сопротивление, турки быстро теряли воинственный пыл, и кампания могла вообще прекращаться.

Вместе с тем, особенностью сельджуков был достаточно быстрый (в течение одного поколения) переход данного этноса (или, по крайней мере, его племенной верхушки) от кочевого к оседлому образу жизни. Султаны и знать селились в городах, окружая себя многочисленным слоем служащих и используя труд местных ремесленников¹. Совершенствовалось и военное устройство сельджукидов.

¹Уже в конце XI века были разработаны детально продуманные и довольно сложные нормы этикета при султанском дворе. Кажется, в них предусмотрены правила на все случаи жизни. Особенно интересен запрет приносить на султанский пир спиртное «в своей бутылке», а также замечание, не одобряющее, «чтобы всedневно еду, закуску и вино носили из дворца царей в свой дом». Таким образом, пир у владыки, конечно, праздник, но пользоваться его щедростью «навынос» это откровенно дурной тон. И то, и другое звучит очень современно.

Структура войска

Как и все кочевники, тюрки были природными наездниками. Арабский современник был уверен, что каждый из них «сидел на спине своего коня больше, чем на поверхности земли». Неудивительно, что основу и главную ударную силу сельджукского войска составляла конница. Прежде всего, легкая.

владыки. В местах расквартирования население поставляло для нее фураж и несло расходы, связанные с постоем воинов.

Затем появились отряды *муфридов* — две сотни дворцовых гвардейцев, выполнявших функции личной охраны владыки правоверных. Подобно халифам Багдада и Каира, сельджукские правители набирали таких телохранителей в основном из пленных рабов-гулямов. Муфриды должны быть храбры, иметь высокий рост и приятную внешность. Одежды их красивы, а оружие хорошо прилажено. Все это гвардейцы получали из казны.

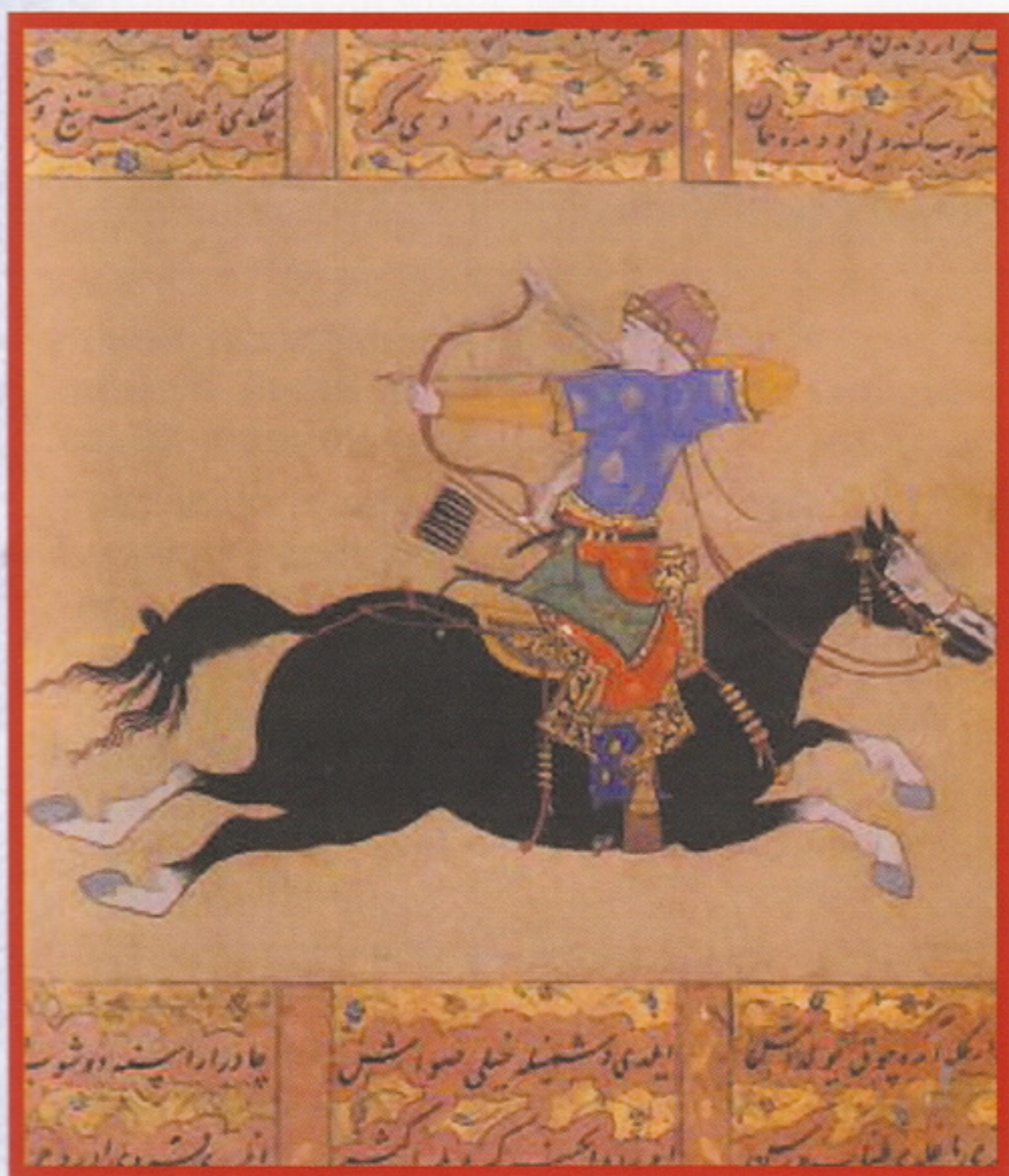
Муфриды считались кавалерийским подразделением. Вместе с ними на положении гулямов несли придворную службу и пехотинцы: тысяча человек непосредственно в столице и три тысячи в территориальных частях эмиров.

Несмотря на то, что у огузов бытовало крылатое выражение «пешему нет надежды», в ходе становления государственности и, связанного с этим процессом, перехода от кочевого скотоводства к земледелию, у тюрков появились пехотные формирования. В ходе боевых действий они, как правило (о немногих исключениях речь впереди), выполняли второстепенные функции. В случае необходимости, всадники могли перевозить пехотинцев на крупах своих лошадей.

Пешую часть войска составляли контингенты вассалов султаната: тюркских, арабских, курдских и других феодалов. Они получали от сюзерена земельные владения — *икта* и за счет доходов с этих имений должны были в случае необходимости принимать участие в военных кампаниях султана во главе отрядов заранее установленной численности, полностью снаряженных за свой счет.

Особенно нравился воинам обычай, согласно которому султан, собрав армию, перед выступлением в поход устраивал для нее общий пир.

Икта сделали многих сельджуков профессиональными солдатами — *сипахи*. Они жили в мирное время за счет сельскохозяйственного труда, а в военное за счет добычи. А поскольку войны велись практически непрерывно, то на занятия земледелием времени не оставалось. Воины постоянно находились в боевых условиях и промышляли

Турецкий лучник. Восточная миниатюра

Позднее у сельджуков появилась и тяжелая кавалерия («броненосные воины»), созданная, по-видимому, с учетом опыта боевых контактов с византийцами и крестоносцами, но широкого распространения она не получила. Очевидно тюркам не нравились ее малая подвижность, равно как и связанные с нею: ограниченная зона действия и скованность при маневре (нельзя также сбрасывать со счетов высокий уровень затрат на снаряжение, обучение и содержание данного рода войск).

В источниках сохранились отдельные свидетельства о применении сельджуками колесниц и боевых слонов, но нам они кажутся не вполне достоверными.

Ядро армии состояло из личной (и довольно крупной по численности) дружины султана, набранной из единоплеменников

грабежом, а участки сдавались в аренду и могли прокормить членов их семей.

Наконец, немалую роль играло наемное войско. Как правило, в него вербовались иноплеменники и даже иноверцы (армяне, франки и т.д.).

Считалось, что воинские части, сформированные по национальному признаку (хорасанцы, дейлемиты, иранцы и т.д.), являются наиболее боеспособными. Ибо, «когда наступал день битвы — все племена сражались ревнуя к своему имени и доброй славе, чтобы никто не сказал: “Такое-то племя проявило слабость в битве”. Все стремились превзойти другого». А после того, когда войско один-два раза добилося победы над врагом, «сотня его всадников не ставит ни во что тысячу всадников противника».

Состояние войска и его боеготовность контролировали специальные инспекторы. В ходе строевых смотров они проверяли экипировку

бойцов, наличие и исправность всех элементов вооружения и положенного снаряжения.

Высокого уровня развития со временем достигли тыловые службы армии. Несмотря на высокое значение, традиционно придававшееся маневренности, войска в походе сопровождали обозы. Имелись даже полевые госпитали со штатом лекарей и слуг, снабженные довольно качественным для своего времени профессиональным инструментарием и лекарствами, необходимым количеством шатров для размещения раненых и больных, а также выючными животными для их транспортировки. Сохранилось даже упоминание о наличии у сельджуков военно-голубиной почты.

Сельджукский племенной вождь и конный лучник, конец XI — начало XII вв.

Как и все кочевники, турки были прирожденными наездниками, основным оружием которых, вне зависимости от социального статуса, являлся лук. До создания сельджукского государства, с присущими ему элементами инфраструктуры (городами, ремесленными мастерскими, зачатками промышленности и т.д.) защитное вооружение было доступно только племенной знати. Вождь облачен в стальной шлем, собранный из отдельных сегментов. Зато облегченный панцирь набран из кожаных пластин и прикрывает только грудь. Простой воин вообще лишен защитного снаряжения. Интересны сапоги обоих всадников, с мягкими голенищами, пристегнутыми к поясу.

Иллюстрация
О. И. Горшенкова,
© В. Н. Шиканов

Командный состав

Руководящие кадры для армии первоначально поставляла родовая верхушка отдельных племен. Для этого сыновья беков («князей») по достижении 15-16 летнего возраста обязательно должны были обучаться ратному делу.

В огузском героическом эпосе сохранились свидетельства о практике военной подготовки знатной тюркской молодежи. Так некий Казан-бек чрезвычайно гордился своими дядей и братом, поскольку, и тот, и другой «рубил головы, лил кровь — получил награды и обрел имя». Зато собственный сын не радовал героя. «Шестнадцать лет ты прожил. — Обратился бек к наследнику. — Настанет день, я свалюсь мертвым, останешься ты один, а лука не натягивал, стрелы не выпускал, крови не проливал». Таким образом, князя беспокоило, что его отпрыск к 16 годам так и не прошел курс «начальной военной подготовки».

Определенные перспективы служебного роста были и у гулямов. Их «курс молодого бойца» длился восемь лет. Сначала военный раб служил на положении простого пехотинца. На второй год ему давали лошадь. Затем постепенно доверяли разные виды вооружения (меч, лук, палицу и т. д.). Жаловались также придворные чины. На восьмой год гулям мог стать

висак-баши — командиром отделения из четырех человек.

На первый взгляд не слишком стремительная карьера. Но если и в дальнейшем «становились всюду известны его достоинства и заслуги, если совершал он большие дела, был обходителен с людьми и любил господина», то по достижении 37-летнего возраста воина могли сделать эмиром, т. е. пожаловать ему *икта* и доверить самостоятельное командование. Хотя даже в этом случае гулям не мог рассчитывать на особенно высокое продвижение. Его потолком, как правило, была должность *элли-баши* (командир полусотни). Для получения ранга командира сотни или, тем более, тысячи требовались особые заслуги и личное расположение со стороны султана. Начальниками тюменов (*сю-баши*) становились исключительно родовитые мужи.

В мирное время всей полнотой не только гражданской, но и военной власти обладали главы административных областей султаната. После принятия решения о начале боевых действий, армия сосредотачивалась на общем сборном пункте (обычно для этого требовалось от десяти до двадцати дней), где распределение высших командных должностей происходило заново. Султан вверял их своим ближайшим доверенным лицам.

Оружие и боевое снаряжение

Структура тюркского войска неразрывно связана с применявшимся на практике вооружением. Излюбленным видом оружия сельджуков был, конечно же, лук, которым турки, как и все кочевники, владели в совершенстве. Как и навыкам верховой езды, искусству стрельбы учили с детства, а в промежутках между походами мастерство постоянно совершенствовали: во время охоты и в специальных тренировочных манежах, хотя такую подготовку проходили, прежде всего, отпрыски знатных родов. Основная масса молодежи и уж тем более представителей более зрелых поколений официальным государственным обучением была не охвачена.

Византийская принцесса Анна Комнина оставит будущим поколениям яркую характеристику главного на тот момент противника Византии.

«Турки, не в пример кельтам (*т. е. воинам из Западной Европы — В. Ш.*), мало пользуются копьями, а стараются окружить врага со всех сторон и обстрелять его из луков... Когда турок преследует, он захватывает свою жертву при помощи лука; когда его преследуют самого, одолевает врага при помощи стрел; турок мечет стрелу, и стрела на своем лету поражает коня или всадника; пущенная сильной рукой, она пронзает тело насквозь. Вот какие искусные лучники турки».

Противник подвергался непрерывному боевому воздействию, так что стрелы буквально «висели в воздухе». Хотя такая стрельба «по площадям» была связана с большим и неэффективным расходом стрел. Иногда лучники целенаправленно стремились поражать лошадей. Для столь крупной цели это было проще, и стало быть расстроить боевые порядки неприятеля можно было быстрее.

Борьба. Восточная миниатюра. Индивидуальная физическая подготовка являлась важной составной частью обучения турецких воинов

Луки изготавливались из дерева и рога животных. На тетиве имелось специальное кольцо для ее натягивания. Стрелы делались из легкого тростника, или березы, с железными наконечниками. Носимый боекомплект обычно состоял из 90 стрел. Их убойная сила позволяла пробивать даже металлические доспехи, а зазубренные или отравленные наконечники обладали дополнительным поражающим действием.

Из других видов оружия отметим сабли, со временем почти полностью вытеснившие мечи; копья, дротики, секиры и боевые топоры, кинжалы с прямым клинком, а также металлические булавы. Последние, чаще всего, являлись атрибутом начальствующих лиц.

Защитное снаряжение было представлено кольчугами и щитами, наборными панцирями и шлемами. Особые металлические пояса защищали живот и использовались для крепления предметов вооружения.

Естественно, что полный боевой комплект был доступен только знатному воину (как правило, военачальнику). Но существовали и целые подразделения, сформированные из солидно экипированных бойцов. Сохранились свидетельства об оружии, украшенном драгоценными камнями, которое выдавалось дворцовым гвардейцам султана на время парадных приемов, поскольку «величию царя должны соответствовать красота державы и царский распорядок».

Стратегия и тактика

Первоначально тюрки ничего не слышали ни о каком военном искусстве. Их действия сводились к партизанским набегам, в ходе которых они разоряли и опустошали земли соседей. Селения подчистую грабили, посеы сжигали, сады вырубали, виноградники вытаптывали. После этого, обремененные добычей, налетчики возвращались в свои полупустыни (или что там тогда представляли области между Амударьей и Сырдарьей).

Вместе с тем, выдвинувшиеся из огузской среды сельджукиды не могли бы осуществить свои широкомасштабные завоевания, если бы не заимствовали основные принципы военной организации у мусульманских правителей среднеазиатских государств, на службе у которых они изначально состояли.

Теперь предстоящие военные кампании тщательно готовились. Для их планирования султан имел при себе военный совет, составленный из высших должностных лиц государства и военачальников (ибо уже в те давние времена умные люди понимали, что война это серьезное экономическое предприятие). Этот орган вырабатывал план кампании, намечал районы исходного сосредоточения войск и пути их движения, готовил кадровые предложения, ставил задачи официальным поставщикам, занимался организацией войскового снабжения (как минимум, до вступления на вражескую территорию, где армия переходила на «самозаготовки»). Естественно, что все стратегические решения в окончательном виде принимались лично султаном, но роль

его сподвижников ни в коем случае нельзя недооценивать.

Следующим важным этапом кампании была военная разведка. Она велась непрерывно, как до ее начала (стратегическая), так и непосредственно в ходе боевых действий (войсковая).

«Надо отправлять лазутчиков постоянно во все места под видом купцов, странников, суфиев (в данном случае странствующих проповедников — В. Ш.), продавцов целительных средств, нищих; — советовал уже упоминавшийся нами видный государственный деятель Низам ал-Мульк, — пусть они сообщают обо всем, что услышат, чтобы ничто из дел никоим образом не оставалось скрытым». Разведчиками являлись и парламентареры, прибывавшие в лагерь противника для переговоров.

Выдвижение в зону боевых действий осуществлялось в походном порядке, плотной организованной массой, «так как не было разрешения, чтобы кто-либо отставал». Во главе армии находился авангард, с выдвинутым еще дальше вперед головным дозором. Затем шли главные силы, вместе с которыми следовали высшее командование, казна, канцелярия, военная техника, обозы

Сельджукский кавалерист и воин гарнизонной пехоты, вторая половина XII в.

Основным оружием тюркской конницы, по-прежнему, остается лук. Вместе с тем, усиливается арсенал ближнего боя. В рукопашных схватках часто применяется булава, состоящая из бронзовой ударной головки и деревянной рукояти.

Отмечается трансформация меча в саблю. Клинок оружия становится однолезвийным, слегка изогнутым и заостренным к концу. Железные пластины панциря теперь нашиваются на кожаную рубаху. Снаряжение пехотинца также более солидное и отражает западное влияние в зоне контакта двух цивилизаций. Перевязь, надетая через плечо, дает дополнительную защиту от рубящих ударов, но может и носиться обернутой вокруг шлема, в качестве тюрбана.

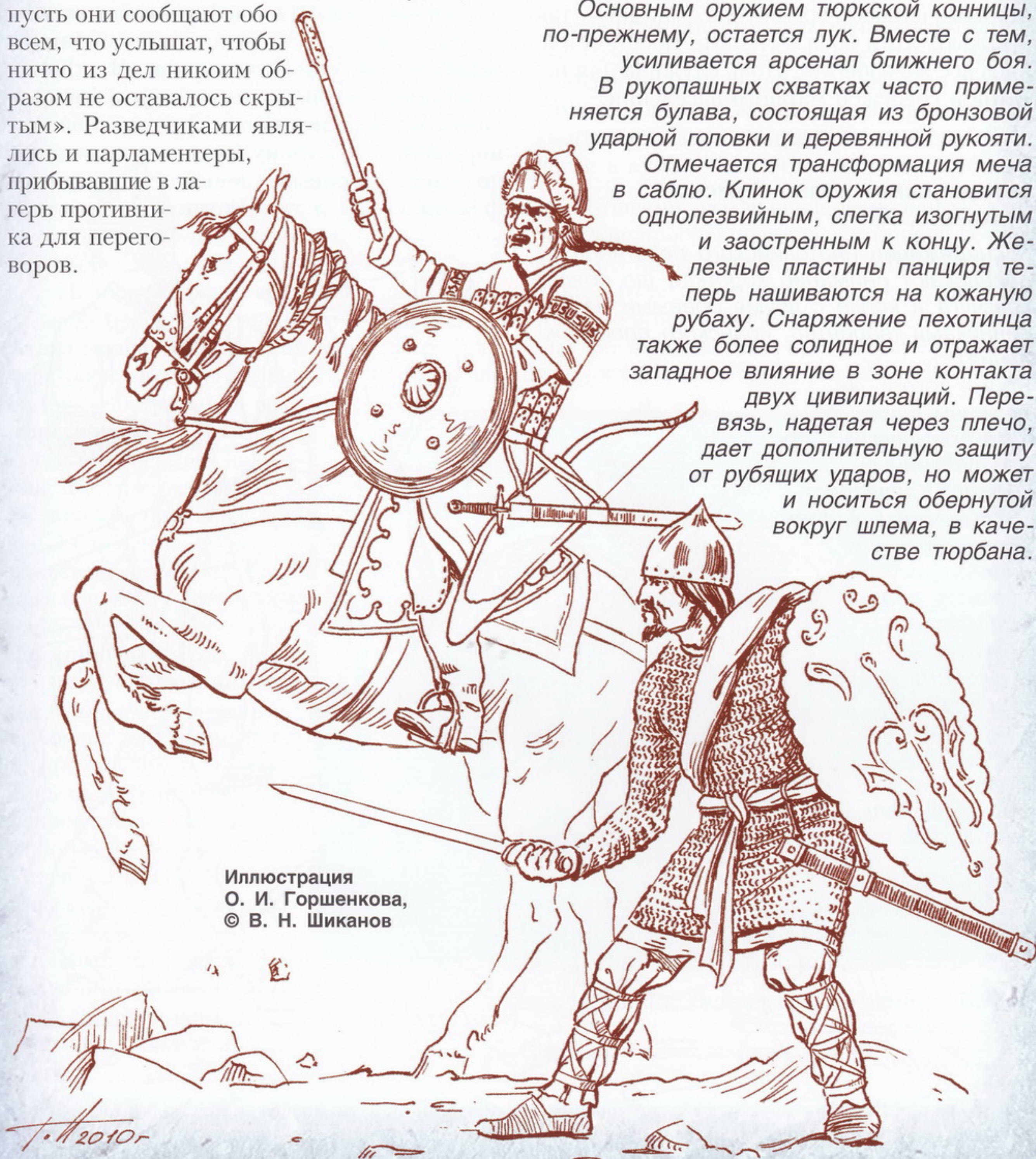

Иллюстрация
О. И. Горшенкова,
© В. Н. Шиканов

и госпитали. С флангов колонну прикрывали части сторожевого охранения. Замыкал движение аррьергард и выделенные от него тыловые дозоры.

Высокий профессионализм воинов, слаженность их действий позволяли тюркской коннице успешно решать такие сложные и разнообразные боевые задачи как разведка, беспокойство противника во время марша, на переправах и на стоянке, завязывание боя, заманивание, обходы и охваты, нанесение неожиданных ударов из засад, настойчивое преследование. При этом конница могла одинаково эффективно действовать в любое время года, как днем, так и ночью. Хотя боев в темноте тюрки старались все же избегать. Ночь служила для набегов и грабежей мирного населения.

Основной формой ведения боевых действий у сельджуков традиционно считалось наступление. Оно могло вестись сразу в нескольких (в том числе и расходящихся) направлениях.

Высокомобильные (чему способствовало использование запасных лошадей), конные отряды сельджуков не любили вступать в ближний бой¹, а стремились измотать противника и подорвать его боевой дух. Для этого самые сильные части тюрки ставили на флангах, при относительно слабом центре. Такое распределение сил позволяло выйти неприятелю в тыл, окружить и уничтожить его.

Осуществлять столь сложные маневры на поле сражения позволяла еще одна особенность тактики сельджуков. В отличие от многих кочевников, они строились для битвы в расчлененном по фронту и эшелонированном в глубину боевом порядке. «Правый, левый фланги и центр турецкого

Сельджукские воины Румского султаната, XIII в.

В снаряжении анатолийского пехотинца привлекают внимание короткая (до пояса) кольчуга и копье с двумя боевыми наконечниками (вероятно, иранского происхождения).

Кроме того, оружием ближнего боя служит однолезвийный кинжал. Кавалерист, облаченный в кафтан поверх кольчуги, по-видимому, является представителем племенной знати. Его укороченная сабля не только боевое, но и церемониальное оружие.

Иллюстрация
О. И. Горшенкова,
© В. Н. Шиканов

¹Защищаться турки предпочитают издалека», — свидетельствует Анна Комнина.

строю, — отметила принцесса Анна, — расположены на определенном расстоянии друг от друга, и фаланги стоят как бы разорванно». Заметим также, не упомянутые в приведенном пассаже, авангард и, что особенно важно, резерв, отсутствовавший во многих европейских армиях эпохи.

Благодаря такому построению, полководец поддерживал непрерывное управление боем, наращивая силу удара на нужных участках, либо оперативно реагируя на действия противника. При этом команды отдельным частям отдавались через гонцов, а также с помощью визуальной (знамен и значков) и звуковой связи (сигнальных труб и барабанов).

Для ослабления вражеского натиска широко использовалось ложное отступление. Специально выделенные для этого отряды наводили неприятеля на засаду. С учетом характера местности, она располагались на виду, или скрытно. При этом засадные части размещались многоступенчато: в виде одного, двух или даже трех заслонов.

Наиболее эффективно конница действовала на открытых, ровных пространствах. Атака производилась, как правило, на уже расстроенные ряды неприятеля, чтобы, нанеся ему поражение по частям, обратить в бегство, когда охваченным паникой людям можно нанести максимальный урон¹.

Если кампания началась с явным численным перевесом противника, сельджуки отступали, не принимая боя. Ибо сказано: *«Поспешность от шайтана, а неторопливость от милосердного»*. За ними оставалась выжженная земля, начисто лишенная каких-либо ресурсов: скот угонялся или забивался, посевы сжигались, колодцы отравлялись и т.д.

Выбирать место для сражения рекомендовалось с учетом соотношения своих сил и армии

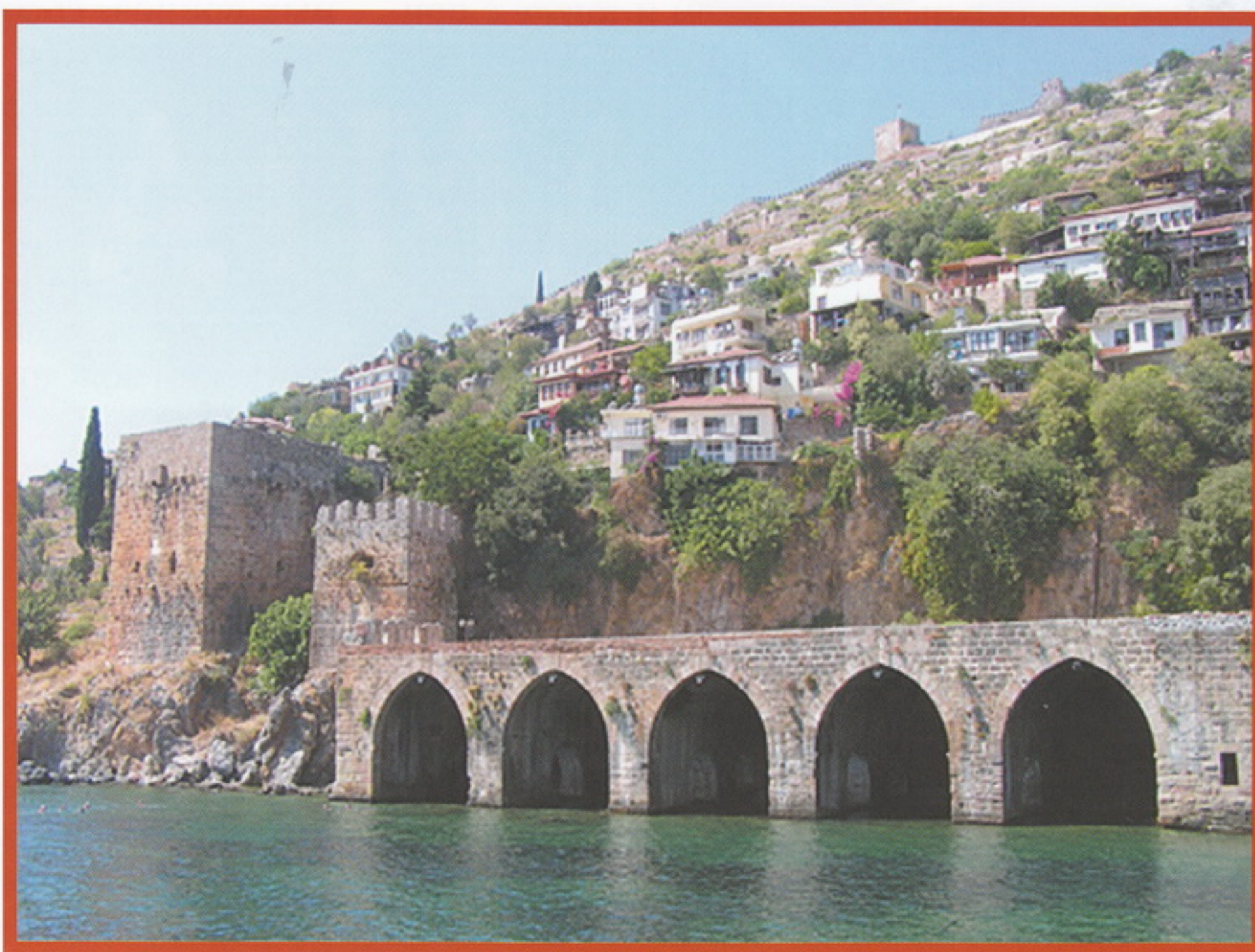
противника, а также стоявших перед военачальником задач. Вкратце эти принципы можно свести к следующему:

— Конное войско сражается против пехоты, построившись вогнутой дугой, чтобы охватить противника с флангов и, по возможности, окружить его.

— Пехота отражает атаку вражеской кавалерии, заняв неудобную для действий конницы позицию (на холме, или в теснине). Возможна также круговая оборона. В таком случае, следует, не вступая в бой, вовлечь неприятеля в переговоры о мире.

— Если обе стороны располагают однородными силами, удар наносится на одном из флангов (как правило, правом), а другой служит для отражения атаки противника. Центр и резерв подкрепляют фланговые части в нужное время и в нужном месте.

Конечно, все вышеперечисленные тактические приемы появились у тюрков не сразу, а были выработаны в ходе боевой практики. Но не может не вызывать удивления и уважения то обстоятельство, насколько быстро они вошли в арсенал премудрости сельджукских военачальников.

Сельджукская судостроительная верфь в Аланье. 1228 г.
Современное фото

¹Сохранилось свидетельство, что однажды тюрки погнали на войска халифа стада скота. Строй арабов был разрушен, а последующая атака сельджукской конницы довершила их разгром.

Они широко использовали знания, накопленные другими народами (иранцами, арабами и т. д.). Так, если тюркам и не удалось раскрыть секрет знаменитого «греческого огня», то эффект от его применения они, наверняка, оценили и нашли равноценный заменитель. В восточных источниках регулярно встречаются упоминания о войнах-нефтеметателях. С выходом к берегам Малой Азии, тюрки обзавелись боевыми и транспортными флотами. Они состояли из кораблей разных типов, построенных мастерами из приморских городов. Возможно, что первоначально из местных жителей набирались и их экипажи.

Также, вопреки своему кочевому образу жизни, тюрки-огузы довольно рано стали применять в военном деле достижения инженерной мысли. Наводя мосты, или на подручных средствах, они могли форсировать даже очень широкие водные преграды. В походах войско сопровождали заранее построенные осадные машины (иногда довольно сложной конструкции) и метательные орудия. Тюрки умели отводить от городов реки, вести подкопы или наоборот сооружать насыпи.

Если же сельджукам приходилось самим оборонять крепости, то они защищались с исключительным упорством и также с применением технических средств. Например, чтобы ослабить действие торсионной «артиллерии» противника стены обвешивали мешками с соломой, листьями сыромятной кожи, войлоком и т. д. Установленные здесь же метательные машины стремились подавить вражескую осадную технику. Для ее уничтожения производились внезапные вылазки гарнизона.

Большое внимание сельджукские султаны и их полководцы уделяли боевому духу своих войск. Вступив в боевой контакт с христианами (ромеями, армянами и грузинами), они придали ведущимся войнам характер священной борьбы за веру.

Перед началом сражения мусульмане совершали намаз, прося Аллаха о даровании победы, а в атаку шли под звуки музыки и с громкоподобным боевым кличем. Зачас-

тую дикие выкрики, «которые могли бы оглушить мертвеца», деморализовывали противника еще до начала схватки.

Несмотря на творимые на войне чудовищные жестокости (что, впрочем, мало зависит от национальных, религиозных и исторических особенностей), тюрки подчинялись жестким требованиям воинской дисциплины. Исполнение команд отрабатывалось тренировками до автоматизма, а послушание сурово каралось.

Однажды султан увидел гуляма, привязывавшего к седлу торбу с соломой и птицу. Владыка вызвал раба пред свои светлые очи и спросил его, внешне бесстрастно: «Эту птицу ты откуда достал?»

— Взял у одного поселянина.

— Но разве ты не получаешь от меня ежемесячной платы?

— Получаю.

— Так почему же не покупаешь на золото? Почему взял насильем?

Ответить на это было нечего. А султан распорядился, чтобы гуляма рассекли надвое и повесили при дороге, привязав ворованную торбу с сеном. Увидев столь наглядный урок, все войско «очень уstraшилось».

С другой стороны, повелитель правоверных отмечал и награждал самых отважных воинов, совершивших подвиги на поле битвы. Богатыри *бехадур* охотно вступали в единоборство с вражеским смельчаком. Победа в таком поединке могла решить исход всего боя. В награду удалец получал от султана хвост яка, вделанный в золотую оправу. Такой знак привешивался на шею лошади.

Известия о победах, одержанных сельджукским войском, рассылались во все концы султаната и к соседним правителям. Подобная пропаганда способствовала подавлению сепаратистских настроений внутри государства и укреплению международного авторитета султана.

Подводя итог сказанному, заметим, что военный механизм сельджуков в течение длительного времени позволял им решать масштабные политические задачи, эффективно действуя против любых соперников, с которыми им довелось иметь дело.

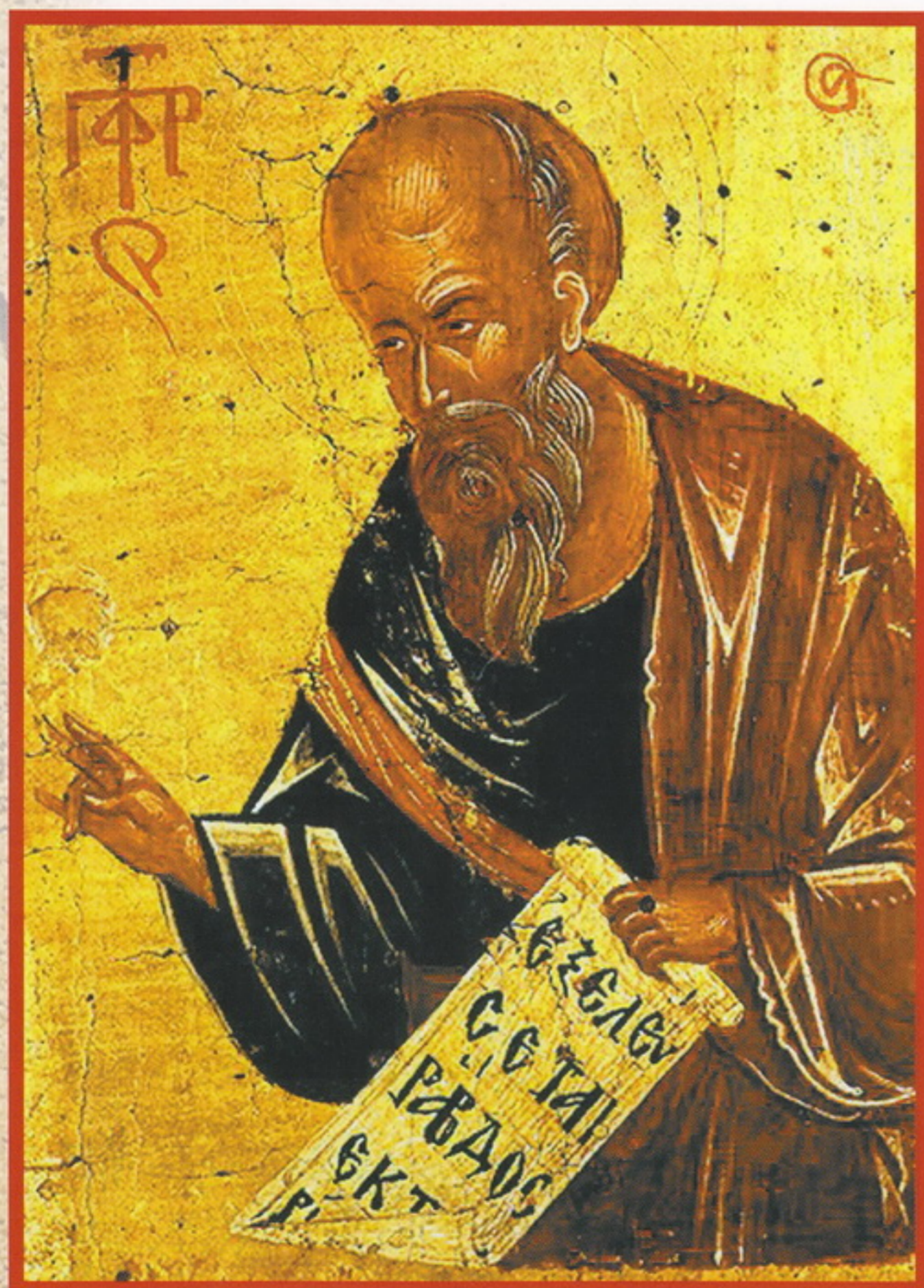

листательный василевс Мануил I Комнин (1143-1180 гг.), во Христе божьим император, да пребудет память о нем в веках, всерьез увлекался астрологией и манящими знаниями тайных практик. Однажды государь спросил прорицателя: «Долго ли будет царствовать род мой?» Ответ старца оказался неожиданным: «ΑΙΜΑ», что по-гречески значит *кровь*... Василевс удивленно посмотрел на кудесника — не кроется ли тут оскорбления царственности? И ведь дрянь старикишка. Автократору достаточно приподнять бровь, и эту гниду тотчас придавят, да так, что и следа не останется. Конечно, мы-то с вами знаем, что

*Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.*

Пророк Елисей,
фрагмент православной иконы

Но и Мануил никогда не был беспричинно кровожаден. Не лучше ли в такой ситуации истолковать пророчество в благоприятном для себя и династии смысле. Благо при дворе полно услужливых астрологов, всегда готовых угодить самодержцу. Вот и на этот раз *специалисты* подсказали, что в слове αἷμα зашифрован рецепт долголетия династии Комнинов. В самом деле, имя основавшего ее деда Мануила Алексея начиналось на букву Α (альфа). Затем правил Иоанн, в начале имени которого стоит Ι (йота). Имя самого Мануила пишется через Μ (мю). Отсюда следовал вывод: его наследник должен иметь имя также на Α. И в дальнейшем следует лишь повторять этот порядок чередования имен.

Все остались очень довольны такой трактовкой, и позднее император Мануил I не случайно назвал своего сына Алексеем. Однако время, быстролетящее и беспощадное, расставило свои акценты. В рамках затронутой нами темы следует признать, что всем представителям царственного дома Комнинов действительно пришлось вести кровопролитные войны с тюрками-сельджуками...

Еще в начале правления Алексей I (1081-1118 гг.) видел, что империя находится в состоянии агонии. Он столкнулся с перспективой войны сразу на двух фронтах. Взглянув на восток с городской стены Константинополя, василевс мог различить на противоположном берегу Босфора островерхие шатры тюрков. Еще хуже было положение дел на западе. Против Византии выступили норманны, обосновавшиеся в Южной Италии и на Сицилии. Проанализировав ситуацию, василевс счел «западных варваров» более опасными. Весной 1081 г. он заключил с сельджуками мирный договор и отправился воевать против норманнов¹.

Для султана Рума Сулеймана это был настоящий подарок. Владения греков в Малой Азии ограничивались незначительной территорией к северу от реки Дракон, впадавшей в Мраморное море. Затем, не опасаясь удара с тыла, Сулейман приступил к окончательному освоению оставшихся бесхозными азиатских владений Византии. К этому времени ему еще не покорились земли в Киликии и Северной Сирии.

Управлял христианским анклавом Филарет Врахамий. Полководец Романа Диогена

¹См. «Византия. Римская мечта», стр. 116 и далее.

Остатки Влахернского дворца. Современное фото. Именно сюда, на северо-западную окраину Константинополя Комнины перенесли императорскую резиденцию

и «человек замечательного мужества и ума», он не признал власть свергнувших василевса заговорщиков и самостоятельно организовал оборону провинции от тюрок, хотя и действовал в полной изоляции. В течение нескольких лет Филарет сохранял контроль над такими важными городами, как Тарс, Мопсуэстия, Аназарб, Эдесса и Антиохия.

Филарета предал собственный сын. Он тайно призвал Сулеймана, и султан не заставил себя ждать. Совершив скрытный шестисоткилометровый марш (тюрки шли по ночам), трехтысячный отряд сельджуков перевалил через горы Тавра и с ходу овладел Антиохией.

После этого Сулейман стал могущественным владыкой, независимым от Малик-шаха. Тогда один из братьев великого султана — правивший Сирией и Месопотамией Тутуш поднял меч на неблагодарного и взбунтовавшегося вассала. В ожесточенной битве близ Алеппо (июль 1086 г.) Сулейман был разбит и погиб (или покончил жизнь самоубийством). У сельджуков началась смута. Централизованное управление рухнуло, а власть стали вершить жестокие и решительные «полевые командиры». То было время, когда «каждый сатрап, охранявший город или городок, захватил и присвоил себе ту крепость, которую охранял».

В Никее укрепился наместник покойного Сулеймана эмир Абуль-Касим. Он неоднократно вторгался в византийские владения, доходя до Мраморного моря, благо оно было совсем недалеко. В портовом городе Киос был даже заложен флот для нападений на европейские владения императора. Еще южнее — в Смирне обосновался мусульманский эмир Чахан, который овладел на побережье несколькими городами и, обзаведясь кораблями, навел ужас на острова в Эгейском море.

Усилия, предпринятые василевсом, чтобы исправить ситуацию привели к половинчатому результату. Флотилию Абуль-Касима удалось сжечь в порту, но

попытка ромеев вернуть Никею оказалась безуспешной. Тюрки, по-прежнему, находились всего в двух шагах от столицы ромеев. С эмиром пришлось договариваться, с большим почетом принимая его в Константинополе.

С Чаханом получилось еще хуже. Его пиратские корабли (кстати, вряд ли управлявшие тюрками) наголову разбили одну царскую эскадру, а другая постыдно обратилась в бегство, так и не вступив в бой.

Гораздо большие результаты принесла «стратегия не прямых действий», в которой византийцы были большие мастера. Алексей направил письмо никейскому султану, в котором доверительно сообщал, что недостойный Чахан хочет лишить его власти. «Не проявляй слабости и будь настороже», — писал император.

В Никее тогда правил сын Сулеймана Кылич-Арслан I (1092-1107 гг.). Он несколько лет провел на положении заложника у своего родственника Малик-шаха, да и теперь не был уверен в прочности собственного положения на троне. В результате интрига сработала безотказно. Устрашенный перспективой войны не только с греками, но и с соплеменниками, Чахан явился к султану. Кылич-Арслан «изобразил на своем лице радость», но во время пира всадил ему

в бок меч. При минимуме затрат Алексей Комнин решил сразу две важнейшие задачи. Византия избавилась от опаснейшего противника, а между империей и Румским султанатом был заключен мирный договор (1093 г.).

И все же в начале 90-х гг. XI в. положение Ромейской державы оставалось весьма напряженным. Не имея сил для борьбы с многочисленными внешними врагами, Комнин решился на крайнюю меру. Переступив через гордость, он обратился за помощью к королям западноевропейских государств. Его послание исполнено искреннего драматизма, напряженный пульс которого не угас за минувшие девять столетий.

«Святейшая империя христиан греческих, — говорилось в царской грамоте, — сильно утесняется печенегами и турками. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом свершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух... Итак, действуйте, пока имеете время, дабы христианское царство, и что еще важнее, — Гроб Господень не были для вас потеряны, дабы вы могли получить не осуждение, но вечную награду на небесах».

Пока гонцы с обращением василевса плыли или скакали на запад. Пока просьбу греческого царя и связанные с ней практические шаги обсуждали в Европе на самом высоком уровне, прошли не недели и даже не месяцы, а несколько лет. Только в октябре 1095 г. папа Урбан провозгласил на синоде в Клермоне «Великий военный поход христианского рыцарства».

Между тем, дела на Востоке шли своим чередом. Владыки правоверных были заняты собственными проблемами, явно отводя румам второстепенную роль.

Великий сельджукид Малик-шах стремился поддерживать с Византией ровные взаимоотношения. Когда из Никеи в Рей прибыл Абуль-Касим, в надежде снискать милость султана щедрыми дарами и раболепной покорностью, Малик не принял недостойного, но сделал так, чтобы «сатрапы» задушили его тетивой лука. Султан предложил также Алексею Комнину скрепить намечающийся союз династическим браком, но судьба распорядилась иначе. Пока ответное посольство ромеев следовало далеко не безопасными путями в Иран, владыка правоверных скончался, а на трон взошел его сын Рукн ад-Дин Бэрк-Ярук (1092-1104 гг.).

Малик-шах.

Рисунок современного турецкого художника

Считается, что это был мягкий человек и добрый государь. Именно Бэрк-Ярук вернул свободу Кылич-Арслану. Едва вернувшись в Никею, он сразу же столкнулся с необходимостью с оружием в руках отстаивать свое право на трон. В 1096 г. начался Первый крестовый поход, и именно его государству пришлось принять на себя удар Божьих пилигримов.

Из школьного учебника истории мы помним, что сначала в путь отправились крестьяне (хватало там и откровенного сброда, включая уголовные элементы средневековья). Неорганизованные и почти безоружные, они были твердо уверены, что сарацины не устоят против Слова Христова и рассеются, как утренний туман на болоте под лучами живительного солнца. Едва эти пестрые толпы переправились в Малую Азию, как у реки Дракон сельджуки скосили их своими саблями, подобно густой траве.

Вторая волна «паломников» выглядела гораздо внушительнее. В мае 1096 г. рыцарское ополчение, блестя грозовой сталью, подошло к Никее и обложило столицу султана. Были в составе союзных войск и ромейские отряды императора Алексея.

Семь недель продолжалась осада. Предпринятая Кылич-Арсланом попытка деблокировать город окончилась кровавой неудачей. Рыцари показали, что вояки они профессиональные. Зато византийцы оказались хитрее. Их командование вступило с сельджуками в переговоры. Сладкоречивые греки тихо-струйно нанизывали слова в предложения,

убеждая мусульман: единственная возможность спасти жителей Никеи от мести латинян за прошлогоднюю резню их единоверцев заключается в том, чтобы передать город в руки законного государя — василевса Алексея. А уж он защитит вновь обретенных подданных, вне зависимости от их племени и веры. В подтверждение посланцы показали златопечатный царский хрисовул, в котором перечислялись все милости автократора к своим верным.

И дрогнули сердца тюрков. Никея раскрыла ворота перед начальником императорского флота Мануилом Вутумитом. Когда утром латиняне пошли на приступ, они уви-

дели на крепостных башнях государевы штандарты.

А дальше все произошло, как и было обещано. Никея избежала разгрома, а те из сельджуков, кто решил поступить на службу к василевсу, получили от Комнина богатые награды. Тех же, кто захотел вернуться к соплеменникам, отпустили с миром и тоже с подарками. С особым почетом император проводил в Константинополь жену Кылич-Арслана с двумя их детьми (позднее все они, без какого-либо выкупа, вернулись к султану).

Латиняне, по-прежнему, очень хотели проникнуть в город, «чтобы посетить храмы и поклониться им». Но достоправный Вутумит «хорошо знал нрав кельтов и не согласился пустить их всем скопом, а разрешил входить по десять человек». Кроме того, пилигримы получили и золото. И все-таки, они очень обиделись. Ведь, согласно доброй рыцарской традиции, город, взятый приступом, следовало полностью разграбить.

Не тогда ли зародилось взаимное недоверие между христианами? Во всяком случае, один из крестоносных летописцев записал позднее: «В то время империя греков управлялась злым и преисполненным коварства человеком по имени Алексей и по прозвищу Комнин».

А василевс заставил графов и баронов принести клятву верности, присягнув, что все земли, которые ранее входили в состав Ромейской державы, как только будут они отбиты у сарацин, вернуться своему законному обладателю — императору¹.

Впереди крестоносцев ждали кровавая победа при Дорилее, превышающая силы человеческие осада Антиохии, резня при штурме Иерусалима и десятилетия бесконечного и безнадёжного вооруженного противостояния с окружающим миром ислама. Но никому не дано знать своего будущего. Пока пилигримы исполнены лучших надежд на обретение Земли Обетованной и освобождение Гроба Господня. Пожелаем и мы им удачи на тяжком пути, а сами вернемся в Византию, которая снова стала расширять свои пределы.

Еще в начале царствования автократор Алексей хитростью вернул город Синоп

Император Алексей Комнин принимает Готфрида Бульонского и других вождей Первого крестового похода.

Гравюра XIX века

¹Для ожидавшейся приемки городов василевс прикомандировал к крестоносному войску своего официального представителя — великого примикирия (т. е. заведующего нотариальной службой) Татикия.

и северное побережье Черного моря. Крестоносцы возвратили ему южный берег Малой Азии. В то же время войско и флот самого автократора восстановили контроль над прибрежными городами Эгейского моря. Кампания 1097 г. завершилась уже во внутренних районах полуострова. Таким образом, ромеи вновь обрели многие земли, утраченные после катастрофы при Манцикерт. Правда, ни у византийцев, ни у латинян не хватило настойчивости, чтобы окончательно уничтожить сельджуков, изолированных в глубине материка¹. В результате этой недоработки Византия погибла, а в Анатолии² до наших дней продолжает существовать турецкое государство. Но все это будет позже, а пока ослабленный поражениями Кылич-Арслан принялся воевать с... единоверцами.

Будучи вынужден после утраты Никеи перенести свою резиденцию в Иконий³, он

Султан Кылич-Арслан I (1092-1107 гг.).

Рисунок современного турецкого художника. Повелитель-воин, он первым вступил в противоборство с объединенными силами западных и восточных христиан

приступил «к завершению формирования границ султаната». Занимаясь столь важным делом, Кылич-Арслан развязал войну против мусульманского эмирата Данишмендов, а затем выступил в поход на владения другой тюркской династии — Артукидов, правивших в Северной Месопотамии. Осенью 1107 г. он был разбит под Мосулом и во время отступления утонул в реке Хабур (приток Евфрата).

Очередным султаном Коньи стал брат Кылич-Арслана Сулейман Малик-шах (1107-1117 гг.). Он задумал взять реванш у неверных и попытался прорваться на Эгейское побережье Малой Азии. Василевс спешно перебросил через Геллеспонт значительное войско, но с сельджуками справился правитель Филадельфии Константин Гавра. У стен этого города он смело атаковал тюрков и нанес им тяжелое поражение. После этого Малик-шах запросил перемирия, и Комнин, придав себе для величия грозный вид, согласился подписать новый договор.

Эти события относятся к первой половине 1112 г., а уже следующей весной какие-то «могущественные архисатрапы» совершили новый набег. Они разграбили окрестности Никеи и распространились дальше вдоль южного берега Мраморного моря. Местные ромейские части понесли несколько чувствительных поражений, а дука Никеи даже попал в плен.

Императору опять пришлось самому отправиться на театр боевых действий. Совершив стремительный марш по левому берегу реки Сангар и далее на Дорилей и Котией, царь с ходу, «подобно молнии», атаковал противника. На этот раз тюрки были разбиты, оставив на поле сражения множество убитых и раненых. Уцелевшие пытались укрыться в густом речном тростнике, но Алексей приказал поджечь заросли. Обезумевшие сарацины выбегали оттуда. Одни из них стали жертвой меча, остальные были достав-

¹Нельзя сказать, что для этого ничего не предпринималось. В 1101 г. новые отряды крестоносцев пытались проникнуть вглубь Малой Азии, но понесли огромные потери: от жары, отсутствия фуража и провианта. Наконец, в трехдневном сражении 5-7 августа 1101 г. близ Амасии объединенные силы сельджуков окончательно рассеяли это воинство. Лишь немногие вернулись назад, или прорвались в Киликию.

²Анатолия (тур. *Anadolu*) — распространенное наименование Малой Азии. Произошло от греческого слова буквально означающего «восток». В дальнейшем турки называли так свои азиатские владения в отличие от европейских — Румелии (т.е. страны ромеев).

³Современная Конья в Турции. Соответственно, возникшее здесь тюркское государство называлось Иконийский, или Конийский султанат. Хотя, как мы уже знаем, сами сельджуки предпочитали называть его Румским.

лены к самодержцу. Правда, затем другие отряды сельджуков (как мы помним, они наводнили всю Вифинию) все же потрепали арьергард ромеев, но это не помешало императору в конце 1113 г. вернуться в царственный город победителем.

«До конца дней Алексея, — пишет его дочь Анна, — мы жили в мире». Это оптимистическое заявление не соответствует действительности. В 1116 г. василевсу снова пришлось отражать атаки сельджуков, организованные султаном Малик-шахом. Сроки начала ответной экспедиции пришлось откладывать из-за жесточайших приступов ревматизма, мучивших государя, но стоило боли немного отпустить, и автократор повел армию навстречу врагу.

Василевс Алексей Комнин принимает духовных лиц. Настенная роспись. У ног императора сидит его дочь Анна. Благодаря перу византийской принцессы, мы имеем, хотя и приукрашенный, но при этом весьма ценный источник по истории ромейской державы на рубеже XI-XII вв.

Тюрки не принимали боя, начиная отступать, как только становилось известно о приближении ромейских войск (удалось настичь и разгромить лишь некоторые из отрядов). В конце концов, устав гоняться за варварами, Комнин вернулся в Никомидию, чтобы дать армии отдых. Хотя «некоторые злопыхатели насмеялись над бездействием Алексея, клеветали и шептались, что,

так хорошо снарядившись против варваров, он не совершил ничего значительного».

Василевс не реагировал на шипение аспидов. Доукомплектовав и оснастив войска, он повел их на столицу сарацин — Иконий. Узнав от перебежчиков о начале марша, тюрки применили тактику выжженной земли, так что на пути византийцев не осталось ни пищи для людей, ни корма для коней. Поразмыслив и даже... бросив жребий (!), император решил не рисковать и ограничился взятием ближайшего города Филомилий.

Отсюда ромеи повернули назад. Двигались несколькими плотно сомкнутыми колоннами, поместив в середине освобожденных пленников. Вместе с армией уходили и христиане, издавна жившие в этих местах. Они

понимали, что пощады от мусульман не будет.

Вся эта огромная масса народа двигалась в окружении сразу осмелевших сарацин. По ночам они, разведя бесчисленные костры, «выли как волки» на окрестных холмах. Днем почти непрерывно атаковали византийцев. Впрочем, без особого успеха.

Прибыл, наконец, и султан Малик-шах. Он посмеялся над своими, слишком осторожными военачальниками. И тогда один из них ответил с достоинством: «Если ты такой храбрый, иди и попытай счастья сам, дело покажет, кто прав».

Султан лишь усмехнулся презрительно и велел атаковать греков по всему фронту одновременно. Он лично нанес удар по тыловому прикрытию. Ромеи отбивались, не прекращая движения. А когда командовавший частями правого фланга Никифор Вриенний по собственной инициативе

пришел на помощь арьергарду, тюрки не выдержали и повернули коней назад. Султан нахлестывал трусов камчой и бил саблей, но и он оказался вовлечен в постыдное бегство.

На следующий день все повторилось. Малик-шах собрал свои, хотя и потрепанные, но все еще многочисленные орды. И опять сельджуки не могли прорвать строй ромеев,

как будто на их пути оказалась стена из кованной стали.

Двухдневные бои под Аморием продемонстрировали бессилие степных орд перед регулярной армией, возглавляемой талантливыми и смелыми командирами.

Атака сельджукской конницы.

Рисунок современного турецкого художника

На третьи сутки явившийся от султана гонец известил, что его повелитель просит мира. Василевс ответил согласием, но, опасаясь коварства сарацин, велел войскам и людям невоенным оставаться в походном построении.

Когда Малик-шах со свитой подъехал к царской ставке, его взору открылось незабываемое зрелище. Справа и слева от императора находились его родственники и приближенные, занимавшие высшие командные должности. К сожалению, историческое повествование не оставило сведений, как они выглядели. Возможно, стратиги были облачены в парадные одеяния, присвоенные их рангам. Но может быть и наоборот — предстали в пыльных, иссеченных доспехах, и разодранных плащах, как если бы только вышли из боя. Сдержанное достоинство воинов было главным украшением этих людей. Самым же убедительным силовым аргументом в предстоящей встрече на высшем уровне оказался развернувшийся за спиной императора отряд катафрактос в конном строю и с головы до ног закованных в сияющую броню.

Проникнувшись величием момента, «архисатрапы» султана сошли с лошадей и преклонились перед автократом. Алексей протянул руку, чтобы удержать Малик-шаха, но тот, быстро спешившись, обнял ногу царя румийцев. Тогда и василевс велел дать тюрку

лучшего коня и набросил ему на плечи свой плащ. Трудно представить, что эти люди были столь непримиримыми врагами.

Описывая дальнейшие переговоры, принцесса Анна Комнина преподносит дело таким образом, что ее отец продиктовал султану прямо-таки условия капитуляции. Если верить ее словам, сельджуки должны были уйти из пределов Ромейской державы, очистив те земли, которые Византия некогда утратила после Манцикерта. Султан же и его «сатрапы», якобы ответили: «Мы бы не явились сюда, если бы не решили заключить мир с твоей царственностью».

На самом деле все было, конечно же, не так. Максимум, чего мог добиться Комнин от сельджуков, так это обязательства

не нарушать уже существующие границы. Хотя исполнению договоренностей помешали и внутренние события в Конийском султанате, на которые василевс ромеев едва ли мог повлиять.

Малик-шах был свергнут и задушен по приказу брата — Рукн ад-Дин Масуда, а 15 августа 1118 г. скончался император Алексей Комнин. Эпоха правления его сына и внука традиционно считается благополучным периодом в истории Ромейской державы.

Прежде чем перейти к описанию их деяний, мы покажем, как жили в XII веке восточные соседи империи. Несмотря на то, что тайные козни, предательства и жестокости обычно ассоциируются с Византией, можете не сомневаться: у них тоже все было, «как у людей». При этом мы намеренно не указываем точных дат событий, речь о которых пойдет ниже. Такое могло происходить буквально каждый день. Тем более что, в качестве источников, нами использованы восточные летописи. Так что все это не клевета коварных греков.

Итак...

Бюллетень фактов

— После гибели султана Кылич-Арслана его младший сын находился в Малатии. Его воспитателем был почтенный муж Пизмиш. Но был там еще один муж — Иль-Арслан. Войдя в сговор с матерью принца, он убил Пизмиша, а ее сделал своей женой.

— Обосновавшиеся в Антиохии норманны крепко утесняли эмира Куртига, но никак не могли одолеть его. Тогда они пошли на хитрость и подарили ему франкскую женщину, которая его и отравила.

— Эмир Балак держал в плену короля Иерусалимского Балдуина II и Жослена графа Эдессы. Работавшие в крепости армяне перебили стражников и других тюрок и освободили знатных сеньоров. Жослен отправился за подкреплением, поклявшись королю вернуться. Но в это время подошел с войском Балак. Стены крепости были разбиты, и франки вышли к победителю. После жестоких мучений эмир убил семьдесят мужей, а короля увел, ибо торопился разорить всю округу.

— Недостойные исмаилиты убили вазира султана Гийас ад-Дина и одного из знатных его. Тогда султан разгневался, и все исмаилиты в тюркских владениях были убиты.

— Через четыре года султан Гийас ад-Дин отправил Маудуда с войском против франков. Потерпев поражение, тот ушел в Дамаск. Здесь, когда он, преклоненный, держал руку владельца города, на него бросился исмаилит, ударил ножом и он умер.

— Войско султана вторглось во владения франков для грабежа. Франки вышли навстречу и уничтожили их; говорят, что они сожгли три тысячи тюрок.

— Перед смертью Великий сельджукид Гийас ад-Дин Мухаммад Тапар совершил поразительное: предчувствуя кончину, он велел привести свою жену и приказал в своем присутствии умертвить ее, ибо он имел сына от второй жены и подозревал, что она убьет пасынка и выйдет замуж за другого человека.

— Когда умер халиф ал-Мустазхир, ему наследовал сын. Едва вступив во дворец отца, новый халиф изгнал оттуда играющих на цитре и всех музыкантов и сжег их у ворот; он же выдворил три тысячи женщин, певиц и распутниц, которые распивали вино с его отцом.

— Во время осады Мелитины ее жители страшно страдали от голода, а находив-

Слушая музыку. Восточная миниатюра

шаяся там же вдова Кылич-Арслана схватила и заточила в темницу знатных и тех, кто обладал чем-либо. Она безжалостно их истязала, чтобы получить золото.

— Грузинский царь Давид битвой освободил Тбилиси от сельджуков и совершил там страшное истребление: пятьсот человек были повешены.

— После кончины великого эмира из рода Данишмендов осталось тринадцать сыновей. Но старший из них Малик-Гази зверски убил всех своих братьев.

— Сын Кылич-Арслана малик Араб пошел войной на эмира Гази ибн Данишменда. Захватив одну из крепостей, Араб нашел в ней сына Гази и убил его. Тогда Гази собрал войско и безжалостно разграбил деревни и города малика. После этого Араб вновь набрал

воинов, но был еще раз разбит, бежал к морю и погиб.

— Некие мужи отравили графа Эдессы Жослена и еще шесть франков. Эти шестеро скончались, но Жослен, благодаря лекарям и провидению, остался жив. Отравители же были убиты вместе с их семьями.

— Владелец Мардина Хусам ад-Дин возил за собой двух прославленных франков, один из которых был племянником короля Иерусалимского, но не хотел лишать их жизни. Тогда эмир Мосула ал-Бурсаки принудил его к этому, угрожая разграбить владения Хусам, если он не убьет их. Вслед за тем, как их предали смерти, пришло известие, что во время пятничной молитвы в мечети некий исмаилит ударил ал-Бурсаки ножом, но даже не поранил, потому что тот был в кольчуге. Исмаилита схватили, но он крикнул своим сообщникам: «Бей ниже!» Эмира ударили в живот, и он умер. Что же касается Хусам ад-Дина, то он раскаялся в том, что убил франков.

— Эмир Гази послал своих воинов в Киликию. Туда же вступил князь Антиохии Боэмунд II. Оба они искали встречи с армянами, но вступили в сражение между собой. В пылу сражения, не опознав, турки убили Боэмунда. Его голову отправили халифу Багдада, который богато одарил эмира Гази.

Битва. Восточная миниатюра

— Правитель Мосула был весьма сведущ в науках и учениях, удивительно искусен как ткач и строитель, а также мужественен, силен и храбр в бою. Он был владельцем всего три месяца. Полагают, что его отравили.

— Во время осады сельджукской крепости граф Жослен отправился осмотреть подкоп. Внезапно ход обрушился и завалил его. Еле живого, на носилках его доставили в Эдессу, где он скончался.

— Шамс ал-хаджиб Мухаммад из рода Артука, ненавидевший христиан, беспрестанно вторгался и опустошал область Эдессы. Тогда шестьсот франкских всадников отправились, убили тысячу турок, а его схватили и сожгли у ворот Эдессы.

— Малик Гази силой отобрал у греков крепость ал-Бару, сжег ее, а жителей обратил в рабов. Затем он также силой овладел Кастамоней и убил греков, что были там.

— Владелец Мосула Имад ад-Дин Зенги осадил Халеб. Жители города настаивали, чтобы ворота открыли и впустили эмира. Тогда управитель города укрылся в цитадели, но воины Зенги взяли ее штурмом. Управитель был ослеплен и отправлен в Мосул.

— Малик Мухаммад отправился в Мелитину. Горожане ожидали его, так как он обещал уменьшить налоги, но не сделал для горожан ничего доброго, а лишь увел с собой многих знатных в качестве заложников.

— Эмир Гази был кровожадным убийцей и неводержанным, имел много жен. За несколько дней до своей смерти он привел некую женщину и приказал жителям украсить улицы и сделать кое-что еще в ее честь. Умирая, он рычал как лев.

— Арслан-Догмуш ибн Дауд восстал в Хисн-Зийаде, но его отец схватил его и заковал.

— Зенги получил от франков две крепости и, нарушив клятвы, принуждал их жителей принять ислам. Ввиду того, что они не отступились от христианства, он их всех уничтожил, забрав дочь владельца крепости ал-Атариб. Когда же пришли франки, Зенги бежал.

— Эмир Дамаска Тадж ал-мулук Бури велел убить везира Абу-Али из племени исмаилитов. Тогда другие исмаилиты поспешно вышли со своего подворья, извлекли сабли и начали избиение и разрушение. Горожане и весь народ объединились против них. В тот день пало семьдесят тысяч исмаилитов и не осталось ни одного из них. Впоследствии

в Дамаск проникли два исмаилита и убили эмира Бури.

— В Египте правил арабский «царь», против которого организовал заговор собственный сын. Увидев, что арабы заодно с ним, «царь» обратился к армянам, которые были в Египте. Метая стрелы, они убили несколько тысяч арабов, захватили сына «царя» и, с его разрешения, убили.

— В это время халиф ал-Мустаршид начал войну с атабеком Зенги, потому что последний не отправил к нему эмира Дубайса ибн Садаку, которого халиф ненавидел, хотел подвергнуть пыткам и убить.

— Султан Хамадана Масуд выступил против халифа, одолел, захватил и заковал его.

христиан. Когда же франки повернули обратно, то тюрки пошли вслед за ними и совершили новые опустошения. Таким образом, христиане были ограблены и теми, и другими.

— Конийский султан осадил Мелитину. Установив военные машины, он впал в бесчувственное состояние. Говорят это произошло от колдовства. Через три месяца султан неожиданно сжег катапульты и ушел.

— Когда Зенги направился в крепость Кала-Джабар, один из его военачальников вступил в заговор против него. Он сговорился с двумя евнухами, которые охраняли его ложе. Когда Зенги уснул, опьяненный вином, эти двое набросились на него и убили. Так наступил конец его подвигам.

— Франки отбили Эдессу, но потом были вынуждены бежать оттуда. И тогда земля содрогнулась от ужаса: как коса на колос или огонь на хворост, обрушился меч на христиан. Но если их смерть и была ужасной, они все-таки не извели мучений, что выпали на долю оставшихся в живых, потому что когда эти живые попали под свирепую руку тюрок, те, сняв с них одежду, заставили мужчин и женщин голыми, с завязанными за спиной руками, бежать рядом с конями. Эти мучители пронзали тех, кто изнемог, и оставляли умирать на дороге. Так они становились

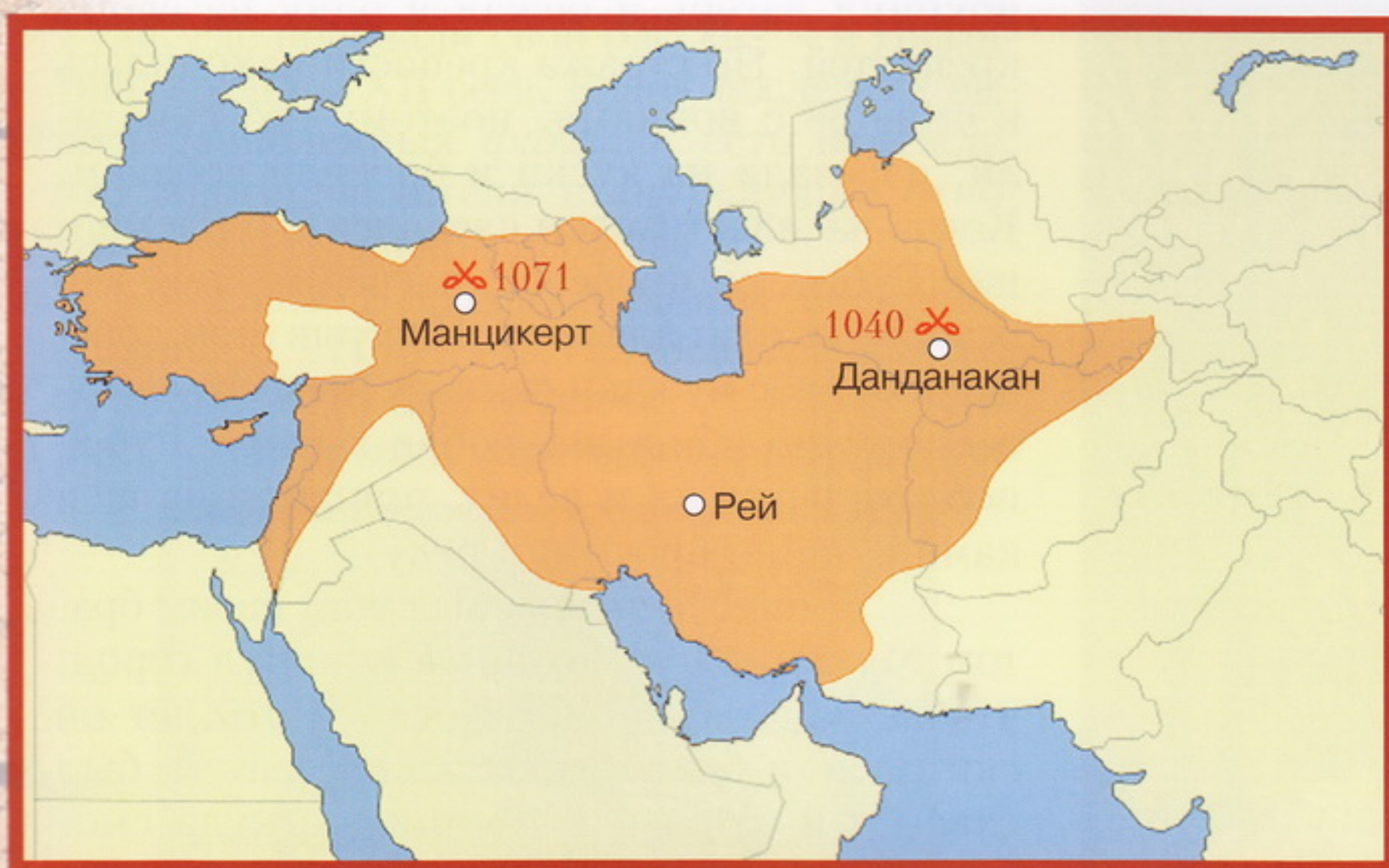
добычей диких животных и хищных птиц.

— Армянского правителя Изанджа собственная дочь задушила тетивой лука и привела его брата Дибариджа, который женился на ней и стал править.

— Взойдя на престол Конийского султаната, Изз ад-Дин Кылич-Арслан II велел убить своего брата и вельмож, которых подозревал в непокорности.

— Правитель Мараша Бехесни притеснял христиан, поэтому они решили убить его в бане и передать город армянам. Заговор был раскрыт, и Бехесни разгневанно приказал сбросить всех заговорщиков с крепостной стены.

— Храбрый армянский князь Торос, вступив в союз с правителем Антиохии, осуществил

Владения сельджукидов в конце XI в. на фоне современной карты Ближнего и Среднего Востока

— Эмир Дубайс искал защиты у султана. После трапезы ему передали: «Султан приказал тебе никуда не отлучаться, а заняться чтением». И пока он читал, один из стоявших за ним, ударил его и убил.

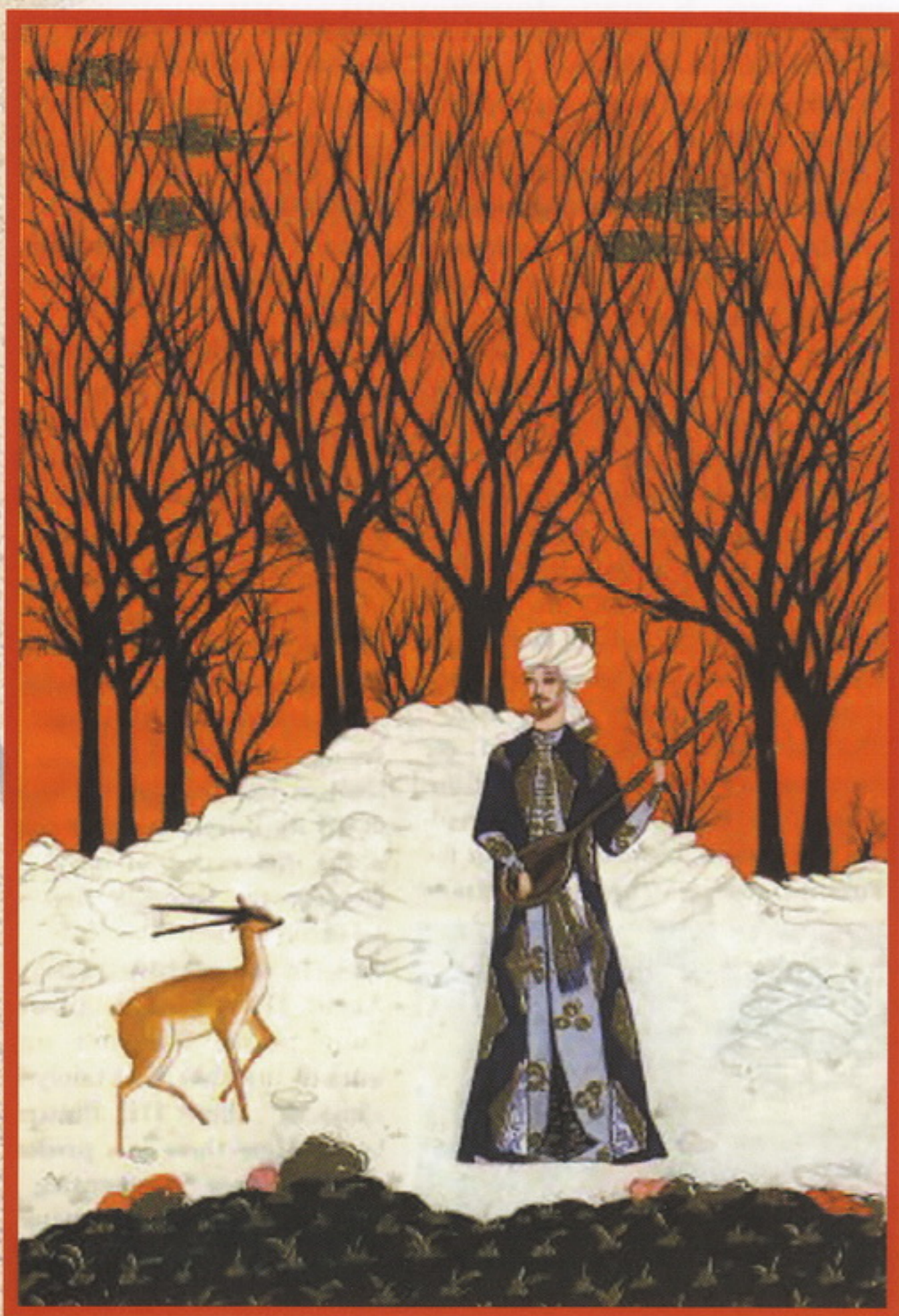
— Тюрки дошли до Лаодикеи, а затем вернулись к реке Оронт. Здесь они поели рыбы и, либо в результате чего-то обычного, либо в наказание свыше, большая их часть скоропостижно скончалась.

— Малик Мухаммад изгнал своего брата Айн ад-Дина, отобрав его владения, и Айн ад-Дин скитался, переходя от одного владельца к другому.

— Франки отправились, чтобы отомстить жителям Мелитины за ограбление монастырей, но не встретили тюрок, а ограбили

набег на Кипр. Здесь, жестоко наказывая, они отрубили руки, ноги, носы у многих именитых людей и священников и ушли.

— Мелитиной управляла мать юного эмира. Около нее собралось много чародеев и распутниц, которые пророчили ей долгую жизнь. Вот почему она задумала погубить своего сына и управлять единолично, чтобы сходить с тем, с кем пожелает. Тогда спаситель сжалился над несчастными, и ее замыслы были раскрыты и ее изгнали. Спустя некоторое время, что она провела у ворот города, ее изгнали и оттуда нагую и босую, а ее сын укрепил свою власть.

Сельджукский певец.
Восточная миниатюра

— Эмир Мелитины, лишенный здравого смысла юноша, стал вести себя неподобающим образом. Он привязался к некой гулящей, которая побуждала его преследовать горожан и тюркских воинов. Когда же знатные возроптали, он еще более усугубил свое распутство. Чтобы проучить их, он забрал все, что было в сокровищнице отца его, прихватил эту гулящую и своих присных и покинул город.

— После кончины султана Нур ад-Дина Махмуда его племянник Сайф ад-Дин отменил законы, установленные дядей, и разбил камень в мечети, на котором они были написаны. Он же позволял открыто пить вино.

— Получив военную помощь от мусульман, претендент на престол Киликии Млех вторгся в свою страну и захватил власть. Он бросил в тюрьму тех, кто был против него, хватал епископов и вырывал у них зубы. Повсюду, где он находил золото и серебро, забирал в свою казну, бесчестил дев. Был он как зверь, жестокий и беспощадный.

— Из-за постыдных деяний правителя Киликии Млеха его воины восстали и решили убить его. Узнав об этом, он ночью покинул лагерь и бежал в одну из своих крепостей. Но стража крепости находилась в сговоре с воинами, поэтому его схватили, изрезали на куски и бросили собакам. Когда же властителем сделался его племянник Рубен, он пообещал наградить тех, кто освободил трон для него. Поверив этому обещанию, двое мужчин сказали: «мы его собственноручно убили из любви к вам». Рубен поблагодарил их и велел, привязав на шею камни, тайно бросить в реку.

— Эмир Мелитины был убит своим братом Мухаммадом, который покинул город, чтобы скрыться от бесчестия. Пять лет он скитался и жил бесшабашно, затем был схвачен и заточен в темницу, откуда смог бежать. Мухаммад ушел в Антиохию, где сделался франком. Не найдя там успокоения, он вернулся к тюркам и получил от султана Ираклею. Но Мухаммад желал Мелитину, а когда это не удалось, ушел к тюркам восточных земель. В конце концов его заточили в Виру, что на берегу Евфрата. Там Мухаммад находился в стесненных обстоятельствах и жил подаянием.

— Князь Киликии Рубен III предался всякого рода распутствам. Приехав по приглашению князя Боэмунда в Антиохию, он проводил время в обществе блудниц. Тогда Боэмунд велел арестовать гостя и держал его в тюрьме, пока не получил заложников и большой выкуп.

— Преемник Рубена царь Левон схватил своего двоюродного брата *шихана* (князя) Торга и выколол ему глаза за то, что он был «человеком непокорным и воинственным, щедрым, за что все любили и собирались вокруг него».

Как же это все далеко от скроенного по голливудским меркам гламурно-политкорректного образа «Царства небесного»! Продолжать можно до бесконечности, но я уже устал воспроизводить подобные мерзости.

Невольно складывается впечатление, что многочисленные султаны, малики, атабеки, эмиры, ишханы и прочие сиятельные владыки были психически нездоровыми людьми. Их подданные — простые ремесленники и земледельцы жили гораздо более чистой и нравственной жизнью и при этом становились первыми жертвами кровавых разборок своих повелителей.

В Иране эти тарантулы плодились и уничтожали друг друга вплоть до нашествия монголов (первая четверть XIII в.). А мы вернемся на несколько десятилетий назад. Туда, где прервали свой рассказ — в Византию середины XII века. Благо, после всех вышеперечисленных фактов, есть надежда, что многие читатели станут лучше относиться к Ромейской державе.

У сына Алексея Комнина василевса Иоанна II (1118-1143 гг.) безупречная репутация. «Это был человек, — писал историк, — который и царством управлял прек-

расно, и жил богоугодно, и по нравственности не был ни распутен, ни невоздержан». И конечно же, как и любой государь, он должен был силой оружия защищать, и народ свой, и вверенную ему Богом страну.

Уже весной 1119 г. император повел войско к главному городу Фригии Лаодикее, а затем установил контроль над важной крепостью Созополь. Это был своего рода форпост Византии, призванный обезопасить узкую полосу владений империи на южном побережье Малой Азии. В дальнейшем Иоанн занимался в основном балканскими проблемами. К тюркскому вопросу он вернулся только в 30-х годах XII столетия. Это была детально проработанная военно-политическая доктрина. Она отличалась системным подходом и была рассчитана на длительную историческую перспективу.

На этот раз василевс начал продвигать границу от берегов Черного моря на юг. В 1130-1135 гг. Иоанн совершил несколько походов против эмирата Данишмендов, с которым Конийский султанат находился в весьма натянутых отношениях. Вот только результаты этих усилий оказались не особенно впечатляющими. Комнину постоянно что-то мешало. Сначала его брат Исаак перебежал к мусульманам и выдал им план кампании. В следующий раз император вернулся с полпути, узнав о смерти своей любимой жены Ирины. Ну и, конечно же, ни в коем случае нельзя было полагаться на такого «союзника», как султан Икония Масуд. В итоге византийцы овладели лишь двумя крепостями в Пафлагонии: Кастамоном и Ганграми. Да еще эмир Амасии на некоторое время признал себя вассалом императора.

Утеснив сельджуков с севера, Иоанн Комнин обратил внимание на южные районы Малой Азии. Здесь Византии пришлось столкнуться с новым и довольно неожиданным противником.

Ознакомившись с «Бюллетенем фактов», читатель, наверное, обратил внимание, на встречающиеся в нем упоминания об Армении. Речь идет о Киликийском армянском государстве. Это настолько любопытный исторический феномен, что для рассказа о нем стоит совершить еще одно отступление от канвы нашего главного повествования.

Иоанн II Комнин.

Рисунок из византийской рукописи

И снова Армения...

Как мы помним, включая древние армянские земли в состав империи, византийские василевсы жаловали местным знатым

родам другие владения. Так некоторые из них, вместе со своими семьями и приближенными оказались в Киликии — исторической

области, примыкающей к северо-восточному побережью Средиземного моря. Наиболее влиятельными оказались семейства Рубенянов и Хетумянов. Впрочем, встречались и более колоритные личности. Одним из самых влиятельных феодалов был Василий Гох (что буквально означает «разбойник»).

После сельджукского вторжения в Закавказье поток вынужденной эмиграции в Киликию еще более усилился и набрал силу. К этому времени официальная византийская администрация на этой территории практически перестала существовать. Единственной реальной силой оставались военные дружины местных, т. е. армянских феодалов. Беженцы селились в труднодоступных горных районах вокруг их замков, в надежде на защиту от вторжений внешних врагов. А к ним относились не только мусульмане.

Если Хетумяны традиционно считали себя вассалами империи, то Рубеняны проводили по отношению к Византии подчеркнуто независимую и даже враждебную политику. Они видели естественных союзников в западных христианах. Вот почему в 1097 г. участники Первого крестового похода нашли в Киликии радушный прием.

Заклучив союз с крестоносцами, и отражая атаки сельджукидов Рума, князья из династии Рубенянов начали распространять свою

власть на наиболее плодородную — равнинную часть Киликии. В период расцвета своего могущества их войско превышало 60 тысяч человек. Это была профессиональная регулярная армия, заимствовавшая у западных рыцарей организационную структуру¹, приемы обучения и тактику ведения боевых действий. В военное время количественный состав вооруженных сил еще более возрастал. Не считаться с такой силой было невозможно.

Киликийское армянское государство стало серьезным противником Византии. Во-первых, потому что Константинополь считал эти земли лишь временно утраченными. Во-вторых, потому что восстановление контроля над Киликией позволяло империи обеспечить надежные коммуникации с Ближним Востоком, и только так можно было попытаться призвать к покорности недавно возникшие государства крестоносцев. Василевс Алексей Комнин не располагал для этого силами. Его сын Иоанн серьезно взялся за дело, чтобы решить эти важнейшие вопросы Восточной политики Ромейской державы.

Экспедиция тщательно готовилась. Для ее начала был выбран момент, когда правитель Киликии князь Левон оказался в международной изоляции. Помимо сельджуков, в стане его врагов были крестоносцы Антиохийского княжества, у которых армяне оспаривали равнинную Киликию.

Воевать на два фронта всегда не просто, но Левон неосмотрительно добавил к ним и третий. Он осадил византийскую приморскую крепость Селевкию на западе Киликийской равнины. Лучший повод для открытия военных действий трудно было придумать. В конце 1136 г. автократор лично встал во главе войска и повел его против армян. При этом с моря сухопутную армию в Восточном Средиземноморье поддерживала эскадра боевых кораблей царского флота.

Киликийские ворота. Современное фото. Сама природа предназначила этой стране стать перекрестком дорог купцов и завоевателей

¹Так, главнокомандующий войсками носил звание гундстабль (коннетабль), а его ближайшим помощником был мараджахт (маршал). Появился в Киликии и особый церемониал посвящения в рыцари.

Князь Левон I (1129–1137 гг.).
Армянская миниатюра

Кампания получилась довольно скоротечной. Иоанн овладел равнинной частью страны. В его руки перешли такие важнейшие крепости, как Адана, Тарс, Мопсуэстия и ряд других. Под стенами Аназарба вал наступления едва не захлебнулся.

Армяне оборонялись очень упорно. Пуская из стрелометов раскаленные железные прутья, они сжигали стенобитные машины и радовались каждому меткому попаданию. «Тут поднялся со стороны неприятелей громкий смех, — пишет историк, — начались радостные телодвижения и многократные насмешки над ромеями, и бранные речи на царя, и продолжительная болтовня».

«Частое повторение таких неудач ослабило мужество царя», — признает другой византийский автор. И тогда к императору пришел его сын Исаак и сказал: «Прикажи ты, батюшка, деревянные столбы обложить кирпичами».

Получив огнеупорное прикрытие, осадная техника ромеев сделалась неуязвимой, а прежние смех и хохот армян «обратились

в плач». Наконец, на большом участке крепостная стена обрушилась, и на тридцать седьмой день Аназарб капитулировал.

Дальнейший путь царя лежал к Антиохии. В сентябре 1137 г. город распахнул свои ворота без боя, и князь Раймон признал себя вассалом империи. После этого Иоанн вернулся с армией на зимние квартиры в Киликию. Правда, одним лишь отдыхом дело не ограничилось. В горах продолжали держаться гарнизоны армянских крепостей, так что василевс, «отделив часть войска, посылал его делать набеги на прочие укрепления».

Как ни странно, источники не содержат точных сведений относительно того, что делал в это время князь Левон. Возможно, он скрывался в своем родовом гнезде — замке Вахка, возведенном на отвесной скале. Византийцам пришлось проявить немало упорства, прежде чем армяне сдались. Известно также, что в плен попали жена и дети Левона. Тогда князь сам явился к императору. Закованного в кандалы, его со всей семьей отправили в Константинополь.

Покорение Киликии было завершено, и эта область официально вернулась в состав Византии. Но, как мы уже помним, Иоанн видел перед собой на востоке гораздо более масштабные цели.

В 1138 г., в союзе с крестоносцами он вторгся в сельджукские владения в Северной Сирии. Историки по-разному оценивают ход и результаты этой кампании. Одни считают ее удачной (союзники взяли несколько городов), другие подчеркивают безуспешную осаду Халеба и отступление от крепости Шейзар. В действительности император был крайне встревожен известиями, поступившими из своего, как он считал, глубокого тыла. Сельджуки Коньи вторглись в Киликию, овладели крепостью Адана и угнали все ее население в Мелитину. Пострадали и другие города.

Слабость ромеев почувствовали и их латинские союзники. Внешне возвращение Иоанна Комнина в Антиохию носило характер триумфального въезда, но требование оставить в цитадели византийский гарнизон натолкнулось на глухое сопротивление князя Раймона. Вслед за этим в городе начались волнения, и василевс объявил о своем отъезде в Константинополь.

Кампанию 1139 г. Иоанн II провел на севере Малой Азии против эмирата Данишмендов. Рассчитывая на снабжение армии по

Замок Вакх́а — твердыня Киликийской Армении.
Современное фото

Черному морю, император вторгся на вражескую территорию накануне зимы, что было, вообще-то, не принято. В горах ромеи лишились множества лошадей, павших от недостатка фуража. «Наступившая зима, — писал византийский историк, — негодую на живущих на открытом воздухе, стала устрашать их воем ветров и отнимала возможность бороться со стужей».

Немалый урон наносили и внезапные атаки сельджуков, на каждом шагу устраивавших засады. Наконец, византийцы вышли к Неокесарии. Моральный дух войск к этому времени был основательно подорван, а тут еще ближайшие родственники снова начали преподносить царю неприятные сюрпризы.

Сначала сын — бесшабашный Мануил, демонстрируя глупую удаль, в ходе отражения вражеской вылазки с малым отрядом бросился в самую гущу схватки. Чтобы выручить его, пришлось вводить в бой крупные силы и нести бессмысленные потери¹. Затем к тюркам перебежал племянник и тезка василевса Иоанн. И под каким предлогом — дядя велел отобрать у него коня! А дальше еще интереснее. Этот недостойный рассказал тюркам о трудном положении византийской армии, а затем отрекся от веры христианской, принял ислам и женился на дочери

Конийского султана. Царь пал духом и, ожидая бедствий еще худших, приказал сворачивать лагерь. В середине января 1140 г. он уже вернулся в Константинополь.

Весной 1041 г. император снова выступил в поход. Его цель не была объявлена. Войска совершали марши и контрмарши, становились на длительные биваки и, свернув лагери, снова трогались в путь. За время этой кочевой жизни ромеи восстановили утраченный было контроль над Созополем в Памфилии и овладели двумя крепостями по дороге в Иконий. И все же, султан мог не беспокоиться. Иоанн повернул армию на юго-восток — в Киликию. Однако истинной целью ав-

тократора была Антиохия.

Князь Раймон, теснимый мусульманами, просил сюзерена о помощи, но плата за нее должна была оказаться очень высока. Иоанн Комнин намеревался окончательно воссоединить Антиохию с империей, устранив ненадежного вассала. Если бы это удалось, василевс мог попытаться восстановить свое владычество и на Евфрате, изгнав отсюда сельджуков, но грандиозный замысел так и остался нереализованным.

Антиохия не открыла ворота перед императором, и василевс вернулся на зиму в Киликию. Здесь он предавался размышлениям, устраивал пиры и развлекался охотничьими забавами. Именно на охоте внезапно и нелепо прервалась жизнь «Прекрасного Иоанна». Охотясь на кабанов, он случайно поранил руку об острие отравленной стрелы из собственного колчана.

Терапевтические методы лечения, примененные эскулапами XII века, оказались неэффективными. Рана воспалилась, и рука опухла до самого плеча, «сделалась толстой, как мужское бедро». Врачи предложили еще более проверенное средство — ампутацию. На это царь ответил с истинным мужеством: «Стыдно Ромейской державе быть управляемой одной рукой».

¹Когда все закончилось благополучно, император на виду у всех похвалил принца за отвагу, но затем, заведя в палатку, собственной тяжелой рукой выпорол мальчишку.

Иоанн прожил еще несколько дней. С его смертью (8 апреля 1143 г.) Византия лишилась одного из самых достойных своих повелителей. Дальше начинался путь вниз — к упадку и разрушению.

Смерть Иоанна II и коронация императора Мануила.

Западноевропейская миниатюра

Армянская летопись называет вступившего на престол нового императора Мануила I (1143-1180 гг.) человеком «добрым и боголюбивым». Но, прежде всего, он ощущал себя *императором*, т. е. избранником, поставленным свыше во главе единственно цивилизованного и упорядоченного пространства обитания людей, ответственным за поступки свои перед Богом единым. Грезивший о былой славе Римской империи, Мануил мечтал о восстановлении державы в ее прежних просторных границах. Для этого за свое долгое, без малого сорокалетнее царствование ему пришлось много, почти непрерывно воевать. Со всеми соседями. На востоке его врагами были не только мусульмане, но и христиане-армяне. Латиняне крестоносцы оставались под подозрением (хотя их боевые качества василевс оценивал очень высоко). Так, политические интересы в очередной раз взяли верх над догматами веры¹.

Впрочем, у армян тоже были основания не любить ромеев. Князь Киликии Левон

умер в византийском плену. Там же окончил свои дни один из его сыновей Рубен. Другой — Торос (т. е. Феодор) после смерти автократора Иоанна II бежал в Эдессу, где не было власти греков. Здесь к нему стали присоединяться сторонники, видевшие в Торосе знамя борьбы за национальное освобождение.

Весть о возвращении *законного* князя неслась по всей округе, опережая движение маленького отряда Тороса. Когда он подошел к крепости Амида, восставшие жители разоружили греческий гарнизон и открыли ворота перед избавителем. Это был первый серьезный успех Тороса, за которым следовали и другие. Уже со значительными силами он вступил в пределы Киликии, а ромейские части были изолированы и, к тому же, слишком малочисленны, чтобы справиться с набравшим силу движением. «Вскоре, — сообщает летописец, — он утвердился во многих местах, и большое количество армян и франков собрались к нему».

В глазах императора Мануила это был опасный авантюрист, который с помощью иностранного военного вмешательства захватил одну из важнейших провинций империи. Смириться с этим — значило безвозвратно погубить репутацию василевса в самом начале царствования. Война с армянами стала неизбежной, но начинать приходилось с более близкого врага. Возобновившиеся с первых дней правления Мануила набеги иконийских сельджуков скоро сделались невыносимыми, а на все официальные протесты султан Масуд лишь выражал самое искреннее сожаление, потому что в этом виноваты дикие кочевники *туркмены*, на которых его власть, увы, не распространяется.

Мануил лично занимался восстановлением крепостей на восточной границе пока не «заболел колотьем в боках». В 1146 г. он предпринял крупный поход на Иконий, и турки, «видя блеск ромейских мечей, начали оставлять строй и отступали без всякого порядка».

Византийский историк Иоанн Киннам не упускает случая восславить василевса, которого он считал идеальным правителем, но на самом деле данная экспедиция не имела заметных результатов. Так и не начав правильной осады Икония, византийцы повернули

¹Строго говоря, Армянская апостольская церковь не является православной, но мы намеренно не касаемся в нашем повествовании специальных теологических вопросов.

назад. Правда, император велел передать султану, что еще вернется, но перед властителями постоянно возникают какие-то новые, гораздо более неотложные дела, так что они не обязаны идти на поводу прежних обстоятельств.

Руины православной церкви в Аланье (Турция).
Современное фото

Начавшийся в 1147 г. Второй крестовый поход одинаково беспокоил Мануила и Масуда. Путь крестоносцев по византийским провинциям сопровождался повальными грабежами местного населения. В Малой Азии мусульмане встретили пилигримов с оружием в руках. В общем, даже после того, как эта саранча проследовала на Святую землю, греки и сельджуки еще долго не трогали друг друга.

Зато в 1152 г. василевс ромеев открыл очередную кампанию против правителя Киликии Тороса (1145-1168 гг.). Командующим ромейскими войсками он назначил своего двоюродного брата Андроника. Человек умный и изворотливый, честолюбивый и склонный к авантюрам, он прожил долгую жизнь и стал героем не одного приключенческого романа. Вот и Киликийский поход принца Андроника был проведен в его эксклюзивном, неподражаемом стиле.

Прибыв к стенам крепости Мопсуэстия, где находился Торос, Андроник обратился к князю со следующим программным заявлением: «Знай, что у нас еще сохранились железные оковы отца твоего. В них мы закуем

тебя и возьмем в рабство в Константинополь». Что и говорить, намерение серьезное, но оно не подкреплялось реальной силой. Тем более, что принц «предался лени и сценическим играм», а его противник времени не терял. Совершив стремительную ночную

вылазку, Торос обратил греков в паническое бегство. Тут уж Андроник вскочил на коня и, «рыща с копьем, совершал рукой дела дивные». Но один в поле — не воин. Пришлось стратигу искать спасения и не где-нибудь, а в Антиохии, что показалось автократу Мануилу особенно унижительным, так как он давно собирался приструнить здешних латинян.

Занятый делами на западе (Мануил воевал с венграми), император организовал давление на армян со стороны Иконийского султана Масуда и только в 1158 г. сам повел армию в Киликию.

Подготовка к походу осуществлялась в глубокой тайне. Распускались слухи, что его целью является «принуждение к миру» нового султана Икония Кылич-Арслана II (1156-1188 гг.), который после смерти отца не спешил подтвердить союз с Константинополем. На самом деле византийские войска совершили стремительный бросок в Киликию. Ее власти были застигнуты врасплох и оказались не готовы к обороне. Одна за другой, крепости сдавались без боя. Торос бежал в горы Тавра, и уже в ноябре Мануил сделался хозяином почти всей Киликии (за исключением труднодоступных горных районов).

За князя Тороса просил король Иерусалима и главы рыцарских орденов. Незлобивый василевс простил его и, пригласив в свою ставку, принял с искренней доброжелательностью. Торосу и его потомкам были дарованы права на Горную Киликию (в качестве вассального владения). Равнинная часть страны официально возвращалась в состав Византии. Вслед за достигнутыми договоренностями, византийское войско, которое Торос обеспечил всеми ви-

дами провианта, двинулось дальше — на Антиохию.

Тамошний князь Рено де Шатийон был человек рискованный. В Антиохии, да и на востоке вообще, его не любили (через несколько лет гнусные авантюры этого деятеля приведут к потере христианами Иерусалима). Отлично понимая, что реальных средств для сопротивления столь грозному противнику, как император ромеев, у него просто нет, Рено решил положиться на артистические способности.

Поверженный в прах коварный князь протягивал василевсу меч, как бы умоляя прикончить его. Потом и вовсе разыгралась отвратительная сцена.

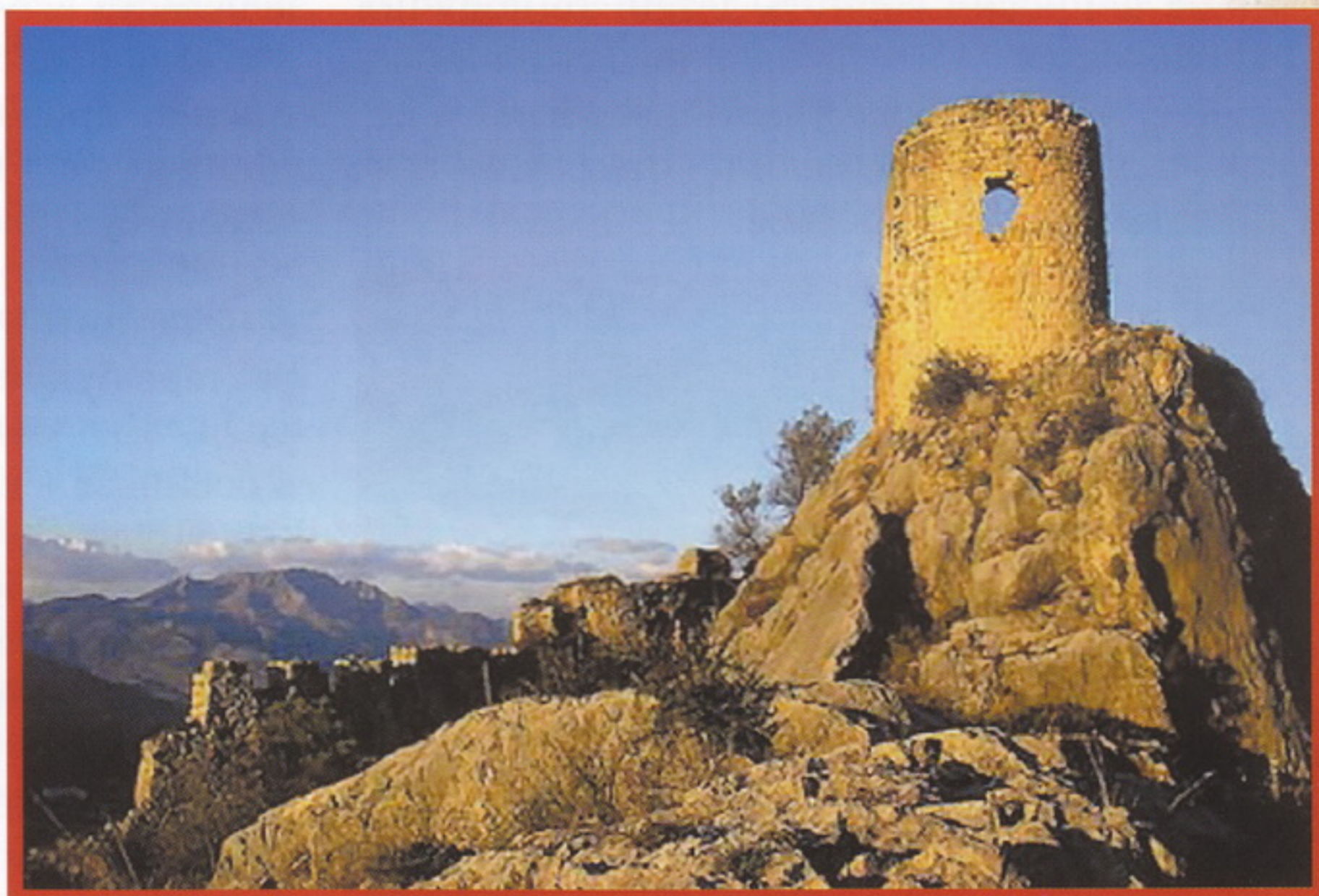
По свидетельству Гийома Тирского, Рено «кричал о прощении и кричал так долго, что все почувствовали тошноту от этого, и многие французы стали его презирать и осуждать». А ведь кроме рыцарей, здесь же присутствовали и послы восточных государей, даже самого халифа. И зрелище это сделало латинян «презираемыми во всей Азии».

Насладившись столь явной демонстрацией торжества справедливости, Мануил все же простил Рено и заставил его принести ленную присягу на довольно жестких условиях¹.

После подчинения крестоносцев настал черед тюрков. С эмиром Халеба василевс заключил мир, и тот освободил несколько тысяч христианских пленников. Зато на обратном пути, когда царь вступил во владения Иконийского султана, опять произошли столкновения с какими-то туркменами. Передовые отряды ромеев понесли серьезный урон, так что император, увидев поле недавнего побоища, не мог сдержать слез.

На следующий год (1159) василевс велел стратигам своих малоазиатских фем одновременно нанести отвлекающие удары по территории султаната сразу с нескольких направлений. Сам же государь скрыт-

но переправился во главе армии через Гелеспонт и вторгся во владения сельджуков из района Дорилея. Ромеи «опустошали все, что встретится на пути», угоняли людей и скот. Выступившие навстречу конные отряды султана были опрокинуты и бежали. В общем, демонстрация силы состоялась, а с приближением зимы Мануил отвел войска в Вифинию.

Сис, столица Киликийской Армении. Современное фото

Дав армии отдохнуть, но не дожидаясь наступления весны, автократор возобновил военные действия. На этот раз он «послал войско для грабежа» во Фригию. «В то время многие показали свое удалство, — вспоминал историк, — но царь превзошел всех, потому что никто прежде него не схватился с врагами и собственной рукой не совершил столько доблестных дел». Это, конечно, преувеличение панегириста. Никаких крупных сражений в ходе столь заурядного набега не состоялось. Но самолюбие султана было горько уязвлено, и он собирался отомстить за обиду.

Личность Иконийского правителя настолько колоритна, что стоит рассказать о нем подробнее.

Кылич-Арслан (что значит *Лев, подобный мечу*) имел весьма прозаическую внешность. В частности, он плохо владел руками и хромал на обе ноги. Как видим, до красавца

¹Под занавес своего пребывания в Антиохии император Мануил организовал рыцарский турнир и лично участвовал в нем, выбив из седла двух соперников

Мануила ему очень далеко. Зато этот человек отличался хитростью, честолюбием и жестокостью. Придя к власти после смерти отца, он сразу же освободился от возможных соперников. Одного из своих братьев он убил. Другой едва успел спастись бегством. Но в полном распоряжении нового султана оставались семеро его племянников. Когда скрывавшийся в изгнании брат Кылич-Арслана попросил вернуть детей, то получил в подарок искусно зажаренного сына и обещание, что такая же участь постигнет и остальных мальчиков, если их отец будет настаивать на своей просьбе.

Султан на охоте. Турецкая миниатюра

В 1160 г Кылич-Арслан бросил свою конницу в набег на Лаодикею. Город и его окрестности были разорены подчистую, а разрозненные силы византийцев не смогли дать тюркам отпор.

По-видимому, автократор Мануил хотел отплатить за содеянное вдесятеро. Он стал собирать не только собственные войска, но и затребовал вассальные контингенты: из Антиохии, Эдессы, Киликии, Далмации, нанял «скифов» и даже «лигурийских всадников».

После этого султан начал «терзаться жалом раскаяния и за неблагоприятную свою дерзость называл себя несчастным». Если перевести все эти восточные цветистости на нормальный язык, то выходило, что Кылич-Арслан просил мира на любых условиях. Мануил счел вопрос закрытым и даже пригласил султана к себе в гости.

В 1162 г.¹ Кылич-Арслан отправился в Константинополь для переговоров о характере будущих взаимоотношений с империей. Его сопровождали огромная свита и военный эскорт в составе 1000 всадников.

Практика приема высоких зарубежных гостей при дворе василевсов складывалась веками и была отработана до совершенства. Разноплеменных «варваров» стремились поразить могуществом, славой и богатством ромейского царства. Описание приема Кылич-Арслана в Константинополе не оставляет сомнений, что из «Льва» старались сделать ручного львенка. Тюрка принимали по высшему разряду.

Иоанн Киннам нарисовал картину, не потускневшую и восемьсот лет спустя. «Для приема Кылич-Арслана, — писал он, — был воздвигнут блистательный престол и поставлено очень высоко поднятое кресло — все из золота и со всех сторон унизано в изобилии драгоценными камнями. Карбункулами и сапфирами, а жемчужин нельзя было и сосчитать (все камни были обложены ими). На троне сидел Мануил. Он милостиво предложил султану сесть, но тот все никак не решался. На царе была багряная одежда, она также сверкала драгоценными камнями и жемчугом».

Что и говорить, Византия умела ослеплять не только орудиями палача!

В честь Кылич-Арслана были устроены конные состязания на ипподроме и пиршества. Причем султану каждый раз дарили всю золотую посуду, на которой ему подносили яства. Кроме того, для развлечения важной персоны «по обычаю влажным огнем жгли ботики и лодки».

¹Иногда этот визит датируется 1161 г.

Как-то, в одном из дворцовых покоев, тюрок увидел разложенные во множестве драгоценные ткани, богато расшитые одежды, золотые и серебряные кубки и чаши. Мануил спросил дорогого гостя, какие предметы ему особенно нравятся. Султан задумался, а потом произнес, что на такие сокровища он мог бы покорить всех своих врагов.

«Отдаю тебе все, — автократор широким жестом обвел комнату, — чтобы ты понял, какими богатствами владеет тот, кто в состоянии сделать такой подарок одному лицу».

Надо сказать, что все эти дары в скором будущем дорого обойдутся империи. Ну а пока сельджукид называл императора отцом, а себя его сыном. Клялся быть союзником, говоря, что враги Мануила будут и его врагами. Был даже заключен особый договор, по условиям которого Кылич-Арслан обязался выставлять вспомогательный контингент для военных походов василевса.

В течение какого-то времени достигнутые договоренности соблюдались. Хотя бы потому, что у обеих сторон появились новые (или, вернее, активизировались старые) противники.

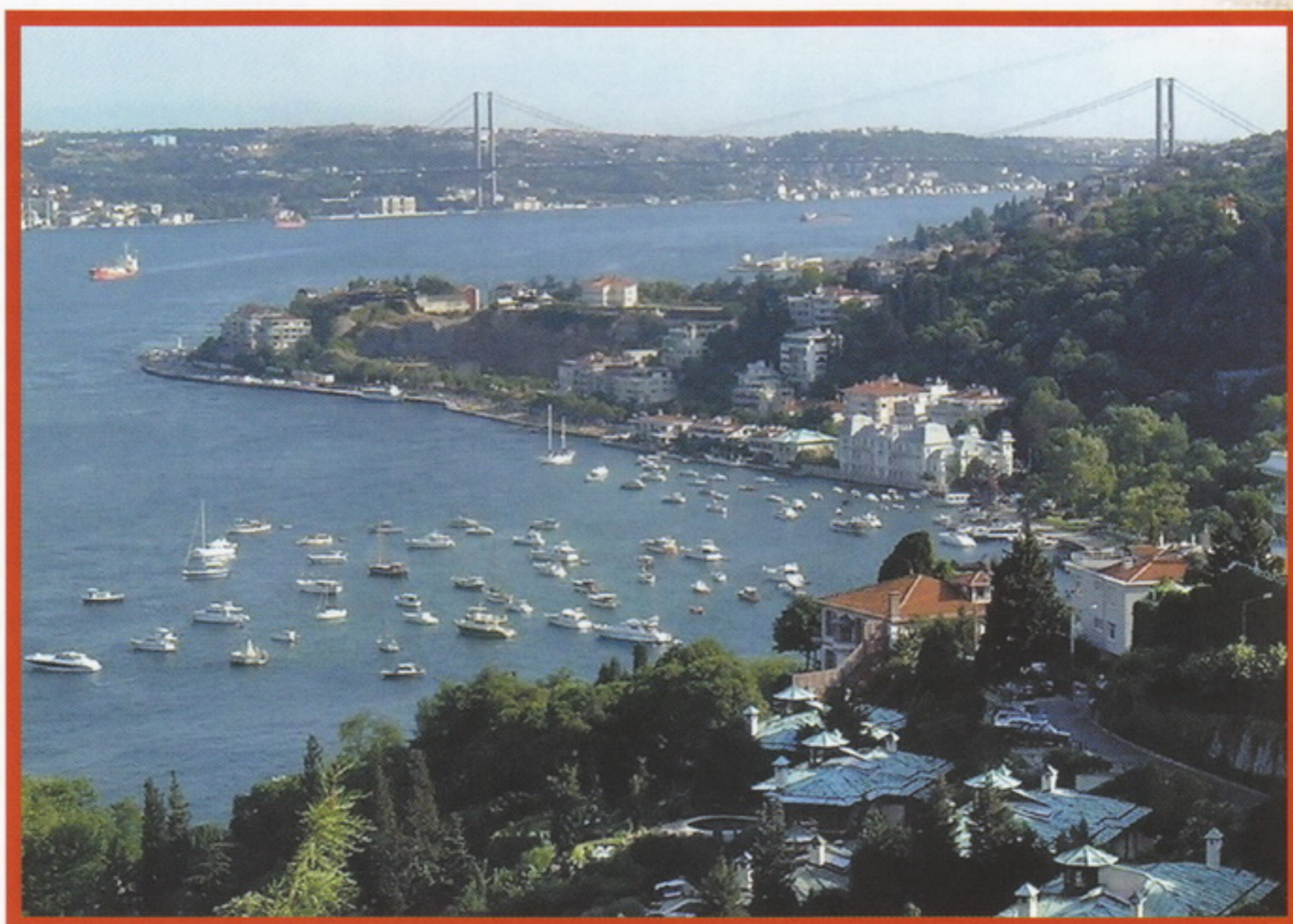
Византия ввязалась в очередной конфликт с Киликийской Арменией. Случилась история, дикая для современного человека, и вызвавшая нешуточный резонанс даже в те, отнюдь не сентиментальные времена.

В 1162 г. имперский наместник Киликии Андроник Евфорвин пригласил «для дружбы» брата князя Тороса Степанэ. Здесь его схватили и бросили в котел с кипящей водой! После этого злодеяния Торос навсегда стал врагом империи и из своего горного гнезда совершал нападения на византийские гарнизоны, расквартированные в равнинной части страны. Справиться с ним помешало новое обострение международной обстановки. Как раз в это время ромеям пришлось оказывать военную помощь крестоносным государствам, на которые обрушился натиск воинственного дамасского султана Нур ад-Дина Махмуда.

Беспокойным оказалось и правление султана Икония. После заключения мирного договора с Византией Кылич-Арслан собирался жениться, но его невесту похитил один из данишмендских эмиров. Столь тяжкое оскорбление, разумеется, привело к длительной войне. К 1175 г. эмират Данишмендов был уничтожен. И вот тут император Мануил совершил непростительную и непоправимую ошибку. Он потребовал у Кылич-Арслана, значительно увеличившего свои владения, территориальных компенсаций. Султан отказался. Василевс решил добиться причитающегося силой и... погубил Ромейское царство.

Сравнивая двух правителей, византийский историк Никита Хониат оставил яркие характеристики, позволяющие возложить ответственность за разжигание конфликта, как на императора, так и на султана. Хотя каждому из них были присущи особые индивидуальные черты натуры.

Так Кылич-Арслан оставался «предусмотрителен и рассудителен, действовал обдуманно и давал битвы осторожно. Его никогда не видели стоящим во главе фаланги, или разделяющим труды с воинами; а царь, как человек с душою благородною, был пылок в сражениях. Любил выказывать дела личной храбрости и часто первый садился на коня и смело выступал в поход». Вместе с тем, султан обронил как-то фразу, выражающую, пожалуй, главный жизненный

Панорама Босфора. Современное фото

принцип этого человека. «На чьей стороне победа, — сказал он, — к тому обыкновенно приходят в гости и дары».

При этом «оба они были падки на войну, а потому иногда и по незначительной причине нападали друг на друга». И «ни условные прекращения военных действий, ни перемирия во время битв, ни союзы и договоры, ни переговоры и отправления послов не задерживали и не останавливали нападений».

Итак, император Мануил решил наказать иконийских мусульман и принудить их к повиновению силой оружия. Разработанный план действий предусматривал два этапа. Сначала автократор хотел закрепиться в обезлюдившей из-за тюркских набегов приграничной полосе. Для этого византийцам предстояло восстановить ранее разрушенные и заброшенные крепости Дорилей и Сувлей.

Василевс Мануил Комнин.
Фрагмент византийской миниатюры

Эту задачу Мануил осуществил в 1175 г. Соответствующий эпизод, приводимый историком Иоанном Киннамом, дает яркое представление об общем состоянии малоазиатских владений империи.

Оказывается, Дорилей когда-то был «величайший и знаменитейший из городов Азии. Он лежал в долине, распространявшейся на большое пространство и представлявшей прекрасный вид. На плодородных полях ее росла сочная трава, и поднимались богатые нивы. Вид украшала протекающая по долине река, дающая вкусную воду; в реке водилось множество рыбы, вполне достаточной для пропитания жителей. Эта местность доставляла в обилии все, что служит для удовольствия человеку. Но тюрки разрушили город до основания и сделали его необитаемой пустыней, так что кругом незаметно и следа прежней культуры. Теперь раскинул здесь свои палатки туркменский улус в 2000 человек».

Появление имперской армии разогнало кочевников. Василевс отдал распоряжения, и работа закипела. В течение сорока дней одни воины копали ров и насыпали вал, другие восстанавливали крепостные стены. Император подавал пример неутомимости, лично таская на спине тяжелые камни.

В Дорилее заложили казармы и жилые дома для будущих колонистов, вырыли колодцы на случай возможной осады. После этого войско двинулось дальше к еще одному бывшему городу — Сувлею. И снова, прогнав варваров, византийцы приступили к восстановительным работам. Затем Мануил вернулся в Константинополь.

В это же время императору пришлось столкнуться и еще с одной проблемой. Дело в том, что утомительная работа и отсутствие ярких побед над противником (а значит и добычи) негативно сказались на моральном климате в среде воинов. В армии участились случаи дезертирства.

Гнев охватил владыку ромеев. Он приказал телесно карать стратиотов, покинувших ряды войска. Произошедшее дальше на современном нам языке называется мудрено — «эксцесс исполнителя». Применительно к веку XII, да еще в Византии, явление это приняло и вовсе уродливые формы. Согласно тому же Иоанну Киннаму, командиры отрядов, направленных для поимки беглецов, «перестарались». Они ослепляли всех встречных подряд. Даже если эти люди не служили в армии, но «занимались либо земледелием, либо торговлей, либо каким другим ремеслом».

Дикий ужас охватывал прохожих и проезжих путников, когда их хватали озверев-

шие каратели, валили на землю и, не слушая молений о пощаде, не объясняя вины несчастных, втыкали железо им в глаза. От страшной боли мерк рассудок, а затем навсегда исчезал и свет Божий.

Скорее всего, Мануил бы искренне сожалел о горе, постигшем его подданных, но подхалимы и заплечных дел мастера, толпившиеся вокруг василевса, конечно же, докладывали, что справедливая кара постигла только закоренелых и изобличенных преступников. В любом случае, исправить что-либо было уже невозможно.

Впрочем, если говорить честно, самодержца гораздо больше занимали мысли о новом военном походе, который должен был положить конец турецкой опасности.

Согласно плану кампании 1176 г., царь собирался наступать непосредственно на Иконий.

Слабой стороной византийской армии традиционно являлись ее обозы, громадные и неповоротливые. Считалось, что войска на марше должны двигаться налегке, а тяжелое оружие и снаряжение везли на повозках. Воины надевали его только перед боем. Материалы для строительства осадных машин (прежде всего, деревянные бревна и балки) тоже иногда приходилось тянуть за много километров на неторопливых волах.

Очень много места занимал личный обоз василевса и его свиты. Ведь на любом привале для царственного воителя в миниатюре воссоздавалась обстановка Большого константинопольского дворца. Пурпурные одежды и другие регалии власти, парадные доспехи и оружие. А еще столы и кровати, столовое и постельное белье, золотая и серебряная посуда, запасы вин и провизии — без всего этого автократор воевать никак не мог. Немногим меньшие обозы имели военачальники рангом пониже. В результате, армия на походе выглядела как огромный кочевой табор.

Сохранилось свидетельство историка, что перед наступлением на Иконий из Фракии пригнали и переправили в Малую Азию более 3000 те-

лег, а количество быков вообще невозможно было подсчитать! Неудивительно, что продвигалась такая армада очень медленно. А ведь еще пришлось ждать, когда придут иноплеменные вспомогательные отряды (венгры, сербы, печенег и т. д.). Как ни старался Мануил начать кампанию весной, но выступить удалось не ранее середины лета.

Растянувшись на километры, византийская армия ни шатко, ни валко тащилась по горным дорогам Фригии. По мере поступления известий о противнике, Кылич-Арслан нервничал все больше. Его отряды тревожили неприятеля внезапными налетами с фронта и с флангов, выжигали траву, лишая лошадей корма, отравляли колодцы, забивая их трупами и нечистотами. В византийском войске начались болезни, но оно неуклонно шло вперед. Похоже, повелитель румов разозлился не на шутку. Тогда жестокий султан решил схитрить. Он направил к Мануилу послов, желая вступить в переговоры.

Встреча состоялась в полевом лагере византийцев, где армия отдыхала и готовилась к последнему переходу на Иконий. Тюрки стремились отговорить василевса от продолжения кампании, предлагая подтвердить условия прежних договоров. Автократор, хотя и был самодержавным владыкой, не стал рубить сплеча. Для обсуждения ситуации он созвал военный совет.

Пожилые опытные стратеги сказали, что нужно соглашаться. В походе войска

Тюркские воины. Рисунок современного художника

Султан держит совет с военачальниками. Турецкая миниатюра

устали и понесли потери, а турецкая конница в отличном состоянии. Впереди лежат труднопроходимые местности, где могут поджидать вражеские засады. Гарантий же победы вообще никто дать не в состоянии.

Мануил выслушал мнение ветеранов, но прислушался совсем к другим людям. Как горько писал Хониат, «он открыл весь свой слух своим родственникам, и особенно тем, которые никогда не слышали военной трубы, — людям с прекрасными волосами и веселыми лицами, носившим на шеях золотые цепи и сияющие ожерелья из блестящих камней и драгоценных перлов». Эта «военная молодежь» рвалась в бой и предвкушала победу.

Ее зажигательные речи понравились царю, и он объявил послам, что вступит в переговоры только под стенами Икония. С тем тюрки и отбыли.

Прошло еще какое-то время. Ромеи свернули лагерь и тронулись в путь. Войско проходило мимо мрачных руин старинного замка Мириокефал, что по-гречески означает «Тысяча голов». Никто и не подозревал, что совсем скоро это название станет горьким символом военной катастрофы, и многие тысячи христианских воинов сложат головы в этом проклятом месте.

Мириокефал

17 сентября армия вступила в горный проход Циврица, таивший немало опасностей. Поросшие лесом склоны, ущелья, пересекавшие его, являлись идеальными местами для засад.

Нельзя сказать, что Мануил двигался вперед, не предприняв мер предосторожности. Храбрый воин, не раз лично водивший полки в сражения, да к тому же умудренный знанием военной теории Греции и Рима, он воевал по науке. Избранный им походный боевой порядок казался вполне разумным.

Войско шло расчлененно, несколькими эшелонами. Их возглавляли лучшие и, к тому же, абсолютно преданные Мануилу полководцы. Авангард вели два благородных представителя рода Ангелов — Иоанн и Андроник. Следом двигались отряды Константина Мавродуки и способного стратига Андроника Лапарды. Главные силы следовали двумя колоннами. Правофланговую вел шурина Мануила Балдуин из Антиохии, левым командовал Феодор Маврозом.

За этими войсками бесконечной скрипучей лентой растянулся обоз — тысячи повозок и войсковая прислуга. Поднятую ими густую пыль глотали воины императорской гвардии. Под их защитой находился сам Мануил. Еще он оставил при себе лучшие части византийской тяжелой кавалерии.

Наконец, Андроник Контостефан руководил арьергардом. Возможно, ему доверили эту должность, потому что, вообще-то, он не был сухопутным военачальником, а командовал военно-морским флотом империи в ранге мегадуки. Хотя именно Андроник в 1167 г. внес решающий вклад в разгром венгров при Землине.

Точная численность войска Мануила неизвестна, но не подлежит сомнению, что византийцы обладали значительным превосходством над противником.

Позднее Комнина упрекали в том, что он пренебрег разведкой и не оставил обоз в тылу. Но имперская армия выглядела настолько могучей, а султан еще совсем недав-

но так униженно просил о мире, что ни у кого не оставалось сомнений, что отборные части ромеев сметут любые препятствия и одержат победу, которая навсегда войдет в летопись боевой славы Византии.

Святые воины Виктор и Мина.
Настенная роспись византийской школы

Сначала успех действительно сопровождал василевсу. Авангард встретился с турецким заслоном, но почти сразу сбил его и расчистил себе дорогу. А вот дальше начались неприятности.

Медленно продвигавшееся из-за огромного обоза, войско растянулось в лощине более чем на десять миль. Авангард отделяли от арьергарда около четырех часов пути! Между колоннами была утрачена непосредственная связь. Таким образом, византийцы лишились численного преимущества, а турки могли атаковать и бить их по частям. Именно так вскоре и произошло.

Некоторые подробности сражения при Мириокефале дошли до наших дней благодаря тому, что Мануил сам описал их в послании к «наиблагороднейшему королю Англии и самому дорогому другу» Генриху II

Плантагенету (монархи были женаты на двоюродных сестрах и приходились друг другу свояками).

Из письма следует, что авангард имперской армии, почти не встречая сопротивления, двинулся дальше. От себя добавим, что к концу дня эти передовые части окажутся на выходе из Циврицкого прохода. Здесь они развернут лагерь и даже успеют вырыть вокруг него ров и насыпать вал. Но не только мужество ромейских воинов можно объяснить одержанный успех. Мусульмане, не вступая в лобовую схватку, специально пропустили авангард. Зато шедшим следом колоннам пришлось принять тяжелый бой.

Мануил вспоминал, что турки атаковали главные силы армии на всей их протяженности слева и справа, со всех сторон, «и их стрелы, обрушившись на нас как ливень, погубили большое число людей и лошадей».

Император, при всей его горячности, был опытным военачальником. Он понимал, что самое главное сейчас выдержать первый удар противника. Неминуемы большие потери, но, дождавшись подхода арьергарда, можно будет перейти в наступление и опрокинуть боевые порядки неприятеля. Расчет, в целом, обоснованный. Вот только цена осуществления замысла автократора окажется непомерно велика.

Дело в том, что как уже отмечалось, нападению подверглись не только войска под командованием самого Мануила, но одновременно вся армия.

Дни в середине сентября стояли, по-прежнему, жаркие, и войска, скорее всего, оставили тяжелое защитное вооружение в обозе. Воины сгрудились и не держали строя, так что лишь редкая стрела сельджукского лучника не находила себе цели. И росли, росли страшные груды убитых и раненых.

Вместо боя получилось избиение. Турки не вступали в рукопашную схватку, расстреливая врагов с безопасного расстояния, а ромеям никуда не деться. За каждую минуту они платят все новыми потерями.

Тяжело воину стоять, не имея возможности ответить ударом на удар, и ждать, когда тебя убьют. Верующий человек может молиться. Но и на молитву не остается времени. Под тучей стрел даже «Отче наш» не пробормотать скороговоркой. Лишь вырвется у страдальца «Кирие елейсон», и с этим «Господи, помилуй» отлетает душа православная из бренного тела в дали горние...

Смертельная опасность, от которой некуда спрятаться, уравнивала между собой стратигов

высокого ранга и простых солдат. Позднее Мануил буднично напишет, что и «нашей царственности» лично пришлось выдерживать натиск неисчислимого количества врагов.

На правом фланге произошла трагедия. Обычно стойкие в бою латинские наемники царского шурина Балдуина не выдержали и бросились бежать. Теперь для их командира наступил момент истины. Кем был этот человек? Грубым невежественным воякой, как и большинство западноевропейцев того времени. Или, может быть, выросший при дворе князя Антиохии, он вобрал в себя знания, как европейской, так и восточной культуры. В любом случае, сейчас Балдуин оказался настоящим Рыцарем.

к концу. Тюрки не решались предстать перед таким героем лицом к лицу, но их стрелы били без промаха. Балдуин и большинство его латников остались лежать бездыханными, «совершив дела мужества и показав пример храбрости». Многих из них даже не удастся опознать.

Ободренные успехом, мусульмане спустились с холмов и двинулись вперед. Истребление продолжалось. Ромейские военачальники утратили управление боем. Самому василевсу пришлось сражаться как просто-му всаднику — кавалларию.

Оставалась еще надежда на подход арьергардных частей, но они пока далеко. Кроме того, придти на помощь погибавшим сейчас

Святые византийские воины

С горсточкой воинов он ринулся в самую гущу вражеских боевых порядков. Презрение к смерти и фамильная гордость вели его в последний бой, а острый меч разил направо и налево. Залитый кровью, своей и чужой, страшен был благородный франк. Немало сельджуков превратил он в груды дымящегося мяса. Наконец, и его силы подошли

главным силам армии, по-прежнему, мешал громадный обоз, тысячами телег безнадежно забивший дорогу. Те же отряды, которые находились поближе к передовым бойцам, просто уперлись в бесформенную, неуправляемую, охваченную ужасом человеческую массу. «И падал вол, а подле него испускал дух и погонщик. Конь и всадник вместе

Стр. 75. Атака тяжелой византийской кавалерии при Мириокефале.

Иллюстрация О. П. Горшенковой, © В. Н. Шиканов

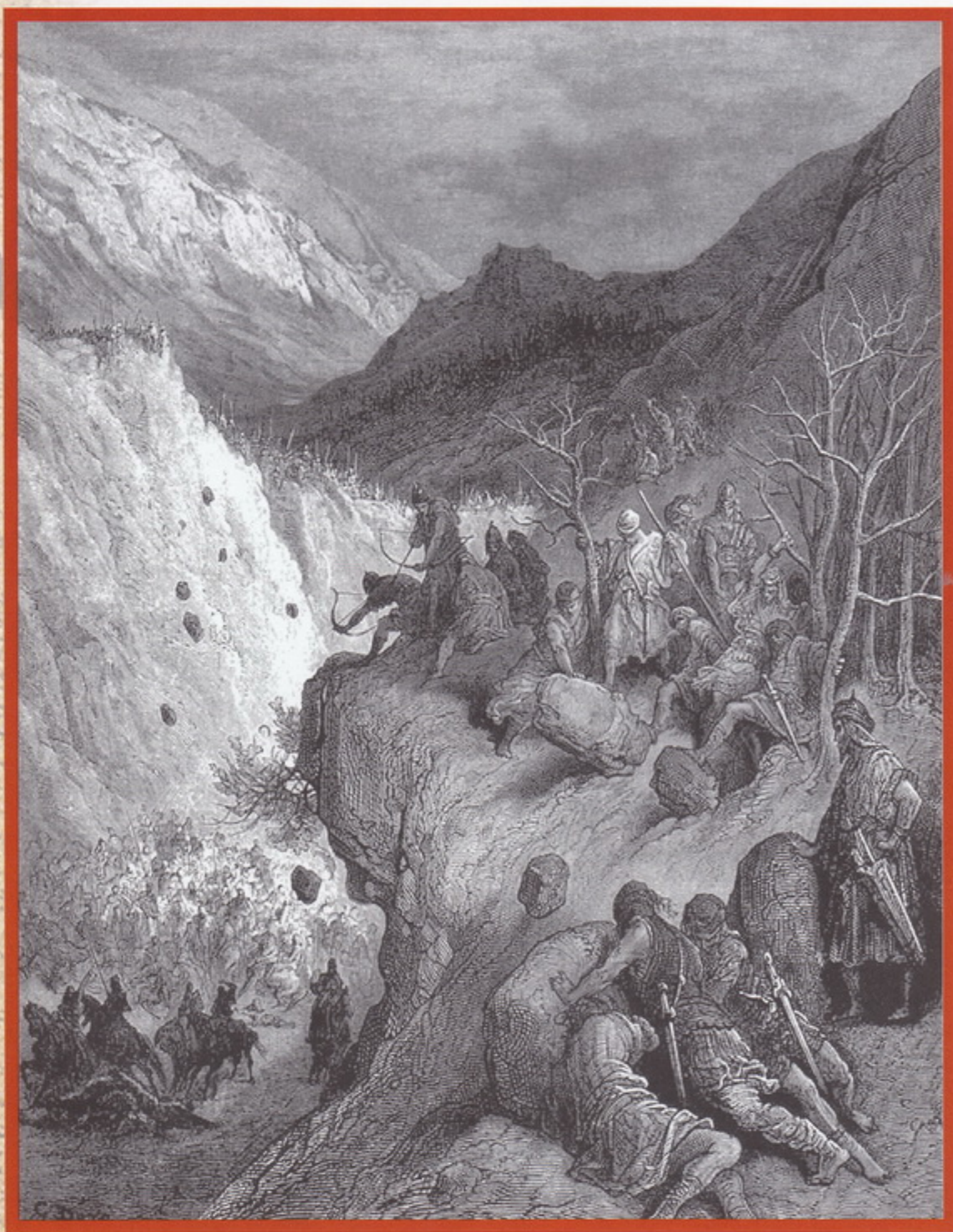

Jo
2010

низвергались на землю. Лощины загромодились трупами и рощи наполнились телами павших. С шумом текли ручьи крови. Кровь мешалась с кровью, кровь людей — с кровью животных».

Тюрки метали стрелы с придорожных холмов, и негде скрыться от них. Ромеям неоткуда ждать помощи, и Мануил предпринимает последнюю попытку переломить ход событий. Он приказывает отборным полкам тяжелой кавалерии сбросить противника с господствующих высот. Атаковать конницей вверх по склону — сомнительный тактический прием. Но у василевса нет особого выбора. Просто эти части еще не участвовали в сражении и могут держать строй.

Кавалларии начинают движение. Лошади движутся шагом, но сейчас и такой аллюр подойдет. Лишь бы они не останавливались. Тюрки переносят прицел на новые цели. Тонко свистящие стрелы пробивают доспехи, войлочные и кожаные попоны. Всадники и кони падают. Остальные, жертвуя собой, пытаются подобраться к противнику еще ближе.

Нападение тюрков на христианское войско.
Гравюра Г. Доре

Не вражеское войско, а неумолимая природа Анатолии остановила этот отчаянный бросок. Оказалось, что путь к вершине холма пересекала впадина, незаметная с дороги. Теперь она превратилась в непреодолимое препятствие. На глазах у самодержца случилось непоправимое. Этот трагический эпизод навсегда остался в памяти Мануила.

«Облако пыли все скрыло от глаз, — писал он позднее английскому королю, — и войска не видели, что происходит у них под ногами и все они (*люди и лошади* — В. Ш.) рушились в глубокую ложбину. При этом погибли не только много простых воинов, но и некоторые из знатнейших, включая и ближайших к нашей особе».

Совсем плохо стало царю, когда он увидел воздетую на турецкое копьё отрубленную голову своего племянника Андроника Ватаца. С этой минуты Мануил утратил волю. Теперь его волновали не судьбы сражения и гибель армии, а лишь собственное спасение.

Во главе немногочисленного эскорта из гвардейцев он бросился вперед. Ни участники тех драматических событий, ни тем более историки, сочинявшие хроники годы спустя, не в состоянии точно передать, что же на самом деле произошло на обезображенной телами павших и залитой кровью горной дороге. Нам остается лишь сухо подвести итог: император Мануил Комнин прорвался через разящую завесу стрел, «жаждущих крови» (около тридцати из них застряли в его щите), и «варварскую фалангу». Полумертвый от усталости царь остался жив, хотя еще не до конца понимал это.

Многим другим ромеям повезло меньше. Тюрки в упор расстреливали их из луков, нанизывали на копья. Раненые и просто оступившиеся люди падали. Их насмерть затаптывали собственные товарищи, чтобы, через несколько минут, самим разделить эту страшную участь.

Даже те, кто смог пробиться сквозь вражеский заслон, не чувствовали себя в безопасности. Дело в том, что злосчастный Циврицкий проход пересекают несколько ущелий, и в каждом из них кишмя кишели сельджуки. По мере продвижения вперед, византийцы попадали под их стрелы и устилали дорогу новыми сотнями трупов. А тюрки, усевшие склоны холмов, били на выбор или просто посылали стрелы в толпу и «постоянно оставались победителями».

Не забудем и о внезапно налетевшем ветре, который поднял тучи песка, но не защитил православных от смерти. В такие минуты рукопашная схватка переходила в ужасающую резню, в ходе которой сражающиеся стремились поражать всё движущееся. Не разбирая чужих и своих. Очень быстро ущелья превратились в громадные общие могилы. В них упокоились и христиане, и мусульмане. Надрывно кричали, постепенно затихая, раненые, но никто не спешил им на помощь. Люди боялись оказаться на их месте и ускоряли шаги.

Не закончился еще этот страшный день и для царя Мануила. Придя в себя после безумной горячки боя, он обнаружил, что сидит на лошади под грушевым деревом, сжимая в руке переломившееся древко копья, и совершенно непонятно, где свои, а где враги. Долго ли, коротко пребывал владыка ромейской державы в горестных раздумьях, неизвестно. Наконец, василевс заметил, как с дороги свернул какой-то человек и направился к нему. Как вскоре выяснилось, это оказался тюркский мародер.

Знал бы правоверный, кто перед ним, может и повторилась бы незадачливая судьба Романа Диогена. Но не знатный пленник, а конь в дорогой сбруе заинтересовал сельджука. Уцепившись за уздечку, он потянул лошадь за собой. Мануил пришел в себя и что есть силы хватил тюрка обломком копья по голове. Тот замертво рухнул на землю.

Прошло еще какое-то время. К василевсу подъехал уцелевший в битве рядовой византийский кавалерист и почтительно предложил свою помощь. Он поправил государю сбившийся на сторону шлем (Мануил даже не заметил, что в ходе боя получил сильный удар в голову).

Немного отдохнув, они двинулись вперед. По пути к ним прибились и другие одиночные ромейские бойцы. И к лучшему. Небольшому отряду несколько раз пришлось отбиваться от тюрков. Скорее всего, это вновь были группы мародеров. Иначе Мануилу и его спутникам вряд ли удалось бы добраться до своих. Зато во время одной из таких схваток на глазах у императора был убит и ограблен муж его племянницы Иоанн Кантакузин.

А еще в его присутствии воины Кылич-Арслана разграбили армейскую казну. словно животы жирных баранов, они вспарывали тугие мешки с деньгами, просыпая в грязь золотые и серебряные монеты с ликом автократора. Мануил просил солдат напасть на варваров, отбить несметные богатства и по-

делить их между собой. Но стратиоты отворачивались. Сегодня самым главным сокровищем для них являлась сама жизнь, возможность дышать и видеть, еще более желанный после пережитого ужаса смерти, свет солнца.

Закачивался тяжелый день 17 сентября 1176 г. Догорал закат, когда Мануил и его спутники выбрались к лагерю, в котором укрепились части авангарда. Только сейчас император понял, как сильно он устал. Не как владыка жизни и смерти подданных, а как простой человек, попросил василевс, чтобы принесли ему напиток.

Один из кавалариев зачерпнул кованым шлемом воды в горной речке и подал государю. Едва успел Мануил сделать большой глоток, как его вырвало. Солоноватый вкус оказался у напитка, да и цвет не оставлял сомнений. Вода густо перемешалась с кровью. И заплакал тогда несокрушимый император. Прорвалось накопившееся напряжение, и не мог он унять слез, испив крови православной. Мануил просил прощения за грех невольный, но сурово смотрели на Комнина окружавшие его ратные люди.

В такие моменты говорят, что думают, не выбирая выражений. «Ну, нет! — заметил

Святые воины Евстафий и Николай.
Роспись византийской школы

солдат. — Не теперь только и не в первый раз, но давно и часто, и до опьянения, и без примеси ты пьешь чашу с христианской кровью, обирая и ощиывая подданных, как обирают поле или ощиывают виноградную лозу».

Вот и узнал великий василевс истинную оценку своего царствования. И возразить ему было нечего...

Святые воины – мученики Феодор Тирон и Феодор Стратилат.
Роспись византийской школы

В несчастном побоище при Мириокефале погиб цвет византийской армии. Отборные полки катафракт, латинские наемники, не знавшие страха, прославленные полководцы — представители знатнейших родов империи и простые солдаты, оторванные воинским законом от семей — многие тысячи их остались лежать тут — в страшном Циврицком горном проходе.

Меж тем, вокруг ромейского лагеря собрались тюрки. Их гортанные крики металась в ночной темноте. Опытные ветераны переводили. По всему выходило, что сельджуки предлагали своим соплеменникам, чьи вспомогательные отряды входили в со-

став византийского войска, оставить неверных и присоединиться к победителям. Становилось совсем жутко.

Однако же дальше случилось удивительное. Разгромив главные силы противника, мусульмане очистили горную дорогу. Воспользовавшись этим, Андроник Контостефан привел к лагерю почти не пострадавший аррьергард. Теперь военачальники собрались на совет, обсуждая, что же делать дальше.

В штабной палатке звучали разные мнения. Хотя все понимали, что армия потерпела страшное поражение, и о первоначальной цели похода можно забыть. Мануил слушал, но не слышал сподвижников. Пережитый ужас не отпускал, цепко ухватив за сердце, порой почти останавливая его ровное биение.

Мысли василевса словно двигались по спирали, приближаясь к какой-то точке. Он и сам не мог понять, чего хочет. Вдруг автократ прервал выступавшего и спокойно сказал, что считает для себя единственно возможным покинуть лагерь и тайно бежать в Константинополь. Остальным предстоит самим позаботиться о себе.

Изумлению высших офицеров не было предела. В любой другой обстановке слова самодержца (да еще такого упрямого, каким был Мануил Комнин) не подлежали обсуждению. Но сегодня почти все эти люди смотрели в лицо смерти. Теперь они могли высказаться, и оценки нестандартной идеи государя прозвучали единодушно резко.

Кроме того, по-видимому, не только в узком кругу военачальников решалась судьба армии. Воины придвинулись поближе к шатру, чтобы узнать планы командования. Всего через несколько минут о позорном решении царя узнал весь лагерь.

Против Комнина вполне мог вспыхнуть открытый мятеж. И снова Мануил выслушал немало нелестных эпитетов в свой адрес. Может быть, именно они и отрезвили василевса. Он остался с войском, разделяя его судьбу. Дальнейшие события показали, что царь принял единственно достойное решение. Как будто некие высшие силы сжалились, наконец, над несчастным и взяли его под опеку.

Наступило утро. Многие в ромейском лагере считали его последним. Две попытки прорваться, предпринятые византийцами, закончились неудачей. Казалось, вот и конец. Но, спустя некоторое время, вместо тюркских лучников, натягивающих упругие тетивы луков, ромеи узрели перед собой парламентаров!

Похоже, Кылич-Арслан и сам не знал, что делать со столь внезапно свалившейся на него победой. Владыка румов почти находился в его руках, но хотел ли султан взять его в плен? Ведь в планы тюрка не входило покорение Византии. Плоды Мириокефала ему не переварить. Лучше всего заключить с христианами мир (причем, можно даже на весьма умеренных условиях).

В подтверждение добрых намерений Кылич-Арслан прислал Мануилу коня с серебряной уздечкой и парадный меч. После недолгих переговоров, царь, почти не глядя, «приложил руку» к договору о прекращении боевых действий. Точный его текст не сохранился. Известно лишь, что византийцы должны были разрушить недавно воссозданные укрепления Дорилея и Сувлея. Заметим, что некоторое время спустя, в письме к английскому королю, Мануил уже утверждал, что султан «обещал исполнить любое желание Нашей царственности».

Признав поражение, василевс получил разрешение увести остатки войска в пределы империи. Он прекрасно понимал, сколь страшное зрелище ожидает его на обратном пути, и приказал далеко обойти поле вчерашнего сражения. Но, видно, слова императора отныне не имели силы для его подданных. Чтобы до конца унижить полководца разбитой армии, проводники вывели его к Циврицкому проходу, заваленному мертвецами.

Здесь разыгрались душераздирающие сцены. Как писал Никита Хониат (а он был не просто современником этих событий, но и встречался с их непосредственными участниками, тщательно фиксируя рассказы очевидцев), «глубокие лощины от множества павших сделались равнинами, долины поднимались холмами и роци были покрыты трупами».

Тела были изуродованы тюрками, чтобы нельзя было отличить христиан от мусульман. Их войско тоже понесло серьезные потери (многие ромеи дорого продавали свою жизнь), и теперь сельджуки постарались приуменьшить собственный урон.

Стон стоял над медленно продвигающейся скорбной колонной. Суровые воины, мужчины, поседевшие в походах и битвах, не сдерживали рыданий, узнавая друзей

и близких. Еще вчера они были живыми людьми, а теперь стремительно разлагались на солнце, становясь добычей диких зверей и птиц-стервятников. И не нехристей-тюрков, а собственного царя винили ромеи в случившейся катастрофе. Горько упрекали и даже поносили Комнина. Все терпел грозный василевс, ибо на нем была кровь подданных.

Пройдя страшную покойницкую под открытым небом, Мануил отправил в Константинополь гонца с известием о проигранной битве. И снова вспомнились ему события столетней давности. Он сообщал, что с ним случилось то же, что и с Романом Диогеном.

Позднее, придя в себя от пережитого, Мануил отказался выполнять условия навязанного ему договора (правда, укрепления Сувлея он уже успел разрушить). И все же, погром при Мириокефале имел для империи катастрофические последствия. Попытка ликвидировать турецкое господство в Малой Азии потерпела крах. Наоборот, Византия окончательно лишилась надежд на возвращение своих восточных провинций.

Перестали быть безопасными и коммуникации Западной Европы с христианскими государствами на Ближнем Востоке. Авторитет императорской власти рухнул безвозвратно. Через четыре года сломленный духом Мануил умрет. Деля его наследство, преемники станут изощренно уничтожать друг друга. Тут уж не до безопасности границ. Сельджуки сразу же захватят Котией и Созополь, нападут на Атталию. Тогда же армяне овладеют последним опорным пунктом империи в Киликии — городом Тарс. Византия навсегда утратит свое влияние в данном регионе.

Наследника Мануила подростка Алексея II лишит власти и жизни принц Андроник.

Румский султанат к концу XII в.

Считая, что пророчество АИМА продолжает действовать (ведь имена дяди и племянника начинались на одну букву), он сам взошел на престол. Андроник пытался строить восточную политику на союзе с египетским султаном Саладином. Напрасно. Судьба отвела узурпатору всего два года правления (1183-1185 гг.). В Константинополе вспыхнул бунт — бессмысленный и беспощадный, и василевса, не жалевшего крови подданных, самого растерзала на столичном ипподроме озверевшая толпа.

«Года не проходило без того, — писал Никита Хониат, — чтобы он не принес с собой общественного бедствия, как будто Бог определил нашим современникам видеть постоянную смену беспокойных дней».

Сразу после смерти Андроника сельджуки совершили опустошительный набег на Фракийский. Бесталаный Исаак II Ангел (1185-1195 гг.) откупился от незваных гостей богатыми дарами. Он же послал князю Киликии Левону великолепную царскую корону. Подарок был принят, но короновался Левон венцом, полученным от германского императора и с благословения Римского Папы. Курс Армении на сближение с Западом остался неизменным, а с мнением слабых ромейских правителей уже вовсе перестали считаться.

Тем временем погружался в хаос и Коникийский султанат. Состарившийся Кылич-Арслан поделил государство между детьми и в последние годы жизни скитался, пока не умер у младшего сына на положении приживала. Другой сын сельджукского «короля Лира» Рукн ад-Дин Сулейман II сразу же начал борьбу за передел отцовского наследства. Его целью была Конья. Он изгнал отсюда своего брата Гийас ад-Дина Кей-Хосрова¹ и тому пришлось бежать: сначала в Армению, затем в Халеб и в конце концов в... Константинополь. Этим Рукн ад-Дин

не ограничился. Он убил еще одного брата — Масуда и захватил Анкиру, но всего через пять дней тоже скончался.

К 1201 г. относится странный поход очередного Ангела — Алексея III (1195-1203 гг.) против сельджуков. Повод к нему оказался довольно нестандартным.

Султан захватил двух отборных арабских скакунов, посланных василевсу из Александрии (мы уже не удивляемся, что разбоем на больших дорогах занимались и самые высокопоставленные особы). Испытав их на резвость, владыка с горечью обнаружил, что один из жеребцов вывихнул ногу. Донельзя огорченный, султан направил императору утонченное послание, в котором извинялся за то, что теперь, «по негодности одного из коней, не решается послать и другого». Очевидно, чтобы не оскорбить царственного собрата подарком, утратившим потребительские качества.

Алексей не оценил изысканности стиля письма и велел арестовать всех тюркских купцов, находившихся в Константинополе. Затем он стал собирать войска, чтобы кровью сарацин смыть нанесенное оскорбление. Тут уже и султан возмутился. Ведь он же принес извинения. Так чего же еще от него хотят? Пока ромеи готовились выступить, сельджуки сами вторглись в пределы империи и ограбили все земли в долине реки Меандр. После этого император лично прибыл в Никею, но, простояв здесь месяц, почему-то не решился перейти в наступление и вернулся обратно в столицу.

Вот так бесславно закончился для Византии XII век. А впереди были бедствия еще худшие. Ненавидевшие друг друга православные ромеи, католики латиняне и монофиситы армяне не смогли договориться между собой. Пользуясь их слабостью, мир ислама готовился к решительному наступлению.

¹Помимо обычных мусульманских имен, получаемых при рождении, сельджукские султаны любили принимать тронные имена персидского происхождения, которые некогда носили шахшахи Ирана: Кей-Хосров, Кей-Кавус, Кей-Кубад. Такая практика должна была подчеркивать древность рода сельджукидов и их «природные» права на верховную власть.

ИМПЕРИЯ НА ОКРАИНЕ

После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Ромейская держава распалась. На ее месте появилась Латинская империя, упрямо именовавшая себя Романией, а также три греческих государственных образования: Эпир, Никейская империя и Понт (в дальнейшем Трапезундская империя).

В Никее имперские амбиции Трапезунда откровенно презирали, считая тамошних жителей *лазами*¹, т. е. варварами — обитателями Лазики, как издавна именовалась причерноморская часть Грузии. Действительно, знаменитая царица Тамара сделала немало для становления нового государства. Но самое главное, что тамошние правители имели гораздо больше оснований считать себя наследниками василевсов ромеев. С помощью грузинского войска в Трапезунде обосновались бежавшие из столицы внуки несчастного Андроника I Комнина Алексей и Давид. От этого родства они сами и основанная ими династия приняли гордое имя Великих Комнинов.

Места им достались далеко не самые хлебные. Южное побережье Черного моря по византийским меркам считалось довольно угрюмым захолустьем. Единственное что здесь процветало — транзитная торговля: малоазиатских купцов с Таврикой, а также Ирана с балканскими странами. Вот и получается, что вся жизнь сосредотачивалась в крупных портовых городах: Трапезунде, Синопе, Аматриде и еще нескольких поменьше. При подобной экономической специализации сельское хозяйство (в основном, виноградарство в узкой приморской полосе

и животноводство на горных пастбищах) имело гораздо меньшее значение.

Империя, возникшая на таком базисе, могла быть вполне жизнеспособной, но, как мы уже упомянули, ее отцы (а точнее внуки) основатели являлись носителями громкой царственной фамилии и претендовали на возрождение Византии в ее прежних размерах и, естественно, видели во главе ее только себя. Только вот сил и средств для реализации столь грандиозного проекта у Великих Комнинов явно не хватало. В никейских областях оставалось немало свободных крестьян, которые составили новую греческую армию, а в дальнейшем подняли сельскохозяйственное производство на столь высокий уровень, что наполнившаяся государственная казна позволила приглашать на военную службу иностранных наемников-профессионалов. В областях Понта население было не столь многочисленным, а торговля, в обстановке политической анархии и непрекращающихся военных действий, быстро пришла в упадок. Да и позднее ее развитию активно мешали сильные конкуренты из Ве-

Софийский собор в Трапезунде. Современное фото. Претендуя на прежнее имперское величие, основатели новой империи старательно воспроизводили старые державные атрибуты. Вот только размах их был уже не сопоставим с константинопольским

¹Как-то раз, когда трапезундский император Иоанн II отправился в Константинополь с официальным визитом, византийские послы предложили ему сменить красную обувь (символ достоинства василевса) на черную, так как в противном случае это было бы неприлично, тем более, в присутствии единственно законного государя — Михаила VIII Палеолога.

неции и Генуи. Поэтому дело у Великих Комнинов не заладилось с самого начала.

В 1214 г., несмотря на союз трапезундцев с латинянами, никейский император Феодор Ласкарис отнял у них Амастриду, а сельджуки Синоп. С этим городом вышла особенно некрасивая история.

Конийскому султану Кей-Кавусу I (1211-1219 гг.) сообщили, что «преступлениям и посягательствам кира (*т. е. господина — В. III.*) Алексея стали тесны рубежи его державы». Из этого следует, что отряды василевса Алексея I Великого Комнина (1204-1222 гг.) вторглись во владения сельджукидов. Скорее всего, это была не война, а какая-то ограниченная силовая акция. Во всяком случае, султан не послал войско наперерез противнику, а стал собирать сведения о состоянии укреплений Синопа. Это может означать только одно: рейд трапезундцев закончился и они вернулись в свои пределы. Дальнейшие события походят на восточную сказку — волшебную и страшную одновременно.

Пока Кей-Кавус из Сиваса (*т. е. совсем рядом с рубежами государства Великих Комнинов*) «воспламенял эмиров желанием опустошить поля и земли злодея серпом насилия», ему, весьма кстати, доложили, что кир Алексей охотится в окрестностях Синопа в сопровождении 500 всадников. Пятисот клинков тоже немалая сила, но сельджукский отряд, спешно высланный султаном, частично перебил, а частично рассеял царскую охрану, а самого императора захватил в плен прямо во время охотничьего пира.

После этого на место происшествия прибыл султан и потребовал от пленника сдать Синоп. Алексей счел, что у него нет выбора и отправил в город послание с повелением открыть ворота перед тюрками. Городские власти думали иначе. Они решили ни при каких условиях не отдавать свою землю мусульманам. Что же касается василевса, то лучше будет считать Алексея утратившим трон и возвести на престол одного из его сыновей. Но все еще только начиналось.

Султан велел пытать несчастного государя на глазах у синопцев, высыпавших на городские стены. Его страдания продолжались два дня, и когда люди увидели, как их

господин был подвешен вниз головой и потерял сознание, сердца христиан не выдержали. Они прислали гонцов, прося прекратить мучения, и согласились сдать город на условиях личной безопасности¹.

С тех пор правитель Трапезунда как-то успокоился и думал, в основном, об обороне. Территория империи была разделена на несколько военно-административных округов, во главе которых стоял *кефали* (буквально «голова») или *дука*, соединявший в своих руках, как военную, так и гражданскую власть.

В каждом из этих округов размещались в качестве гарнизонов части регулярной армии, формировавшиеся по найму. Значительная доля их личного состава была представлена иноземцами (например были отряды, целиком состоявшие из тюрков, но под командой греков). Кроме того, в столице при особе императора несли службу гвардейские подразделения (*василика аллагия*).

Александр Великий преследует Дария.
Миниатюра из трапезундской рукописи XIV в. На самом деле так могли выглядеть воины Трапезундской империи

¹Тем не менее, войдя в Синоп, сельджуки подвергли изощренной казни тридцать «франков», принимавших участие в обороне города. С них заживо содрали кожу.

В военное время боевой потенциал армии усиливали личные дружины местных феодалов и территориальные ополчения вышеупомянутых округов. Иногда на стороне Трапезунда выступали западноевропейские союзники. Однако, даже при максимальном напряжении усилий, общая численность вооруженных сил маленькой империи никогда не превышала трех тысяч человек. Чаще в боестолкновениях принимали участие отряды в несколько сотен ратников.

Был у великих Комнинов и свой военный флот, причем даже тогда, когда василевсы в Константинополе не могли себе позволить содержать собственные эскадры.

Современники отмечали высокие боевые качества трапезундцев, поскольку их традиционным занятием была охота, в ходе которой вырабатывались навыки меткой стрельбы из лука.

Именно лучники, причем пешие, начинали бой, находясь в первой линии перед

конницей, вооруженной копьями и щитами. Впрочем, открытые полевые сражения были редкостью (в первую очередь из-за численного превосходства противника). Как правило, военные конфликты сводились к отражению набегов вражеской конницы.

В таких условиях все решали быстрота маневра и решительность внезапной атаки на авангард или сторожевое охранение неприятеля до развертывания его главных сил. Широко использовались также засады в горной местности.

Если враг преодолевал все выставленные заслоны, последним рубежом обороны становились замки и приморские крепости, в защите которых принимало участие все население. Обороняющиеся координировали свои действия с жителями окрестных земель и устраивали одновременные нападения на неприятельский лагерь. В случае успеха, подобная тактика могла привести к полному снятию осады.

У Алексея Великого Комнина было три сына, но престол Трапезунда он передал зятю. Андроник I Гид (1222-1235 гг.), несмотря на ограниченность ресурсов, проводил активную внешнюю политику. В 1225 г. он отбил у тюрок Синоп. Правда, через три года сельджуки восстановили контроль над этим городом. В 1230 г. их войска двинулись на Трапезунд, однако были разбиты, а их предводитель (возможно, что это был сын султана) попал в плен.

В греческих источниках сохранилось довольно подробное описание этой кампании. Узнав о вторжении, император собрал в войско «цвет молодежи» — отборных и сильных людей, обратился за помощью к союзникам и выставил заслоны в горных проходах.

При попытке прорыва сельджукский авангард понес большие потери, но соотношение сил было настолько не в пользу трапезундцев, что пришлось отступить до самого моря, под защиту стен столицы.

Тюрки долго не разбивали лагерь. Присматривались, с какой стороны штурм встретит наименьшее сопротивление. В конце концов они расположились на обширной равнине со стороны морских ворот. И все же первый приступ закончился позорным провалом. Греки совершили смелую вылазку и не только прогнали атакующих, но и во-

Осада христианской крепости.
Турецкая миниатюра

рвались в их лагерь, принявшись грабить «палатки и пожитки».

Воспользовавшись этой заминкой, предводитель сельджуков ввел в бой сильный кавалерийский резерв. Завязался общий бой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. При этом среди павших было немало людей «именитых и знатных». С учетом этого, а также понимая численный перевес противника, император, лично руководивший войсками, в полном порядке отвел их назад в крепость.

Тюрки снова бросились на приступ «при звуках кимвалов, арабских свирелей и ливийских инструментов». При этом в город летело столько стрел, что он «покрылся как бы туманом». Очередная вылазка, на этот раз общими силами пехоты и конницы, сорвала этот порыв и заставила атакующих отступить с уроном.

На следующий день все повторилось сначала: за обстрелом последовал яростный натиск варваров. «Принимая во внимание дикие, неукротимые и зверские нравы султана» и беспокоясь о судьбе населения Трапезунда, василевс пошел на переговоры с противником. Выиграть их ему помогла довольно рискованная уловка.

Мусульманских послов везли по улицам, нарочно выставляя на показ гурты быков и овец, мясные, хлебные и прочие лавки, погреба с вином и иными запасами. Обильно был снабжен город и источниками пресной воды. Сельджуки решили, что в таких условиях греки могут обороняться очень долго и опечалились. А когда новая смелая вылазка нанесла врагу значительный ущерб, тюрки пошли на заключение мира.

Подписанный договор устранял тяготы, наложенные на Трапезунд в 1214 г. Маленькая империя прекращала выплату дани сельджукам и больше не должна была направлять свои воинские контингенты на помощь султану по первому его требованию.

Гораздо бо́льшую опасность (причем для всего региона) представляло нашествие монголов — людей, прежде неведомых и жестоких. Великие Комнины выступили против них вместе с сельджуками, но потерпели поражение. Император Мануил I (1238-1263 гг.)

спас государство, лично посетив около 1246 г. ставку великого хана Гуюка в Каракоруме и признав себя его вассалом. В результате Трапезунд не только не подвергся вторжению, но, воспользовавшись ослаблением Кони́йского султаната, даже вернул некоторые территории, ранее захваченные сельджуками. В 1254 г. понтийцы в очередной раз вернулись в Сино́п. Скорее всего, это произошло с санкции монгольских правителей Ирана (ильханов). Утратив их расположение, сын Мануила Андроник II (1263-1266 гг.) потерял и Сино́п.

Укрепления Синопа, современное состояние

Действуя на основании ярлыка Хулагу-хана, сельджуки разбили греческий гарнизон, который вышел из крепости для полевого сражения (не помог и отряд наемников-франков, прибывший из Трапезунда), а затем сожгли суда, стоявшие в порту. Кольцо осады окончательно замкнулось, и зимой 1265-1266 гг. полностью изолированный город сдался.

Последняя попытка вернуть Сино́п была предпринята в 1277 г. Император Георгий (1266-1280 гг.) направил сюда корабли с десантом, но турки «посреди воды в душе его возожгли огонь, и он, разочаровавшись и понеся потери, вернулся восвояси». Семь войн за Сино́п закончились ничем.

Сельджуки, по-прежнему, пользовались покровительством иранских монголов, а правителя Трапезунда ильханы рассматривали в качестве врага. Такие отношения грозили военным конфликтом, в котором

John 2010

у христиан не было никаких шансов на успех. Понтийская знать правильно поняла намеки. В 1280 г. Георгий был схвачен «архонтами» (в заговоре участвовали даже мать и сестры царя) и выдан ильхану Абаке.

Для расследования подобных дел у монголов имелась специальная судебная процедура. Самое интересное, что Георгию, по видимому, удалось оправдаться и вернуться на родину. А вот трон он потерял навсегда. Императором стал его брат Иоанн II (1280–1297 гг.). Это был совершенно другой человек, начисто лишенный властных амбиций (что устраивало многих, как внутри страны, так и за ее рубежами¹).

Иоанн нормализовал, практически замороженные, отношения с Константинополем (он был женат на дочери Михаила VIII Палеолога) и отказался от претензий на преемственность своего государства с прежней Византией. Если до этого времени правители Трапезунда неизменно именовались василевсами и императорами ромеев, то теперь их титулатура звучит хотя и длиннее внешне, но по сути гораздо скромнее: «василевсы и императоры всего Востока, ивилов и Заморья».

В соответствии с новым, региональным статусом, приоритетом внешней политики правителей Трапезунда, начиная с 90-х годов XIII столетия, становится борьба с неконтролируемой миграцией кочевых тюркских племен — «людей заблуждения, врагов религии и власти». Немало хлопот доставляли и мусульманские эмираты, на которые в XIV в. распались, как Конийский султанат, так и государство Хулагуидов.

Описания тех давних событий, оставленные средневековыми авторами, пестрят словами *походы, сражения, битвы*. На самом деле это была бесконечно тянущаяся череда хотя и незначительных по масштабам, но кровавых конфликтов в обезлюдившей на десятилетия пограничной полосе некогда цветущего края. Их вели, не брезгуя никакими средствами и, как правило, ради шкурных соображений, главари не слишком крупных, или даже совсем мелких

Сражение. Турецкая миниатюра

банд, прикрывавшиеся громкими самозванными титулами².

Если же орды кочевников, или отряды местных эмиров прорывались на побережье, то снова и снова пылали окрестные селения, а дороги заполнялись беженцами, надеявшимися найти спасение в городах. Но и крепостные стены не всегда служили надежным убежищем. Дошло до того, что в 1341 г. кочевники-туркмены сожгли сам Трапезунд. Искренне жаль людей, погибавших или лишившихся имущества в такое лихолетье, но ни одна летопись не запечатлела жуткий в своей непрерывности поток имен, струящийся в песочных часах истории.

Воевал Трапезунд и с более цивилизованными врагами (хотя, положив руку на сердце,

¹Иоанна четырежды пытались свергнуть с престола.

²Прямо как разнокалиберные «батъки», «атаманы», «комбриги» и прочая мразь в отечественной истории начала XX века.

словосочетание «цивилизованная война» — заведомо абсурдное). Особенно сложные отношения существовали у маленькой империи с Генуей. Как и повсюду, в бассейне Черного моря торговая республика неизменно жестко отстаивала свои коммерческие интересы.

В 1304 г. произошел вооруженный конфликт с итальянскими купцами, не желавшими платить в имперскую казну положенный налоговый сбор. Получив отказ на льготы, заморские гости пытались сжечь трапезундский арсенал, но пламя перекинулось на их собственные корабли, причинив торговым людям немалый урон. Когда горячие головы поостыли, начались переговоры, завершившиеся подписанием официального соглашения. Но теперь высокие договаривающиеся стороны больше не доверяли друг другу. Для защиты «свободы мореплавания» в Черное море были введены боевые корабли под флагами Генуи.

Вероятно, делалось это разными способами, иначе не появилась бы в генуэско-трапезундском договоре фраза, что «мессир Оттавио де Аурио и его подчиненные напали на императора и наносили ему и его подданным значительный ущерб».

В результате терпение греков иссякло, и в 1313 г. между двумя государствами началась настоящая морская война. Греки заключили союз с мусульманским правителем Синопа и предприняли совместный рейд в Крым на генуэзскую колонию Кафа (современная Феодосия). Там они захватили несколько судов с ценными грузами, причинив итальянцам материальный ущерб в особо крупных размерах. В самом Трапезунде в это же время произошли антигенуэзские погромы, в ходе которых тоже грабили и убивали.

Подписанный затем мирный договор рассматривался обеими сторонами лишь как временный документ, который в нужный момент будет легко разорван. Действительно, в 1348 г. генуэзцы внезапно овладели

портом Керасунт и сожгли его. Год спустя они наголову разгромили царскую флотилию в морском бою, и тогда император велел арестовать всех «франков» в своих владениях. При этом они были еще и ограблены.

Остатки генуэзских укреплений Кафы.
Современное фото

Еще более чувствительным ударом по самолюбию Трапезунда стала утрата южного побережья Крыма и Таматархи (Тмутаракани). При распаде Византии в 1204 г. эти владения «по наследству» достались Великим Комнинам, но, чтобы прочно контролировать их у маленькой империи не хватало сил. Со временем древние приморские города прибрали к рукам именно генуэзцы. Позднее Херсонес и Климáты¹ попали под лавину татарского нашествия, от последствий которого уже никогда не смогли оправиться.

С учетом всего вышесказанного, для ощущения полноценной государственности Трапезунду не хватало, разве что, гражданской войны. Великие Комнины не оставили без внимания и этот вопрос.

В 1332 г. восьмилетний император Мануил II был свергнут собственным дядей Василием. Он считался ставленником Константинополя. В Трапезунде прокатилась волна репрессий против местной знати. Сам царственный отрок был также «убит мечом». Василий продержался на престоле восемь

¹Официальное название византийской фемы в Тавриде.

лет (1332-1340 гг.). После его внезапной кончины в империи началась кровавая смута.

В период с 1340 по 1355 г. на троне побывал целый ряд представителей расплодившегося клана Комнинов. Их претензии подкреплялись вооруженной силой иностранных держав и народными восстаниями. Проигравших обирали до нитки, увечили и убивали. В конце концов победителем из этой свары вышел сын императора Василия Алексей III. Также присланный из Константинополя для усиления «вертикали власти», он задержался на троне более чем на сорок лет (1349-1390 гг.).

В общем, в Трапезунде было все, как и в Большой Византии, включая интриги вокруг трона, предательства и убийства.

Пока аристократы развлекались подобным образом, империя обрела нового и очень опасного соседа: в 1398-1400 гг. к ее границам вышли турки-османы. Их разгром в битве при Анкире (1402 г.) армией железного хромца Тимура на несколько десятилетий отсрочил неизбежную развязку.

Султаны Мехмед I (1413-1421 гг.) и Мурад II (1421-1451 гг.) ликвидировали мелкие мусульманские эмираты, образованные Тимуром на северо-востоке Анатолии. Трапезунду удавалось поддерживать с османами достаточно мирные отношения (если не считать рейда турецкого флота, предпринятого в 1427-1428 гг.).

Все изменилось с приходом к власти Мехмеда II (1451-1481 гг.). Недаром он остался в истории с грозным именем *Завоеватель*. Почти сразу же молодой султан наложил на императора дань в 2 000 золотых. Затем, во второй половине 1456 г. на рейде Трапезунда вновь появились турецкие корабли. По-видимому, дело не ограничилось демонстрацией силы, а имели место реальные столкновения. Конфликт завершился тем, что василевс Иоанн IV (1429-1460 гг.) выплатил османам очередной денежный взнос, а их предводитель Хизр-бек освободил взятых греческих пленных.

Было ясно, что после взятия Константинополя султан Мехмед не потерпит существования последнего осколка Византии, да еще во главе с представителем столь древнего рода. Комнины готовились к отражению новой агрессии, но реальными средствами практически не располагали. Как мы помним, армия империи, даже в лучшие времена, не превышала двух-трех тысяч человек. Василевс очень надеялся на союз с Узун-Хаса-

ном — султаном Ак Коюнлу, еще одного тюркского государства, существовавшего на территории современного Ирана.

«Белые бараны» (а именно так переводится название Ак Коюнлу) все еще вели кочевой образ жизни, но у Иоанна IV не оставалось выбора. Он выдал замуж за дикаря свою племянницу, прибавив в качестве приданного ряд земель, и стал ждать, что из этого получится.

Узун-Хасан отнесся к достигнутому соглашению неожиданно серьезно. Он направил к Мехмеду II посольство, извещая султана, что отныне греки будут платить ему, и поэтому османы должны оставить их в покое. Мехмед счел подобное заявление неоправданно наглым (выражаясь современным языком, речь шла о «смене крыши»). Он не собирался упускать свою добычу. В 1459-1460 между турками и Ак Коюнлу начались

Выступление в поход.
Турецкая миниатюра

открытые боевые действия. Они не дали решающего перевеса ни одной из сторон и закончились перемирием.

Год спустя Мехмед повел на Трапезунд огромную армию¹ и двинул туда мощный флот (около ста кораблей с осадной артиллерией). Он учитывал возможность новой войны с Узун-Хасаном, но полагался на стремительность предстоящей операции. Тем не менее, «белобаранные» войска вступили в кампанию, и близ Эрзинджана произошло крупное сражение. Оценивая его ход и результаты, источники противоречат друг другу. Вероятно противники понесли одинаково серьезные потери, так как Мехмед отступил, а Узун-Хасан направил посольство, предлагая вступить в переговоры. Уже ближайшее время показало, что турок перехитрил своего противника. Османы пошли прямо на Трапезунд, а Узун-Хасан, убедившись, что его страна не является целью похода турок, решил воспользоваться возникшей паузой, чтобы собрать дополнительные ополчения. Но в дальнейшем он в войну так и не вступил.

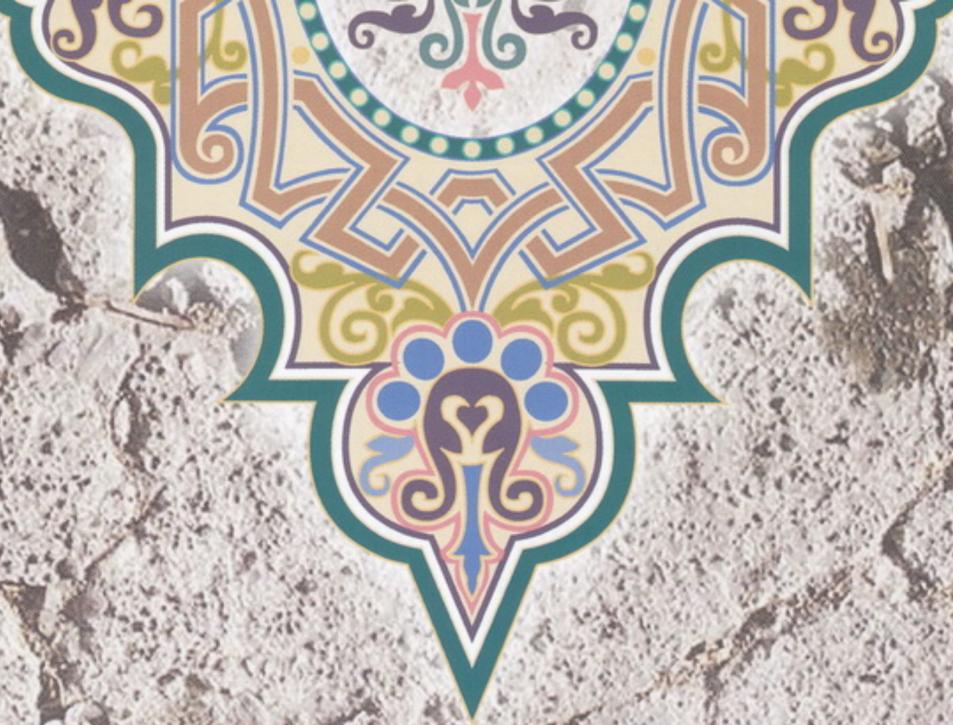
Мехмеда вполне устроил такой поворот событий. Он вышел к Трапезунду сразу с двух направлений. Весь гарнизон города был задействован для отражения вражеских десантов с моря, но противостоять объединенным сухопутным и морским силам османов было решительно невозможно. Последний император Трапезунда Давид (1460-1461 гг.) думал только о сохранении жизни своих подданных. Выговорив у султана избавление города от грабежей и убийств, он сдал столицу Мехмеду II.

Это произошло 15 августа 1461 г.² Турки выполнили свои обязательства. Греки избежали ужасов штурма и остались в своих домах и со своим имуществом. За всех них расплатился император. Давид с семьей и ближайшими родственниками был отвезен в Константинополь. Два года спустя султан, узнав, что жена Узун-Хасана (та самая царская племянница Феодора) пытается вступить с экс-василевсом в тайные переговоры, приказал казнить Давида. Вместе с ним погибли его сыновья (младшему было всего три года) и племянник.

¹Ее численность оценивается в 100-150 тысяч человек.

²То есть ровно через двести лет после того, как Михаил VIII Палеолог вступил в освобожденный от латинян Константинополь. История подчас любит странные парадоксы.

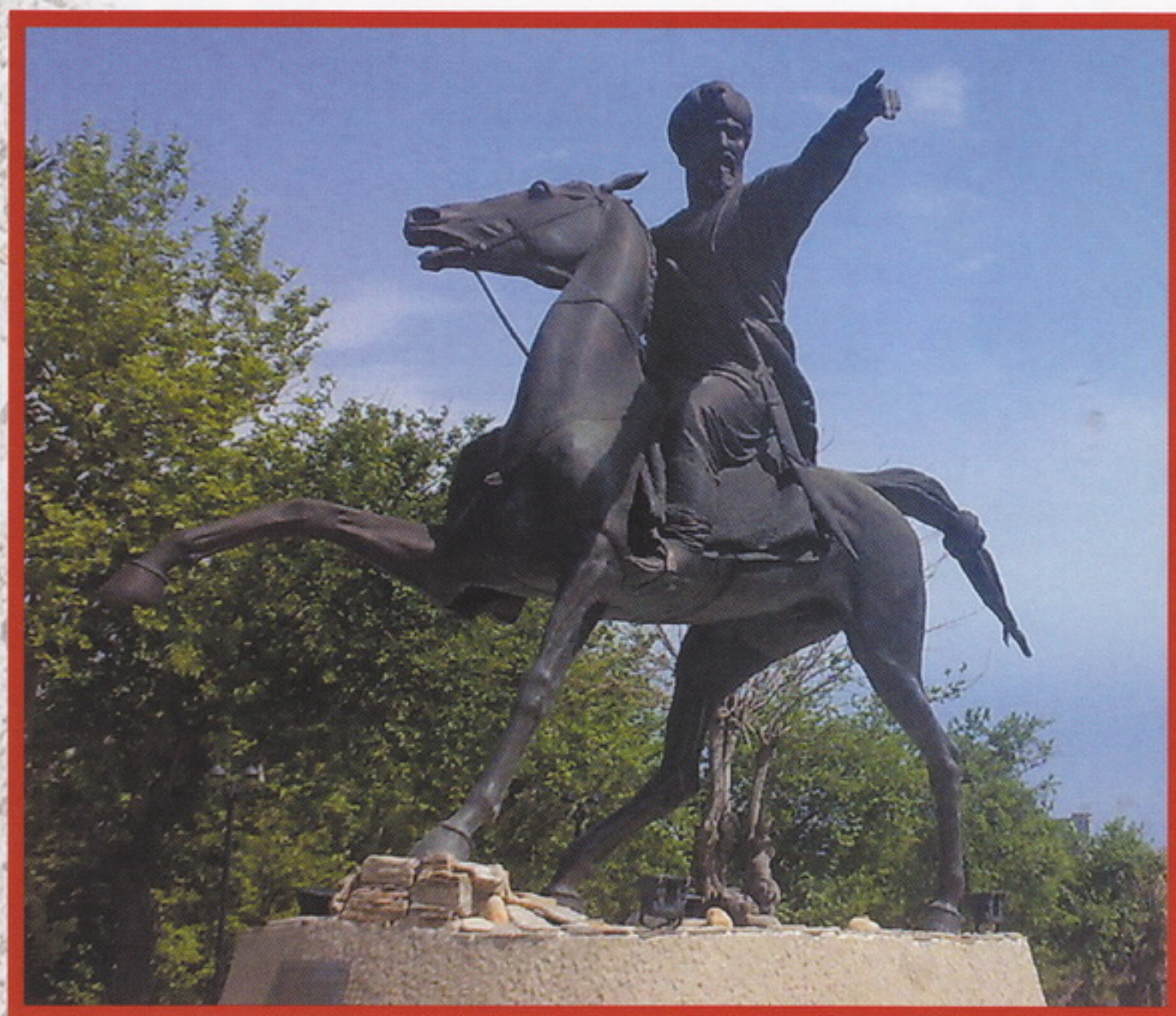
ВМЕСТЕ
И ПОРОЗНЬ

достопамятном 1204 г. «охватило весь восток многоначалие, раскинувшееся по его областям, благодаря народной испорченности, как трехголовый зверь». В процессе взаимоотношений двух таких, скажем прямо, карликовых государств, каковыми в XIII веке являлись Никейская империя и Конийский султанат, решались задачи отнюдь не вселенского масштаба. Но человек — от владыки до нищего — устроен таким образом, что наиболее важными ему всегда кажутся проблемы, касающиеся лично его, или, в крайнем случае, того круга обстоятельств, за которые, уж так распорядилась судьба, ему приходится нести ответственность.

В Иконии скончался султан Руки ад-Дин Сулейман-шах. Ему наследовал трехлетний сын Изз ад-Дин Кылич-Арслан III.

Памятник султану Кей-Хосрову I в Анталии, Турция. Современное фото

Но ряд влиятельных тюркских беков решили, что престол должен принадлежать Гийас ад-Дину Кей-Хосрову, незаконно лишенному власти жестокосердным братом¹.

Бывший политэмигрант вернулся в столицу султаната и заключил племянника в темницу, а через некоторое время у него самого попросил убежища изгнанный из Константинополя экс-император Алексей III Ангел. Помня о добром отношении к себе в Византии, Кей-Хосров принял прежнего гостеприимного хозяина радушно и предоставил ему достаточно комфортные условия для жизни. К сожалению, Ангел оказался совсем не ангелом. Он не мог смириться с положением частного лица и поэтому «весь предался зависти и недоброжелательности».

Друг Гийас ад-Дин проникся идеей восстановления справедливости, полагая, что и основатель Никейской империи Феодор Ласкарис, как человек порядочный, уступит престол законному государю. Увы, Феодор (1208-1222 гг.) хотя и был женат на дочери Алексея Ангела, но вовсе не собирался вот так, за здорово живешь, передать малые осколки некогда великой державы человеку, который пустил по ветру все Ромейское царство.

Кей-Хосров начал испытывать раздражение от подобной неуступчивости, и в результате Никея и Иконий очень скоро оказались в состоянии войны. При этом Ласкарису пришлось сражаться одновременно даже не на двух, а на трех фронтах. С запада на него наседали латиняне; на севере пытались расширять свои владения внуки императора Андроника, оказавшиеся в Трапезунде, а с востока, в силу своеобразно понимаемого принципа легитимизма, двинулись сельджуки (сам Алексей Ангел никакими войсками, конечно же, не располагал).

Антиохия на Меандре

От просьб и угроз султан перешел к делу. Под предлогом неуплаты греками дани (или, если хотите, даров) Кей-Хосров вторгся во Фригию и осадил крепость Антиохию. В его войске насчитывалось около 20 тысяч чело-

век, а Ласкарис обладал менее чем трехтысячным отрядом.

Следует признать, что Феодор был мужественным человеком, если он при таком соотношении сил принял вызов. Бросив

¹См. стр. 80.

медлительные обозы, он устремился к Антиохии. 17 июня 1211 г. василевс оказался близ осадного лагеря сельджуков.

Султан долго не мог поверить, что греки собираются вступить в бой. Затем надел боевую одежду, «подобную бадахшанскому ла-лу», взял лук, «жесткий, как сердце среброгрудых красавиц», и препоясался индийской саблей, «падающей, как слезы влюбленных».

Тем не менее, появившись на поле предстоящего сражения, Кей-Хосров не торопился вступать в бой. Он предоставил противнику возможность атаковать первым и разбить себе лоб о несокрушимый строй его войска. Правда, местность не позволяла использовать большие массы конницы. Но если опрокинуть фланги неприятеля, то можно будет выйти неверным в тыл, окружить и полностью уничтожить.

А вот Феодор не мог ждать. Ему не приходилось рассчитывать на подход подкреплений, а вид большой вражеской армии неизбежно сказался бы на моральном духе его воинов. Волей-неволей оставалось начинать первым.

Император мог надеяться только на ударную мощь отборного отряда, состоявшего из 800, закованных в броню, итальянских кавалеристов, которые могли прорвать боевой порядок сельджуков первым же яростным натиском и сломить их волю к сопротивлению.

Почти так и вышло. «Восемьсот царских латинян, сомкнув ряды, прежде всего, разорвали середину неприятельской фаланги, ударив на нее с необыкновенной силой, и пробивались вперед до тех пор, пока не проникли до самого хвоста неприятельского». Потом латники повернули назад и, несясь сплошной массой, еще легче прошли сквозь разметанные линии сельджуков.

И все же турков было очень много. Другие их отряды, не попавшие под страшный всепоглощающий каток, сохранили хладнокровие и порядок. Они смяли ромейские части на флангах и обратили их в бегство, а свежий резерв атаковал итальянцев.

Битва превратилась в побоище. Царские каваларии бросили бесполезные копья и рубились мечами. Каждый — против нескольких врагов. Громоздились трупы, но почти

все отборные бойцы погибли, не выстояв в ходе бесконечных поединков.

Император еще отбивался в окружении телохранителей, но было ясно, что конец близок. Подъехал султан и окликнул его с улыбкой победителя. Затем последовал сильнейший удар по голове, и оглушенный Феодор вместе с конем был повержен на землю. Он еще сумел встать и даже обнажил меч. Но в ушах стоял звон, и ноги держали с трудом.

Зато дальше случилось невероятное. Кей-Хосров отвернулся и с презрением бросил своим людям: «Взять его!» Не отдавая себе отчета в том, что и почему он делает, зато «полный какого-то воодушевления и вдохновения», Ласкарис подрубил ноги султанской кобыле. Вторым удар, и Кей-Хосров лишился головы. Василевс вздел ее на копье и ликующе показал сельджукам. У них сразу пропала охота сражаться. Бросив обирать погибших, они исчезли, как черные тени.

Вот так неизбежное поражение закончилось победой, а неудачливый Алексей Ангел попал в плен и до конца дней был заточен в монастырь, как в тюрьму¹.

Признаем, что, понеся огромные потери, никейский император не мог продолжать боевые действия. Он направил посольство к сыну погибшего султана Изз ад-Дину и заключил с сельджуками мир, зафиксировав восточный рубеж своих владений².

По мнению восточных авторов, Изз ад-Дин Кей-Кавус I (1211-1219 гг.) был хорош собой, как внешне, так и по характеру. Лично храбрый и в то же время миролюбивый, он обладал утонченным вкусом и имел склонность к изящным искусствам. Столь яркие эстетические способности не мешали ему железной рукой отстаивать свои права на трон. Когда родной дядя и младший брат попытались оспаривать власть у Кей-Кавуса, он, не колеблясь, задушил одного и заключил в тюрьму другого.

В любом случае это был умный человек. Султан не воевал с Никеей, считая ее естественным барьером между своим государством и Латинской империей. В годы правления Кей-Кавуса экспансия румских сельджуков была направлена против греков Трапезунда и киликийских армян. В результате туркам

¹Сохранились свидетельства, что он был ослеплен.

²Феодор выдал останки погибшего султана для захоронения в Конье и прислал 20 тысяч динаров для раздачи бедным.

удалось закрепиться на Черном и Средиземном морях.

Иконийский султанат достиг пика военно-политического могущества. Его столица была пышным, процветающим городом (насколько эти понятия вообще могут быть применимы для эпохи средневековья). Здесь было множество мечетей, духовные школы — медресе, караван-сарай, бани, базары, многочисленные лавки и мастерские ремесленников, но, вместе с тем... кабаки¹.

В 1219 г. владыка Рума отправился на восток, рассчитывая завоевать Халеб. Но из этого похода султан не вернулся. Его свела в могилу скоротечная чахотка. Новым властелином Икония стал брат покойного Ала ад-Дин Кей-Кубад I (1219-1236 гг.), срочно извлеченный по такому поводу из замка Гузер-пирт.

Это был выдающийся государственный деятель. Он обладал познаниями в химии, истории и теологии, неплохо играл в шахматы. В его правление развивались ремесло и сельское хозяйство, поддерживались взаимовыгодные торговые отношения с Венецией. Главные города султаната были обнесены новыми крепостными стенами. Талант военачальника позволил ему нанести поражение Хорезму и превратить в вассала Киликийскую Армению.

В отношении Никеи Кей-Кубад сохранял благожелательный нейтралитет. А еще он основал судостроительные верфи. Флот сельджуков стал грозной силой на Средиземном море, а на Черном они совершили масштабную экспедицию в Крым, где был захвачен Судак.

Вот только умер владыка нехорошо. Его отравили. И скорее всего, собственный сын Гийас ад-Дин Кей-Хосров II (1236-1246 гг.).

В годы правления этого султана произошли два поистине судьбоносных события.

Сначала с востока стали приходить новости невероятные. Народ, бесчисленный, как песок в пустыне, или звезды в небе, пришел в движение и творил страшные жестокости. Никто не мог противостоять ему. То были первые сведения о монголах.

*Вести перевалили через черные-черные горы
Вести перешли обгаренные кровью реки.*

Султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I. Памятник в Аланье, Турция. Современное фото

Жители Средней Азии, Ирана, Закавказья бросали насиженные места и превращались в беженцев. Многие из них шли во владения султана, который великодушно давал приют несчастным. Переселялись целые племена. Одно из них — родственник сельджукам тюркский род *Кайы* получил земли близ Вифинии на северо-западе Малой Азии. Это были ближайшие предки османов.

¹ Данное обстоятельство может показаться странным для исламского государства, но в восточных источниках постоянно встречаются упоминания о культуре питья правоверных во владениях сельджукидов.

**Серебряный
дирхем султана
Кей-Хосрова II**

В 1241 г. монголы осадили и взяли Эрзурум, а затем двинулись на Иконий. 26 июня 1242 г. у горы Кёседаг близ Сиваса¹ дорогу тридцатитысячному войску Байджу-нойона преградила 180-тысячная армия султана Кей-Хосрова (в ее составе был и союзный никейский отряд, присланный василевсом Иоанном III Ватацем).

«В тот день герои-джигиты проявили свою доблесть, в тот день трусы высматривали себе укромное место. Тот день был днем страшной битвы. Поле покрылось головами, которые были отрублены и катились как шары. Скакали орлиные кони, их подковы спадали; пестрыми копьями кололи, воронеными булатными мечами ударяли, и мечи затупились. Березовые стрелы с тремя перьями выпускались — их железный наконечник спадал. Тот день был подобен дню Страшного суда».

Сельджуки были разгромлены и бежали. Победителям достался весь лагерь и даже шатер султана с его личным знаменем. Кей-Хосров признал себя вассалом Бату-хана на условиях ежегодной уплаты тяжелой дани (в Каракорум полагалось отправлять не только деньги и шелковые отрезы, но также 500 верблюдов и 5000 баранов). Монголы разделили государство на две части: султану оставили земли к западу от реки Кызыл-Ирмак; области, лежавшие к востоку от нее, вошли в состав улуса Джучи (позднее государства Хулагуидов).

На этом испытания не закончились. Ожидая новых вторжений, крестьяне не обрабатывали землю. Поля остались не засеянными, и в стране начался голод. Ранее

бежавшие от монголов туркменские племена грабили города. По всей Анатолии воцарился хаос. Сельджукская знать вышла из-под контроля султана, не способного навести порядок. В 1246 г. Кей-Хосров II был задушен.

Сначала его преемником был провозглашен старший сын Изз ад-Дин Кей-Кавус II (1246-1257 гг.), но когда против него выступил брат Рукн ад-Дин Кылич-Арслан, анархия лишь усилилась. Чтобы положить конец этим безобразиям, Хулагу-хан приказал братьям править вместе. Да еще добавил к этой парочке третьего — Ала ад-Дина Кей-Кубада. Братья откровенно ненавидели друг друга, но этот триумвират просуществовал восемь лет (1249-1257 гг.). Пока однажды родственники не отправили Ала ад-Дина для переговоров к Бату-хану, и султан, уж как-то слишком своевременно, скончался на обратном пути.

Для нас же этот период интересен тесными никейско-сельджукскими отношениями. Греки поддерживали Кей-Кавуса, а Кылич-Арслан постоянно искал заступничества у монголов.

Политический вес этих участников Большой игры оказался несопоставим. В Никее боялись монголов ничуть не меньше, чем в Конье. Ромеи отказались подкреплять позиции прежнего союзника. В конце концов Кей-Кавус бежал во владения Михаила Палеолога и даже сопровождал его при торжественном вступлении в освобожденный от латинян Константинополь (1261 г.). Здесь бывший султан, а ныне трудящийся востока «жил распутно, проводя время в разврате и пьянстве на перекрестках»².

**Серебряный
дирхем султана
Кылич-Арслана IV**

¹Византийская Севастия.

²О дальнейшей судьбе этого персонажа см. в книге «Византия — орёл и лев», стр. 137-138. Здесь мы лишь скажем, что после скитаний он умер в Крыму, найдя убежище у хана Золотой орды Берке.

Осман (1299-1326). На рисунке восточного художника основатель турецкого государства изображен солидным, положительным мужчиной. На самом деле его первоначальный политический вес был весьма невелик, но он компенсировал малость доставшегося удела неутомимой энергией и чрезвычайной агрессивностью

Единоличным правителем Румского султаната остался Кылич-Арслан IV (1257-1265 гг.). Реальной власти он не имел, оставаясь марионеткой в руках монголов. Но, по-видимому, даже в этом качестве он прикусил хозяевам. Его попытались отравить, а когда яд не подействовал, султана уже без всяких изысков задушили тетивой лука.

Последние правители Рума личности откровенно ничтожные. Сына Кылич-Ар-

слана возвели на трон в двухгодовалом возрасте. Возможно поэтому, Гийас ад-Дин Кей-Хосров III формально правил в течение восемнадцати лет (1265-1283 гг.). Его убили по приказу монгольского владыки Ирана ильхана Ахмета. Племянник погибшего Кей-Кубад III разделил страну с братом — Масудом II. Судьба обоих оказалась трагической. Кей-Кубад был умерщвлен по приказанию очередного ильхана Газана. Масуд II отравился, «вследствие чрезмерных требований кредиторов». Наконец, сын Кей-Кубада Масуд III в 1308 г. был удушен монголами.

На этом история сельджукидов Рума заканчивается. Остатки их владений рассыпались на мелкие княжества (бейлики). Наиболее жизнеспособными из них оказались восточные соседи Византии. Объясняется это двумя причинами. С одной стороны, находясь вдали от монголов, они оставались относительно самостоятельными. С другой, василевсы, возрождавшие свое царство, видели главный вектор приложения внешнеполитических усилий в Европе. Они привыкли, что с Иконием существуют стабильные отношения, а к набегам отдельных (и, к тому же, не подконтрольных султанам) тюркских племен притерпелись как к неизбежному злу. Императоры выкачивали из Азии людские и материальные ресурсы, не заботясь о безопасности этих земель. Не удивительно, что уже к концу XIII века Западную Анатолию начали активно осваивать вновь прибывшие в этот район тюркские племена.

В 1281 г. султан Кей-Хосров награждал за успехи в войне с неверными церемониальным барабаном и бунчуком вождя одного из родов племени Кайы Османа. В 1289 г. он получил титул *улубея* (т. е. удельного князя), а в 1299 г., уже ни у кого не спрашивая разрешения, провозгласил свои владения независимым государством Османлы.

Турецкий марш-2

Тюрки-османы (или просто турки) не прямые потомки сельджуков, но безусловно, близкие этнические родственники. Вместе с тем, пик грозной славы османского оружия приходится на XVI-XVII столетия, т. е.

на эпоху, лежащую за хронологическими рамками нашего исследования. Поэтому мы лишь вкратце остановимся на вопросах военной организации османов, с учетом при- сущих только ей характерных особенностей.

Комплектование войска

Оказавшись соседями византийцев, османы, конечно же, не могли мирно сосуществовать рядом с иноверцами. Любые конфликты сразу же приобрели характер религиозной, т. е. самой ожесточенной войны. Сначала ее вели *гази* («борцы за веру») — сбивавшиеся в банды фанатики, специально селившиеся в приграничных областях для войны с неверными.

Со временем вожди *гази* становились эмирами, владевшими обширными территориями, и лишь формально подчинявшимися султану. Во время войны они, по призыву сюзерена, выступали в поход во главе отрядов ополченцев. Каждый город и деревня должны были выставить определенное количество пехотинцев — *азанов*. Аналогичные воины легкой конницы именовались *акынджи*. Боеспособность таких частей была невысокой. Впоследствии они слились с *башибузуками*. Эти иррегулярные формирования не получали никакой платы из казны и содержали себя за счет военной добычи, либо грабежей населения вражеской страны.

Благодаря усилиям улубея Орхана (1326–1359 гг.) у османов появились и части полупрофессиональной (т. е. наемной) армии. Пешие отряды подобного рода назывались *ййяйя*, конные — *мюселлем*. Личный состав таких подразделений нес службу за денежное жалованье, выплачиваемое из казны. Поскольку это была постоянно оплачиваемая работа, недостатка в новобранцах обычно не отмечалось.

С укреплением властной вертикали османского государства султаны подчиняли эмиров себе и вели войны не только против христиан, но и вообще всех соседей. Одержанные в этой борьбе победы увеличивали мобилизационную базу османской армии и придавали ей более организованный характер. Появлялись специализированные рода войск, совершенствовалось управление ими.

Османские воины первой половины XIV в.

Пеший воин — типичный представитель «борцов за веру» — *гази*. Слабо вооруженный (иранский прямой меч и доспехи из буйволиной кожи), он компенсировал этот недостаток религиозным фанатизмом.

Даже в ходе боевой схватки его щит остается, «по-походному», перекинутым за спину. Кавалерист также облачен в кожаный пластинчатый панцирь. Его вооружение состоит из лука и стрел для дальнего и, ставшей уже типичной для Востока, кривой сабли для ближнего боя. Командный статус всадника подчеркивает мощный стальной шлем с кольчужной бармицей.

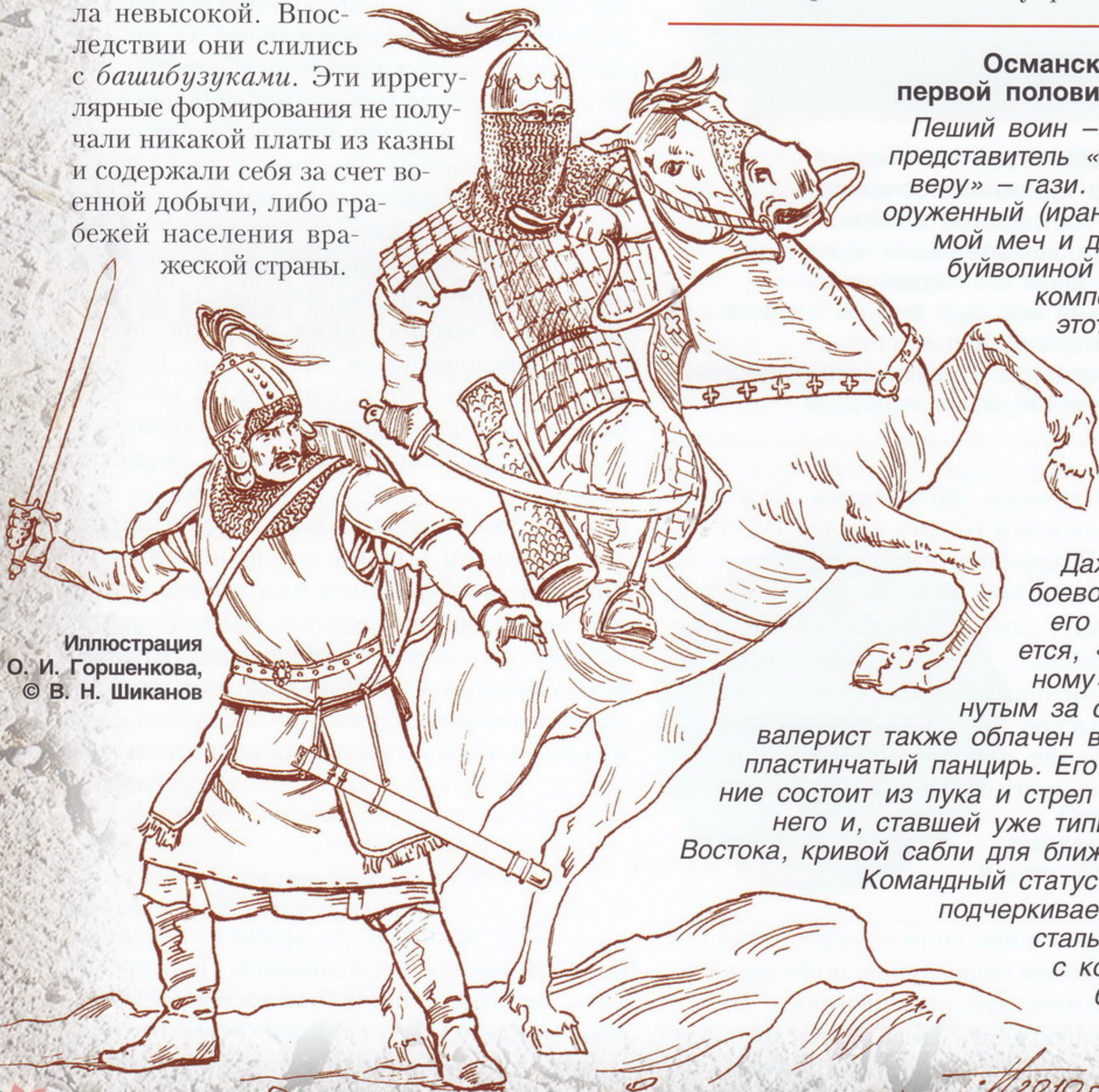

Иллюстрация
О. И. Горшенкова,
© В. Н. Шиканов

Султан жаловал своим подданным земельные наделы — тимары, которые давали им средства к существованию. В отличие от владельцев икта, они должны были не только участвовать в военных походах султана, но и регулярно вносить ему определенную денежную ренту. Чем больше был размер надела, тем более высокое служебное положение занимал его держатель. Такие люди формировали конное ополчение (*тимарлы-сипахи*) и назначались в нем на командные должности.

С расширением турецкой державы ее армия стала пополняться зарубежными вспомогательными отрядами. Включая сербов, валахов, армян и самих византийцев.

Помимо вассальных контингентов, султан Мурад I (1359-1389 гг.) начал набирать в войско иностранных пленников, обращенных в ислам. Такая особенность военного строительства связана с желанием противопоставить отрядам местных феодалов собственную гвардию, составленную из рабов, лично преданных особе падишаха. Эта категория войск носила общее название *капыкулу* («рабы-привратники»).

В дальнейшем структура вооруженных сил также совершенствовалась, учитывая особенности комплектования, условия несения службы и характер решаемых боевых задач.

Организационная структура

Провинциальные вооруженные силы Османской империи состояли из трех видов вооруженных формирований: феодальной поместной кавалерии, приграничных конных отрядов и местной пехоты. Из них формировались *алай* («полки»)

В состав *капыкулу* входили шесть *белюков* («полков») отборной кавалерии (*капыкулу сювариси*): *сипахи*, *сялахдары*, *улуфеджи* (правой и левой руки) и *гарибы* (правой и левой руки). К *капыкулу* также относилась элитная пехота (*капыкулу пия-*

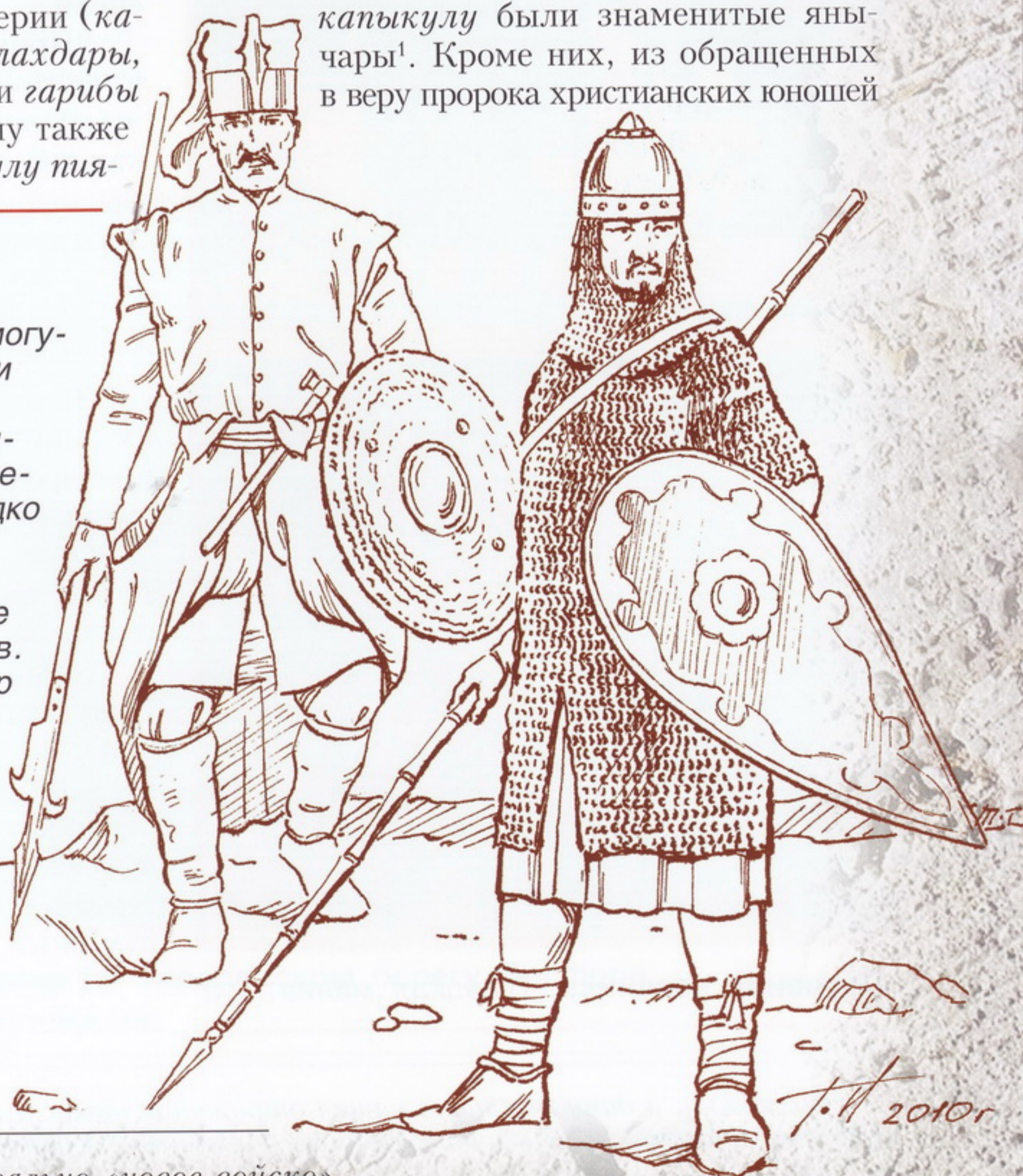
деси), артиллеристы (*топчу*), служащие арсенала, *секбаны*, т. е. военизированные отряды дворцовых служащих (псарей и сокольников) и их особое подразделение — *авджи бёлюгю* («отроки в обучении» или, на европейский манер, «пажи»).

Наиболее известным формированием *капыкулу* были знаменитые *янычары*¹. Кроме них, из обращенных в веру пророка христианских юношей

Турецкие воины первой половины XV в.

С ростом военно-политического могущества османские султаны начали совершать походы в Европу. Их армия получила тяжелое оборонительное и наступательное вооружение. Бронированная пехота нередко решала исход сражений. Однако вскоре развитие огнестрельного оружия резко сократило значение металлических защитных доспехов. Изображенный слева воин-янычар одет в простой суконный кафтан и характерную для этого рода войск высокую шерстяную шапку белого цвета. В дальнейшем янычары отказались от использования луков и, в качестве основного вида вооружения, получили фитильные мушкеты.

Иллюстрация
О. И. Горшенкова,
© В. Н. Шиканов

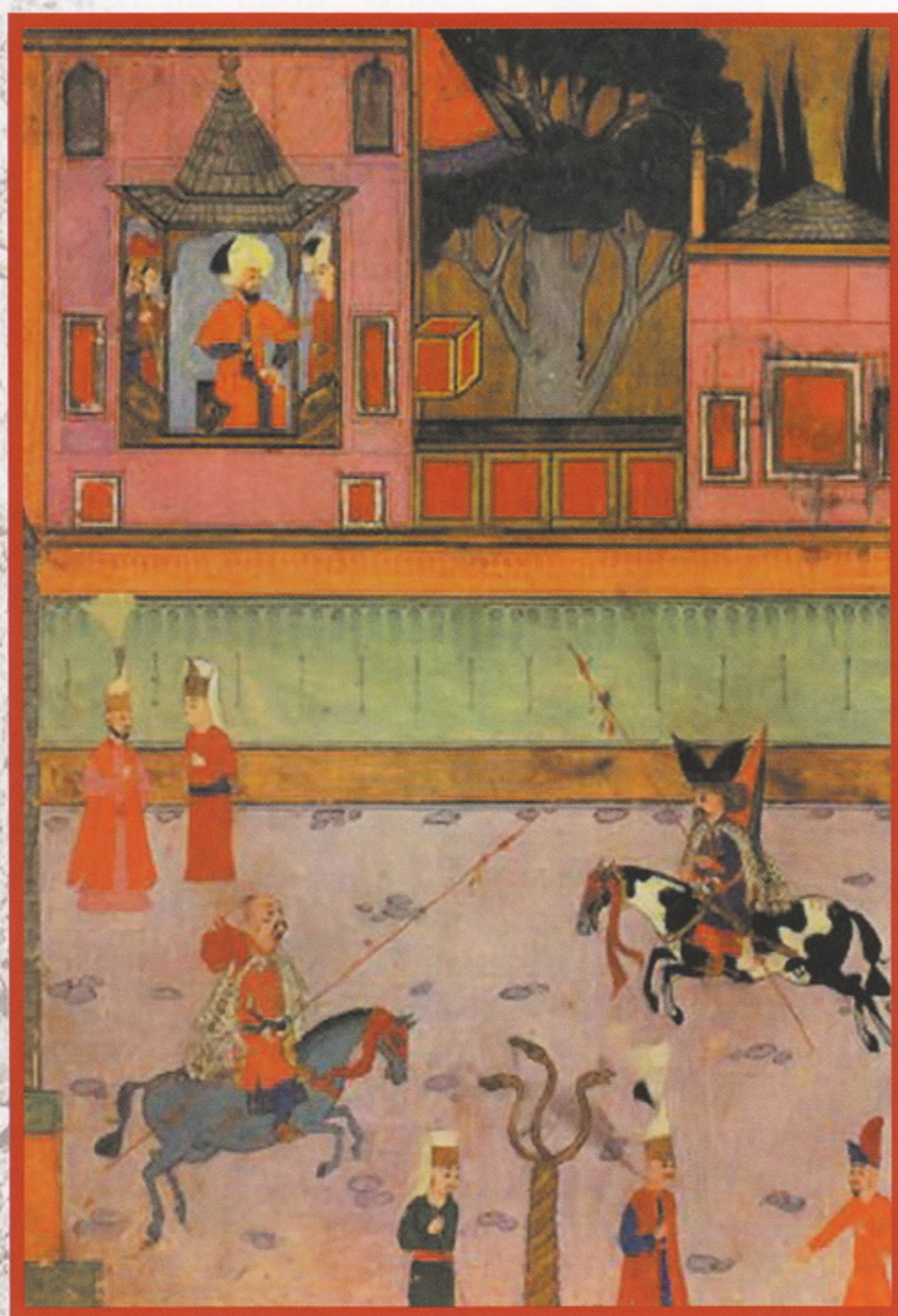
¹Тур. *yeniçeri* (еничери) — буквально «новое войско».

набирались *балтаджи* — вооруженные секирами личные телохранители султана. В описываемую эпоху (XIV-XV вв.) гвардией также считались части *сияхдар* («оруженосцев») и *сипахи-оглан* («детей воинов»)

Первичной организационной единицей у турок-османов был десяток. Затем шли сотня и тысяча. Ими командовали соответствующие строевые начальники: *онбаши* (десятник), *юзбаши* (сотник), *бинбаши* (тысячник) и *субаши* (командир «полка»). Полки поместной кавалерии возглавляли *алайбеи*.

Оружие и боевое снаряжение

За исключением огнестрельного оружия (в т. ч. артиллерии), связанного с общим прогрессом военного дела, османы не внесли каких-либо принципиальных новшеств в арсенал своего войска.

Обучение всадника. Турецкая миниатюра

Более крупные воинские соединения возглавляли «главы местных администраций»: *санджакбеи* (наместники областей) и *бейлербеи* («князья над князьями»). Так, начальниками двух территориальных командований (Европы и Азии соответственно) являлись: бейлербей Румелии и бейлербей Анатолии¹.

Корпус янычаров состоял из *орта*², в тактическом отношении приравниваемых к батальону. Командир янычаров носил титул *ага*.

Вспомогательными (в основном христианами) формированиями командовали офицеры в ранге *черибашии*.

Изначально это были луки, отголосок минувших времен — аркан; копья, булавы; различной формы и величины боевые топоры и молоты, сабли и мечи. К защитным видам вооружения относились щиты, кольчуги, пластинчатые панцири, стальные шлемы (иногда с кольчужными подшлемниками) и наручи. Встречались также и конские доспехи.

Производство оружия было налажено в местных мастерских, но осуществлялись и закупки иностранных образцов, поскольку, как уже отмечалось, развитие военной промышленности в различных странах находилось примерно на одном уровне.

Военное искусство

В отличие от сельджуков, изначально имевших сведения лишь о соседних народах и не представлявших, в какие страны приведут их дороги, османы осуществляли четкую и долгосрочную программу завоеваний. История свидетельствует, что их действия носили ясно выраженный плановый характер.

Так, не имея возможности сразу же взять Константинополь, султаны продвигались к достижению этой главной стратегической цели на протяжении нескольких десятков лет, постепенно устанавливая контроль над другими провинциями империи, что приводило к изоляции и ослаблению столицы румийцев.

Готовя очередную кампанию, высшие должностные лица государства собирали

¹Возможно, в данном случае нашел отражение опыт Византии, где в течение длительного времени существовали высшие военные должности *доместика Востока* и *доместика Запада*.

²Между прочим, отсюда русское — *рота*.

информацию о противнике, включая рассказы ветеранов, старые записи и, конечно же, оперативные данные разведки.

Из обезлюдевших в ходе почти непрерывных военных действий областей (например, на Балканском полуострове) депортировали остатки христиан, а на их место переводили османские семьи, которые могли бы оказать помощь войскам. Строились придорожные гостиницы (странноприимные дома), вокруг которых в будущем возникали мусульманские поселения.

Заранее проверялось состояние дорог, мостов, колодцев и т. д. В случае необходимости они ремонтировались. На обочинах вдоль маршрута движения войск, в качестве вех и отметок расстояний, выкладывались пирамидки из камней. Одновременно пополнялись арсеналы вооружения, заготавливались провиант и транспортные средства, включая тягловых животных.

Главным стратегическим принципом считалось наступление. И если даже оно не приводило к победе в той или иной кампании, османы всегда возвращались с новыми силами и довершали начатое. При этом, в отличие от кочевников, обычно уничтожавших инфраструктуру завоеванных областей, османы заботились о ее сохранении, или, по

крайней мере, восстановлении, отчетливо понимая, что процветающие города и сельское хозяйство будут способствовать экономической, а значит и политической мощи Турецкой державы.

На марше в армии поддерживалась жесткая дисциплина, а на биваке чистота и порядок¹. Все это приводило к снижению санитарных потерь — настоящего бича всех армий, как той, так и последующих эпох. Свободное время, помимо отдыха, отводилось для совершенствования владения оружием и других боевых навыков.

В тактическом плане османы стремились атаковать врага, предварительно расстроив его ряды стрельбой из луков (а позднее применяя и огнестрельное оружие).

Возрастающая роль пехоты внесла серьезные изменения в тактику боя. Османы все реже применяли традиционное для кочевых народов сочетание быстрых наскоков и отходов. Наряду с кавалерийским охватом противника с флангов и последующим выходом ему в тыл, победу чаще приносил фронтальный удар сомкнутого строя пеших воинов, в совершенстве владевших холодным оружием в рукопашной схватке.

Стойкость в обороне и стремительность в атаке, подкрепленные высоким боевым

Османская крепость Румелихиссар на европейском берегу Босфора.
Современное фото

¹Европейские наблюдатели особо выделяли наличие в османских лагерях специально оборудованных отхожих мест.

духом, основанном на религиозной обработке воинов ислама, в течение долгого времени позволяли османам брать верх над самыми сильными армиями эпохи, включая крестоносные ополчения, венецианские эскадры и многочисленные войска египетских султанов.

Как источники, так и современные специалисты высоко оценивают искусство османских пушкарей. Для решения поставленных задач они умело применяли орудия и снаряды различных калибров. Расчеты отличались хорошей выучкой, быстротой и слаженностью действий.

Стволы тяжелых пушек обычно не следовали за армией, а отливались на месте и устанавливались на оборудованных огневых позициях, что говорит в пользу высоких профессиональных качеств османских военных инженеров, обладавших незаурядными познаниями в металлургии и литейном

деле. Эти специалисты занимались также ведением подкопов, прокладыванием минных галерей, сооружением полевых укреплений, траншей, замаскированных ловушек, палисадов и т. д.

Отдельного упоминания заслуживает сооружение турецкими специалистами мощных каменных крепостей. Построенные из качественных материалов и часто в весьма сжатые сроки, они и поныне производят сильное впечатление.

Отметим также быстрое освоение османами морского дела. Будучи абсолютно сухопутной народностью, они заставили работать на себя жителей прибрежных областей Малой Азии. С помощью построенных ими кораблей, турки осуществили ряд крупных десантных операций. В дальнейшем Турция стала великой морской державой, для борьбы с которой подчас не хватало объединенных сил всей Европы.

С самого начала османы стали ударным отрядом ислама, направив свою энергию, в первую очередь, на запад — против слабеющей Византии. В это время империей правил сын Михаила VIII Андроник II (1282-1328 гг.). Считается, что этот человек уделял больше времени наукам и искусству, чем делам государственного управления. А вот расходы на оборону резко сократил¹. Не станем спорить. Но сохранились и свидетельства, что по приказанию василевса в приграничной полосе Малой Азии началось строительство ряда укрепленных пунктов. В 1295 г. царский пинкерн² Алексей Филантропин разгромил орду одного из беев и очистил от турок всю Карию³. А вот затем действительно все пошло прахом.

Филантропин поднял мятеж против центральной власти. Выступление было довольно быстро подавлено, а его предводителя ослепили, но все плоды недолгих побед оказа-

Большая мечеть в Бурсе. Современное фото

¹Оптимизировал — сказал бы бизнесмен современной формации.

²Кравчий, т. е. главный виночерпий. В Византии весьма часто на командные должности в войсках назначались лица, обладавшие высокими придворными званиями.

³Юго-Западное побережье Малой Азии.

лись утрачены. «С востока хлынули целые моря несчастий, — пишет византийский историк, — как будто тысячи ветров, вдруг сорвавшись с противоположных концов, все взбурлили и взволновали».

Турки вновь вторглись в долину реки Меандр. В 1302 г. против них была организована экспедиция под командованием сына и соправителя Андроника — Михаила IX. Он выступил из Пергама в Магнисию во главе 10 000 аланов, переселившихся в империю из-за Дуная.

Странное это было войско — союзники в основном грабили христианское население окрестных земель. Убедившись, что перед ними просто большая и недисциплинированная банда, турки в боевом порядке спустились с окрестных гор. «Становясь смелее в своих движениях, они прямо показывали, что хотят окружить царские войска». Но и это не потребовалось. Аланы бежали, так и не вступив в бой. За ними последовал неудачливый полководец.

27 июля того же года при Бафее (к северу от Никомидии) османы попали в засаду, устроенную им византийским военачальником Музалом. Тем не менее, они дрались очень стойко и нанесли противнику такой урон, что ромеи отныне помышляли только об обороне. Повсюду они сидели в городах, боясь высунуть нос за крепостные стены, либо стихийно и в массовом порядке выселялись в Европу.

Андроник еще попытался переломить ситуацию. Не имея собственных вооруженных сил, он нанял для борьбы с турками каталанские отряды¹. Это были профессиональные убийцы. Они вырезали турок тысячами, без различия пола и возраста, и очистили от них обширные пространства. Впрочем, грабили они и христиан. Когда же выяснилось, что император не может платить им обещанное жалованье, да еще их предводитель Роже де Флор был убит в ставке Михаила IX, каталанцы сделались злейшими и наиболее опасными врагами Византии.

«Бог наказал греков так, что их может смутить каждый», — отмечал историограф Каталонской кампании. Османы вернули все утраченное и приобрели новые земли. Теперь города сдавались туркам один за другим. Они даже совершили ряд налетов

на европейский берег Геллеспонта. В апреле 1326 г. капитулировала измученная длительной изоляцией Брусса. Сын Османа Орханбей лично гарантировал безопасность жителям города и сделал Брусу своей столицей².

Успехам турок способствовала очередная смута в Византии. Против Андроника II поднял мятеж его внук и тезка. Эта борьба поглощала все ресурсы и без того истощенного государства. Взявший верх Андроник III (1328-1341 гг.), хотя и считался храбрым воином и искусным охотником, но очень скоро выяснилось, что воевать с внешними врагами у него получается гораздо хуже, чем с собственным дедом.

В 1329 г., имея всего около 4000 человек (так теперь выглядела некогда грозная византийская армия), император отправился в Малую Азию выручать осажденную турками Никею. 10 июня Орхан, «войско которого

Император Андроник III.
Поздневизантийская миниатюра

¹О происхождении и судьбе этого феномена см. «Византия. Римская мечта», стр. 179 и далее.

²Турки называют этот город Бурса.

нелегко было сосчитать», нанес ему тяжелое поражение у Филокрина. Сперва византийцы стойко выдержали атаки противника. С наступлением темноты они вернулись в свой лагерь и здесь, видимо, очень перенервничали в ожидании ночного нападения. Вспыхнувшая паника превратила армию в обезумевшее стадо. Ромеи бежали к шлюпкам на берегу моря. Множество людей погибло в давке.

Одиноким островкам империи в Анатолии были обречены. В 1331 г., туркам сдалась Никея (Изник). Падение этого города произвело на византийцев (особенно образованных) сильное впечатление. Тысячу лет назад Первый вселенский собор принял здесь православный символ веры. В XIII веке именно Никея стала оплотом сопротивления ромеев экспансии латинян. Отсюда началось возрождение Империи. И вот теперь этот важнейший центр византийской духовности и государственности попал в руки неверных. Как оказалось — навсегда. Это предвещало державе новые, еще более тяжкие беды.

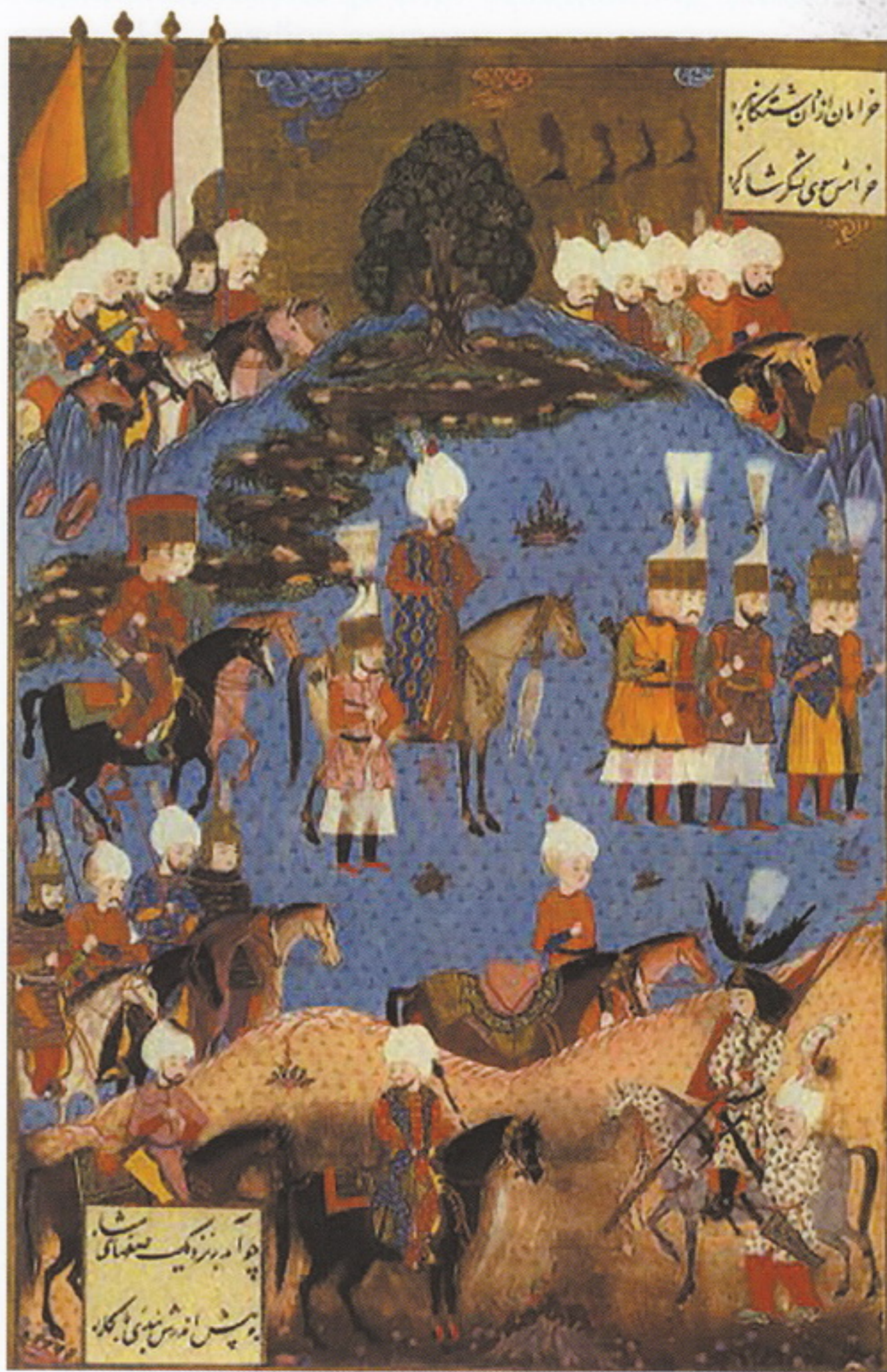
Другой малоазиатский город — Никомидия оказалась в блокаде. Два похода, предпринятых Андроником III за Босфор (в 1332 и 1333 гг.) кардинально не изменили ситуацию. Стороны лишь согласились на временное перемирие, и османы отошли от Никомидии¹.

В 1337 г. они все равно установили над крепостью свой контроль и дали ей новое имя — Измит. Здесь был построен флот, с помощью которого турки вскоре смогли шагнуть в Европу. Правда, первый морской набег оказался неудачным. В 1338 г. их флотилия из 24 кораблей высадила десант на европейском берегу Мраморного моря. Пока османы занимались грабежами, сюда же подошел отряд царских войск и вырезал разбойников. Сам Андроник напал на турецкие суда. 14 из них были захвачены, десяти удалось бежать. Общий урон турок составил до тысячи убитых и около 300 пленных.

Новым реальным успехам османов уже в который раз способствовали распри в самой Византии. Против сына Андроника III Иоанна V (1341-1391 гг.) выступил его опекун Иоанн Кантакузин, который также венчался на царство короной василевсов. В империи началась Гражданская война, при этом обе стороны широко использовали наемные турецкие отряды. Иоанн V из эмирата Айдын,

а Кантакузин османов². Казалось, претендент сделал безошибочную ставку. В 1346 г. он был официально коронован под именем Иоанна VI (1347-1354 гг.). На самом деле властолюбие этого человека вело державу к катастрофе.

Оказавшись в Европе, османы вышли из-под контроля своего нанимателя и больше не собирались отсюда уходить. В 1352 г. они захватили маленькую крепость Цимпе. Это был их первый опорный пункт на западном берегу Дарданелл. В 1354 г. землетрясение разрушило городок Галлиполи. Устрашенные жители покинули груды развалин, а на их место тотчас явились семьи турецких переселенцев. Император хотел избавиться от непрошенных друзей по-хорошему, предложив богатый выкуп. Но правитель османов категорически отказался даже

Османское войско в походе.
Турецкая миниатюра

¹Впрочем, не забудем, что в это же время Византия вела почти непрерывные войны против многочисленных врагов на Балканах.

²Для закрепления союза он отдал свою дочь в гарем Орхана.

обсуждать такую возможность. Наоборот, используя Галлиполи в качестве плацдарма, османы начали отсюда экспансию, которая сто лет спустя закончилась для Византии падением Константинополя.

Не удалось справиться Кантакузину и с многочисленными внутренними врагами, которые не желали смириться с присутствием узурпатора на троне. Опустошенный морально и физически царь в том же 1354 г. отрекся от власти и ушел в монастырь. Теперь ему оставалось лишь писать воспоминания о бурно прожитой жизни и многочисленные научные и не очень трактаты.

Совсем иначе заканчивалось правление Орхана. Он мог быть доволен. Воистину непобедимая, османская армия захватила большую часть Фракии. В 1359 г. турки впервые подошли к Константинополю. Это была демонстрация. Пока еще не силы, но присутствия и твердости дальнейших намерений. В этих же целях в Европе появилась официальная резиденция османского владыки. Сначала это был городок Дидимотика на реке Марица. При сыне Орхана Мураде I (1359-1389 гг.) второй столицей (наряду с Бурсой) был объявлен Адрианополь¹.

Теперь территория некогда великой Византии, помимо Константинополя с окрестностями, сводилась к ряду изолированных анклавов. Сообщение между ними и с внешним миром могло осуществляться только по морю. Именно этим путем воспользовался император Иоанн V, чтобы искать помощи против турок в Западной Европе. Впервые василевс ромеев отправлялся за границу не во главе армии, а как униженный проситель.

В 1366 г. он побывал в Венгрии, а еще через три года в Италии. Иоанна выслушали и посочувствовали, но реальной поддержки он не получил. Не помог даже переход императора в католичество. В довершение позора царя задержали венецианцы, требуя уплаты долгов!

Тяжело переживая унижение, государь недоумевал: почему латиняне не желают видеть реальные размеры османской угрозы? Зато турки словно чувствовали свою безнаказанность. 26 сентября 1371 г. они разгромили на реке Марице ополчение балканских христиан. В результате этой победы перед Мурадом открылась дорога в глубь Македонии и дальше — в Болгарию и Сербию. Византия превратилась в вассала султана².

В этом качестве Иоанну пришлось участвовать в кампании Мурада против сельджукских эмиратов в Малой Азии. Еще более незавидная участь выпала на долю его сына Мануила. В 1390 г. во главе вспомогательного византийского отряда он находился в рядах османских войск, осаждавших Филадельфию. Последний город в Малой Азии, признававший власть императора ромеев, был взят штурмом. Что и говорить: чудными путями порой идет исторический процесс... Ну а между этими двумя событиями в византийско-турецких отношениях было много еще чего интересного.

Султан Мурад I.
Рисунок турецкого художника

Против василевса поднял мятеж его старший сын Андроник. Одновременно (тут явно имел место сговор) такой же заговор устроил против Мурада его отпрыск Санджи Челеби. Султан ослепил недостойного и дал совет императору сделать то же самое. Иоанн колебался. Наказание было приведено в исполнение наполовину. Андроник лишился зрения на один глаз и был заключен в темницу.

В данном случае «милосердие» василевса сыграло против него злую шутку. Принц бежал, обратился за помощью к генуэзцам и в 1376 г. захватил Константинополь.

¹Турки и поныне называют этот город Эдирне.

²Мурад принял этот титул в 1383 г. До него правители османов именовались улубеями.

Теперь уже Иоанн Палеолог оказался в тюрьме. Впрочем, тоже ненадолго.

Не только принц Андроник умел находить нужный подход к надзирателям. Сумел бежать и его отец. Свергнутый, но, по-прежнему, уверенный в своей правоте, он отправился к султану и попросил его оказать содействие в восстановлении поправленной справедливости (собственных сил и средств у него, конечно же, не было). Мурад действительно выделил Иоанну отряды своей конницы, и теперь уже греки вместе с турками 1 июля 1379 г. ворвались в Константинополь.

Но даже тогда непокорный сын не успокоился. Андроник нашел убежище на другом берегу Золотого Рога в генуэзской колонии Галата. А еще через два года изощренно-коварный Мурад заставил «простить» бунтовщика. Это выглядело как прямое поощрение к антигосударственной деятельности. Андроник готовил очередной мятеж, но вовремя умер.

Пока царственное семейство Палеологов развлекалось подобным образом, Мурад отправился завоевывать Сербию. Он погиб в битве на Косовом поле, но его преемник Баязид I (1389-1403 гг.) сразу же взял командование на себя и уничтожил сербское войско.

Подобно отцу, новый султан тоже любил играть с греками в кошки-мышки. В 1390 г. он поддержал претензии на константинопольский трон со стороны сына узурпатора Андроника — Иоанна VII. Мужественный принц Мануил, с огромным трудом собрав какие-то отряды, в очередной раз вернул престол отцу. Недовольный Баязид велел не наказывать мятежника, а слишком активного Мануила вызвал к себе — покорять Филадельфию. В конце того же года стареющий Иоанн взялся за строительство дополнительных укреплений столицы. Султан с интересом следил за ходом работ, и как только они были завершены велел все разрушить, в противном случае угрожая войной. Грекам пришлось подчиниться, а потрясенный Иоанн V умер от бессилия и унижения.

Взойдя на престол, Мануил II (1391-1425 гг.) тщетно искал пути спасения агонизирующей империи (вернее, ее бледной тени). Уничтожив Второе Болгарское царство (1393 г.), османы взялись за зачистку Балканского полуострова. В 1394 г. пала Фессалоника, но и этого было мало султану. Баязид потребовал, чтобы в самом Кон-

стантинополе все судебные тяжбы между мусульманами и христианами разбирали специальные исламские судьи — кади. Повелитель правоверных завершил ультиматум угрозой: «Если не хочешь повиноваться мне, запири ворота своего города и правь внутри, а за стенами все мое». Мануил твердо отказался, и Константинополь на долгие восемь лет оказался в тесной турецкой блокаде. Все припасы попадали туда только морем.

Оставалась надежда на помощь латинян и византийского правителя Пелопоннеса деспота¹ Феодора. Отечественные историки на редкость единодушны, упрекая Запад в безразличии к судьбам православной империи. Автор этих строк и сам мог бы добавить немало весомых обвинений подобного рода. Но будем справедливы — в 1396 г. рыцари из ряда европейских государств пришли на помощь грекам, и не их вина, что в битве при Никополе турки имели двукратный перевес в силах. Воины-католики

Василевс Мануил II с супругой императрицей Еленой и их детьми.
Византийская миниатюра

¹Напомним, что, несмотря на устойчиво негативный оттенок русского значения этого слова, по-гречески оно значит просто «господин». В средневековье это был один из византийских титулов.

с честью пали за общее дело христиан и в данном случае действительно «сраму не имут»¹.

Не удалось оказать помощь православной столице и из Мореи. Еще в 1395 г. турки прорвались через перешеек Истм и дошли до административного центра провинции города Мистра. Год спустя нашествие повторилось. На этот раз они разгромили Фессалию и нанесли страшный удар по Пелопонесскому полуострову. Сюда вторглось 60-тысячное мусульманское войско, предавшее всю округу огню и мечу. Правда, пока османы здесь не остались.

Не имея надежды отстоять Константинополь, Мануил II решился лично просить западных государей о заступничестве от жестокого врага. В ходе своего официального визита в 1399-1403 гг. царь посетил Италию, Францию и Англию. Везде его принимали подчеркнуто уважительно и с видимым сочувствием (на парижан произвели сильное впечатление величественная осанка и благородная седина василевса), но реальной помощи император не получил нигде. После никопольского погрома никто не хотел рисковать².

Грустное, должно быть, зрелище представляли собой эти вояжи. «Насколько больно, что этот великий и далекий восточный христианский государь, побуждаемый насилием неверных, вынужден был посетить далекие западные острова, прося против них помощи. — Писал историк, ставший свидетелем приезда Мануила в Англию. — Кто когда-либо мог подумать, что ты, который, вос-
седал обычно на престоле вели-

Тимур посещает плененного султана Баязида. Художник нового времени приукрасил свою картину. Согласно историческим свидетельствам, жестокосердный хромец, желая унижить своего врага, использовал немолодого человека (Баязиду было около 50 лет) в качестве скамейки, или как подставку для других бытовых нужд

чия, управлял всем миром, дойдешь до такого унижения, что не будешь в состоянии оказать никакой помощи христианской вере!»

Спасение пришло в град Святого Константина не с запада, а с востока. Весной 1402 г. беспощадный Тимур-ленг вступил в Малую Азию во главе огромного войска (в его составе были даже боевые слоны, приведенные из Индии). Как это ни странно, эмир потребовал, чтобы Баязид вернул христианскому императору все ранее захваченные у него земли. Ответ султана был выдержан в оскорбительных тонах, но осаду Константинополя и в самом деле пришлось снять. Баязид поспешил в Анатолию, и здесь в сражении при Анкире его армия была уничтожена. Один повелитель правоверных попал в плен к другому и, согласно преданию, провел остаток дней в железной клетке.

¹Упомянем также доблестного французского маршала Бусико, который во главе отряда из 1200 человек, среди которых было немало представителей знатных рыцарских фамилий, на кораблях прорвался в Константинополь и совершил немало подвигов в ходе его обороны от османов.

²Не забудем и о том, что Англия и Франция вскоре возобновят между собой Столетнюю войну. Вот так все взаимосвязано в этом мире, хотя в учебнике истории может находиться и в разных главах.

КАТАСТРОФА

то поражает в тюрках (и в турках тоже), так это их невероятная, сверхъестественная живучесть. Сколько раз их старались истребить враги. На полях сражений и просто так, в порядке профилактики, чтобы не размножались. Их государственные образования не раз дробились на мелкие уделы. А после Анкирской битвы у османов, казалось, вообще не было шансов оставить след в истории. Но каждый раз этот народ, подобно ртути, упрямо собирался из отдельных капель в море, которое становилось еще обширнее и сильнее.

Чтобы навсегда лишить османов силы, Тимур разделил их государство на несколько независимых княжеств — бейликов. Не ладили между собой и сыновья погибшего Баязида. Они начали ожесточенную борьбу за власть и крайне нуждались в союзниках.

Один из них — Сулейман искал опору в Византии. «Я буду тебе сыном, будь же и ты отцом моим», — молил он Мануила II. В доказательство своей искренней верности султан вернул государю Фессалонику и ряд фракийских городов. А еще Византия перестала платить османам дань.

Беда заключалась лишь в том, что скукожившаяся донельзя империя уже не могла оказать названному сыну хоть сколько-нибудь ощутимой поддержки. Пока Сулейман «проводил время в развратных удовольствиях» против него выступил родной брат Муса, лишь недавно вернувшийся из монгольского плена и крайне озлобленный. В 1410 г. новый претендент совершил внезапный налет на Эдирне. Сулейман оказался застигнут врасплох и погиб, а Муса некоторое время держал Константинополь в осаде. Тогда в игру вступил еще один потомок Османа — утвердившийся в Анатолии Мехмед. Ему пришлось столкнуться не только с претензиями брата, но и с многочисленными восстаниями крестьян и ремесленников, как в Малой Азии, так и в Румелии. Греки оказались для него естественными союзниками. Он сделал ставку на союз с христианами и в конце концов одолел Мусу.

Недолгое правление султана Мехмеда I (1413-1421 гг.) исключительно благоприятный период византийско-османских отношений. В турецкой историографии за этим

владыкой закрепился величественный эпитет Челеби — *благородный*. Он заявил, что считает императора отцом и подтвердил права Мануила на остатки его европейских владений. Василевс также платил своему другу полным доверием. Однажды советники порекомендовали государю захватить султана, когда тот станет пересекать Босфор, но Мануил с негодованием отверг саму мысль о подобном коварстве. Он встречал судно Мехмеда на официальной галере и беседовал с ним, пока длилась переправа, во время которой оба корабля шли рядом. Да еще потом посылал в полевую ставку султана наиболее изысканные яства с царского стола.

Все изменилось, когда Мехмед умер. Его наследник Мурад II (1421-1451 гг.) хотел бы поддерживать с греками прежние отношения, но постаревший Мануил уже не имел былого влияния на государственные дела. Реально всем заправлял его сын и соправитель Иоанн VIII. Ему не исполнилось и тридцати лет и очень хотелось более активно воздействовать на политику Османской державы.

В результате Константинополь крайне неудачно вмешался во внутренние турецкие интриги. В пику Мураду заявил о своих правах на престол человек, выдававший себя

Султан Мехмед I.
С портрета работы турецкого художника

Султан Мурад II (1421-1451 гг.).
Рисунок турецкого художника

за его брата Мустафу, бесследно исчезнувшего и якобы чудом спасшегося после битвы при Анкире. Мятеж оказался недолгим. Его предводитель попал в плен и открыл, что действовал по наущению греков.

Мураду тогда было всего пятнадцать лет, но силе его характера могли бы позавидовать и умудренные жизнью мужи. Оскорбленный в лучших чувствах, он двинул войско и осадил греческую столицу. В 1422 г. впервые за свою многовековую историю стены Константинополя подверглись артиллерийскому обстрелу, и работа древних мастеров с честью выдержала это испытание! В августе защитники града святого Константина отбили вражеский приступ. Православные люди были уверены, что сама Пречистая Матерь Божия спасла их от ярости исмаильтян. Находились и очевидцы, утверждавшие, что некая женская фигура в чудном сиянии появилась на крепостной стене, вселяя веру в победу в души своих верных и внушая ужас врагам.

Как бы то ни было, но турки действительно сняли осаду. Правда, рациональные умы объяснили неудачу Мурада очередным мятежом против него, вспыхнувшим в Малой Азии.

Уязвленный султан взял реванш на других фронтах. Уже в 1423 г. османское войско Турхан-бея осадило Фессалонику. У имперского наместника деспота Андроника не было ни воли, ни средств для сопротивления. Он передал власть в городе венецианцам и постригся в монахи. Тогда турки пошли на Морею. Греки надеялись остановить врага перед недавно построенной на перешейке Истм линией укреплений, но подразделения янычар отчаянной атакой прорвали этот рубеж. Пелопоннес подвергся страшному опустошению. Константинополь униженно просил о мире и получил его за ежегодную дань в 300 тысяч аспров¹. Вскоре после этого Мануил II скончался.

В обстановке военных поражений и экономического краха, византийская элита не видела иного выхода, кроме очередного обращения за помощью к латинскому Западу. Василевс Иоанн VIII (1425-1448 гг.) провел несколько лет в зарубежном путешествии, пытаясь сколотить новую антитурецкую коалицию. Ее цена была известна — уния с католиками и признание верховенства Папы. Текст соглашения был подписан 5 июля 1439 г. на церковном соборе во Флоренции. В обмен на духовную покорность папа Евгений IV обязался держать в Константинополе триста солдат и две боевые галеры, а в случае необходимости дополнительно направить в распоряжение императора двадцать галер на полгода, или десять на один год.

Конечно, такие силы не могли противостоять османам. Гораздо более серьезным предприятием явился поход западноевропейского рыцарства против османов, но 10 ноября 1444 г. крестоносное воинство было уничтожено близ Варны². Император Иоанн VIII отрекся от какого-либо содействия провалившейся авантюре, но проницательный султан наказал и его. Мураду не

¹Не забыл султан и о Фессалонике. Сначала он заставил венецианцев платить за город ежегодную дань, а в 1430 г. овладел им «открытой силой».

²Вообще-то, сначала вожди похода, поклявшись на Библии, заключили с Мурадом десятилетнее перемирие, но вскоре папский кардинал Чезарини официально объявил клятву, данную неверному, недействительной! С другой стороны не стоит забывать, что османское войско переправили из Анатолии в Европу на своих кораблях христиане-генуэзцы, решившие таким образом неплохо заработать.

**Император
Иоанн VIII
(1425-1448 гг.).
Медальон работы
А. Пизанелло**

понравилось, что деспот Мистры Константин Драгаш установил контроль над несколькими городами за пределами Пелопоннеса.

Султан лично встал во главе войска. 10 декабря 1446 г., после трехдневной артиллерийской бомбардировки, османы приступом взяли укрепления Истма и вновь разграбили Морею. Деспот Константин покорился и подтвердил обязательство платить Мураду ежегодную дань.

Прошло еще два года, и османы разгромили венгерского полководца Яноша Хуньяди во второй битве на Косовом поле. Узнав об этом, василевс Иоанн VIII скончался от нервного потрясения. Отныне, и никто в этом уже не сомневался, Константинополь был обречен, причем в ближайшее время. Правда, произошло уже не при Мураде. На протяжении своего царствования султан много и, как правило, успешно воевал. Но он всегда мечтал проводить жизнь в созерцании и духовных размышлениях. Судьба отпустила для этого совсем немного времени. Умирая, он завещал своему преемнику «поднять знамена джихада и захватить Город» (речь, конечно же, идет о Константинополе), поскольку только это сможет обеспечить торжество ислама и «переломить хребет проклятым неверным».

Новый турецкий повелитель Мехмед II (1451-1481 гг.) имел всего девятнадцать лет от роду. Это был, безусловно, неординарный, щедро одаренный от природы человек. Достаточно сказать, что он знал пять языков, включая греческий, латинский и древнееврейский. Обладая сам широкими познаниями (его любимым героем был Александр Македонский), Мехмед ценил людей ученых, часто деля с ними досуг. Вместе с тем, он был привержен к алкоголю, что странно для правоверного мусульманина, а его ост-

рый ум уживался с высокомерием, упрямством и жестокостью. Сразу после вступления на престол Мехмед велел утопить своего сводного брата Ахмеда, а его мать в приказном порядке выдал замуж за одного из придворных, резко понизив ее социальный статус.

Создание новой мировой империи с центром в Константинополе было заветной мечтой молодого султана. Он искренне считал, что государства, как и люди рождаются, мужают, а затем стареют и умирают. Теперь именно ему выпало право быть свидетелем немощной кончины царства греков, преемником которого явится новая — османская держава, главной движущей силой которой будут единственно истинная вера — ислам и его, Мехмеда, незаурядные таланты государственного мужа и полководца. Такой владыка одинаково успешно станет управлять подданными любых народностей и вероисповеданий. И тогда одна империя примет эстафету от другой и придаст новый блеск славе героев веков минувших и грядущих.

Дело оставалось за малым: для признания Мехмеда окружающим миром в качестве великого правителя ему предстояло утвердиться в Городе румов. Поэтому султан «ночью и днем, ложась спать и вставая, в своем дворце (в Эдирне — В. Ш.) и вне его, всю свою заботу полагал на то, какими военными действиями и средствами овладеть Константинополем».

Будущий противник покорителя Византии также являл собой пример яркой личности. Унаследовавший престол покойного дяди, Константин XI Драгаш (1448-1453 гг.) был, прежде всего, способным военачальником, одержавшим ряд важных побед над латинянами в Южной Греции. Но теперь имевшиеся в его распоряжении ресурсы были настолько несопоставимы с военно-политическим потенциалом османов, что последний василевс ромеев не имел никаких шансов на успех.

Правда, даже и в этих условиях, Мехмед предпочел не начинать с примитивных лобовых атак. Уже давно все снабжение Константинополя осуществлялось исключительно морским путем, и султан решил прибегнуть к психологическому давлению, перекрыв и без того ненадежные артерии, питавшие голову, оставшуюся без тела, но отяжелевшую от дурной крови.

Весной 1452 г. турки заложили на европейском берегу Босфора крепость, дав ей весьма красноречивое название Богаз-кесен, т. е. «перерезающая пролив»¹. Формально это была территория Византии, но на слабые протесты императора Мехмед ответил сознательной грубостью: «Оба берега Босфора принадлежат мне; восточный — потому что на нем живут османы, а западный — потому что вы не умеете его защищать. Скажите вашему государю, что если он еще раз вздумает прислать ко мне с подобным вопросом, я велю с посла живьем содрать кожу».

прямым попаданием огромного каменного ядра. Экипаж попал в плен. Матросов обезглавили, а капитана посадили на кол. Повелитель правоверных ясно дал понять, что слов на ветер не бросает.

В начале следующего, 1453 г. Мехмед начал против Византии открытые военные действия. Его войска овладели на Мраморном море и на черноморском побережье Фракии немногими городами, еще подчинявшиеся императору. «Те, кто сдался, остались невредимы, — сообщает историк, — те же, кто сопротивлялся, были обезглавлены».

Перекличка эпох. Старинная турецкая крепость на берегу Босфора и мост, уже в наши дни переброшенный через пролив и носящий имя султана Мехмеда Фатиха (завоевателя), символизируют неудержимую экспансию молодого османского этноса

В последний день августа все работы были завершены, и на башне установлены три тяжелых орудия, способных метать двухсоткилограммовые снаряды. Султан объявил, что отныне каждое судно, идущее вверх или вниз по проливу, должно останавливаться для досмотра.

Венецианцы попытались проигнорировать это требование. Две их галеры, счастливо избежав обстрела, сумели прорваться из Черного моря в Мраморное. Третьей повезло гораздо меньше. Она была потоплена

В марте в Галлиполи начали собираться многочисленные (несколько сотен вымпелов) боевые и транспортные корабли вновь построенного турецкого флота. Стало окончательно ясно, что следующей целью османов будет Константинополь. В окрестностях Эдирне формировалась сухопутная армия. В источниках содержатся весьма разные оценки ее численности, вплоть до самых невероятных. Современные историки считают, что войско султана насчитывало до ста тысяч человек, плюс многочисленные под-

¹ Другое название этой крепости — Румелихиссар.

Войско Мехмеда II в походе на Константинополь

разделения obsługi. Правда, султан больше полагался не на людские массы, а на грозную мощь своей артиллерии. И все же, в любом случае, он имел во много раз больше солдат, чем могли выставить греки.

Население Константинополя в середине XV века составляло примерно 40-50 тысяч человек. Люди активно участвовали в расчистке внешних рвов и починке укреплений. Однако, когда император приказал составить списки людей, способных с оружием в руках встать на защиту Города, выяснилось, что можно рассчитывать менее чем на пять тысяч человек. Но даже среди них «большая часть приходилась на людей мирных, применявших щиты и копья, луки и мечи так, как умели они от природы, а не в соответствии с воинской наукой».

Ознакомившись с этими сведениями, василевс лишь глухо застонал...

Зато, к общему числу защитников нужно добавить около двух тысяч иностранцев (генуэзцев, каталонцев и т. д.), проживавших в Константинополе и добровольно решивших принять участие в его обороне. Особо следует упомянуть прибывший из Генуи отряд профессиональных бойцов под командованием Джованни Джустиниани Лонго (700 чел.). Современники и участники последней обороны Константинополя почти

единодушны в оценках этого персонажа: благородного происхождения, опытный в военном деле и очень мужественный человек¹. Царь пожаловал ему звание *протостратора* (т. е. маршала по западным меркам) и обещал передать во владение остров Лемнос, если удастся отстоять Город.

Еще один подвижник обороны Константинополя — *байли* (глава администрации венецианской колонии) Джироламо Минотто. Он сформировал отряд из соотечественников, проживавших в Византии, и прилагал отчаянные усилия для получения подкреплений из метрополии.

И хотя сенат Венецианской республики ограничил свое участие в этом вопросе пустопорожними прениями, знамя с крылатым львом Святого Марка, наряду с императорским штандартом, по праву развевалось на башнях столицы в ходе осады Города.

Не забудем также и османского «принца» Орхана. Этот родственник Мехмеда жил в Константинополе на положении то ли почетного гостя, то ли заложника, но не горел желанием вернуться в «семью». В ходе осады ему был поручен для обороны участок укреплений вдоль Мраморного моря, и Орхан (возможно, вместе со свитой, также состоявшей из турок) отважно сражался против единоплеменников.

А вот двор папы Николая V самоустранился от содействия братьям во Христе. «Мы получили от Рима такую же помощь, как от султана из Каира», — едко заметил летописец осады Георгий Сфрандзи.

Христианский флот также уступал вражескому. В Золотом Роге стояли всего 26 кораблей: десять царских, по пять из Венеции и Генуи, три с острова Крит, и по одному из Анконы, Каталонии и Прованса. Их команды поклялись не бросать Город и драться до конца, но реально грекам оставалось надеяться лишь на пассивную оборону. Они

¹Данная характеристика представляется тем более верной, что Лонго действовал на свой страх и риск, поскольку официальные власти Генуи сохраняли нейтралитет.

перекрыли вход в залив длинной и тяжелой железной цепью, не раз выручавшей Константинополь во время прежних вражеских осад. А вот береговые стены пришлось оставить почти без защиты.

1 апреля 1453 г. выпало на Пасху, но в Городе царила совсем не праздничная атмосфера. Даже колокола звонили не радостно, а тревожно. Люди тихо молились в храмах, прося Господа не допустить нападения в Светлое Христово воскресенье. Зато уже на следующий день со стен можно было разглядеть передовые разъезды турецкой конницы. Далее горизонт темнел сплошным живым морем — это приближалась, казавшиеся поистине неисчислимыми, главные силы армии султана.

Надвигаясь, по замыслу Мехмеда, непрерывным единым валом, эти бесконечные волны, производившие подавляющее впечатление, занимали заранее намеченные позиции. На правом фланге (начиная от Мраморного моря) находились анатолийские, восточные войска. Султан во главе отборных частей янычар в центре. Румелийцы, среди которых были вассальные контингенты балканских христиан, встали слева — ближе к Золотому Рогу. Специальный отряд был выделен для наблюдения за генуэзским поселением Галата на другом берегу залива.

Как и предполагалось, у греков не было людей, чтобы противостоять такой лавине. Их не хватало даже, чтобы занять все обращенные к западу три пояса сухопутных стен столицы (около 4 км. по фронту). Оставалось лишь прикрывать наиболее опасные, с точки зрения возможных атак, участки, размещая солдат на внешней стене. На укреплениях, обращенных к Мраморному морю, несли сторожевую службу отдельные караулы (в том числе и монахи).

Заметив пышные шатры султана и его свиты с многочисленными бунчуками напротив ворот Святого Романа, а также развертывание наиболее мощных турецких батарей, руководители обороны поняли, что именно здесь враги предпримут решающий штурм. Этому способствовал характер местности. Рельеф (и высота укреплений) тут понижается к долине речки Ликос. Поэтому и защиту этих стен должны были нести наиболее боеспособные части.

Император Константин Драгаш наблюдает за приближающимися османскими войсками с крепостной стены Константинополя.
С картины худ. Я. Нику

Оборону этого отрезка взял на себя сам император Константин, и к нему присоединился Джустиниани Лонго со своими генуэзцами. Поклонившись государю, он сказал просто и с благородным достоинством: «Надеясь на помощь Божию, я готов встать там с моими людьми, и во имя Христова защищать ворота против нападений неприятеля».

6 апреля османские парламентары передали Константину Драгашу требования султана. Императору предлагалось сдать Город в обмен на владения в Морее¹. Жизнь и имущество гарантировались также и остальным жителям, но лишь в случае капитуляции. Требование было отвергнуто, после чего заговорили пушки.

В результате обстрела, к концу следующего дня оказался разрушен участок стены у Харисийских ворот, однако за ночь самоотверженно работавшие люди, ценой неве-

¹Заметим, что они и так принадлежали Византии.

роятных усилий, устранили повреждения. Тогда Мехмед послал войска овладеть двумя византийскими фортами, находившимися за пределами городских укреплений. Маленькие гарнизоны проявили истинное мужество, но были погребены под руинами. Уцелевших по приказу султана посадили на кол.

11 апреля массированная бомбардировка возобновилась. Особенно сильный эффект производили выстрелы огромной пушки, сработанной венгерским мастером Урбаном. Чтобы доставить ее с места отливки из-под Эдирне понадобились сотни людей (в том числе отдельный отряд саперов, выравнивавших дорогу на протяжении 150 км.) и 60 быков. Скорострельность такого чудовища не превышала семи выстрелов в сутки, зато каждое попадание ядра весом в пять с половиной центнеров вызывало осыпь кирпичной кладки и облицовки.

Успехи от контрбатарейной борьбы, пришлось вести огонь по пехоте противника. Убийственное действие вражеской артиллерии обороняющиеся пытались компенсировать, вывешивая с наружной стороны стен большие куски кожи и тюки с шерстью. Однако эта тактика устарела, как минимум, на несколько столетий. Завесы, глушившие удары античных таранов, оказались бессильны против технического прогресса эпохи Возрождения. В результате значительный участок стены в центральном секторе обороны (в долине Ликоса) к 11 апреля оказался разрушенным, а ров перед ней был засыпан обломками, облегчая османам подступ.

Единственной возможной мерой противодействия оставался тяжелый ручной труд жителей Города. Каждый вечер на протяжении целой недели с наступлением темноты они строили заграждения из мешков с зем-

лей, досок и бочек, молясь и надеясь, что подобное импровизированное препятствие сможет остановить неизбежно предстоящий штурм.

Тем временем, турки атаковали Город с еще одного направления. 12 апреля их корабли попытались прорваться в Золотой Рог. На стоявшие здесь итальянские и греческие сторожевые суда обрушился настоящий град из ядер и зажигательных стрел. Под их прикрытием османы старались разбить заградительную цепь. Плохо пришлось бы защитникам, если бы им на выручку не поспешил во главе резерва мегадука (великий адмирал) Лука Нотара. Начинаясь пожары быстро тушились, а турецкие ядра не попадали в цель из-за

плохой наводки орудий. Зато копья, пики и дротики, летевшие с византийских высокобортных «триер», наносили противнику значительный урон. В качестве метательных снарядов греки использовали также камни и огромные кувшины, наполненные водой.

Осада Константинополя 6 апреля — 29 мая 1453 г.

Византийцы отвечали реже. У них не было в достаточном количестве ни пороха, ни орудий. К тому же одна из их пушек взорвалась, уничтожив прислугу, а маленький калибр оставшихся не наносил вражеским мортирам существенного ущерба. Отказав-

В конце концов, командовавший османским флотом Сулейман Балтоглу всерьез перепугался, что его флагманский корабль могут взять на abordаж и счел за лучшее вывести свою эскадру из боя.

Тогда Мехмед велел обстреливать греческие корабли с дальних дистанций, и после того как одна из галер была потоплена в результате прямого попадания, христиане отвели суда вглубь Золотого Рога.

Султан испытал некое моральное удовлетворение, так как если его флот и не мог на равных соперничать с христианским, то артиллерия османов, бесспорно, продемонстрировала высокую боевую эффективность. Сухопутные стены Константинополя, по-прежнему, подвергались бомбардировке, и 18 апреля турки пошли на приступ. На этот раз они атаковали ночью, рассчитывая внезапным броском достичь внешней стены и разрушить хлипкие на вид заграждения, наспех возведенные греками в брешах.

Император немедленно отправился вдоль боевой линии, так как враг, пользуясь своей многочисленностью, мог предпринять штурм сразу по всей длине стен — от Мраморного моря до Золотого Рога, и нужно было убедиться, что защитники везде готовы к бою. На самом деле бой разгорелся снова на центральном участке — в долине Ликоса. Здесь отважно и умело действовал Джустиниани. Он четко и хладнокровно отдавал команды, вселяя в солдат уверенность. Конечно, турок было гораздо больше, но их артиллерии пришлось прекратить огонь, а в рукопашной схватке реально могли принять участие только первые ряды сражающихся. Несравненно более надежным было и защитное снаряжение генуэзцев. Копья и дротики высекали искры из

стальных панцирей и шлемов, но причинить ущерба почти не могли. Картина получилась довольно зловещая: лязг оружия, крики, бой барабанов. И все это освещалось кровавым трепещущим светом факелов. Четыре часа шла ожесточенная резня. Затем османы, повинаясь сигналу отбоя, отступили, оставив в заваленном рву и у подножия укреплений до 200 трупов¹. За оставшуюся часть ночи защитники города сумели восстановить баррикады, частично разрушенные противником.

Турецкие войска идут на приступ.
Фрагмент панорамы «Взятие Константинополя»,
созданной к 555-летию овладения города османами

Османы же пытались выносить тела своих погибших бойцов, обильно устилавшие подступы к стенам. Венецианский участник обороны Города оставил яркое свидетельство странной тактики мусульман: «Наши люди, находившиеся на валу, стали стрелять в них из ружей и арбалетов, целясь в турка, несшего убитого товарища, и оба они пали на землю мертвыми, и затем пришли другие турки и понесли их прочь, нимало не боясь смерти, но предпочитая скорее потерять десять человек убитыми, чем претерпеть поношение за то, что оставили тело хотя бы одного перед городской стеной»².

¹Венецианский участник этих событий записал в дневнике, что его товарищи не потеряли ни одного бойца. Даже если это преувеличение, то не подлежит сомнению, что потери обороняющихся оказались значительно меньше.

²Дело тут не в какой-то особой, османской сентиментальности. Трупы нужно было собирать и сжигать, чтобы в армии не вспыхнула эпидемия. По этой же причине туркам приходилось ежедневно удалять из осадного лагеря огромное количество биологических отходов.

Позднее император Константин разрешил не мешать туркам забирать убитых, но их будет слишком много, так что у осаждающих не останется ни возможности, ни желания выносить всех. Они во множестве останутся гнить во рвах, доверху забитых телами...

Следующая неудача поджидала турок снова на воде. Утром 20 апреля дозорные на башнях со стороны Мраморного моря заметили появившиеся на горизонте верхушки мачт — верный признак того, что к городу приближались корабли. Еще была неясна их принадлежность, но сердца защитников Константинополя учащенно забились. Уж очень хотелось верить, что западные христиане прислали, наконец, давно обещанную и такую долгожданную помощь. Даже когда выяснилось, что это всего лишь три генуэзские галеры и одно судно под императорским флагом, оставалась надежда, что вслед за авангардом появятся главные силы могучего флота, который собрала Европа, чтобы спасти восточных братьев во Христе и загнать мусульман обратно в Азию.

На самом деле все оказалось проще и одновременно драматичнее. Галеры везли оружие и припасы, и это оказалось все, что папа смог выслать своим вновь обретенным чадам. А царский корабль был нагружен зерном, закупленным на Сицилии. Теперь надежда сменилась тревогой. Сможет ли маленькая флотилия прорваться в Константинополь, ведь турки обладали на Босфоре несравненно бóльшим, подавляющим превосходством.

Мехмед отдал приказ любой ценой захватить или уничтожить дерзких противников. С юга тянул довольно свежий ветер, и турки двинулись им навстречу на веслах, оглашая воздух звоном тимпанов и громкими криками. Помимо артиллерийского огня, они рассчитывали на сильные абордажные партии, специально размещенные на судах.

И все же, расчет Сулеймана Балтоглу изначально оказался неверен. Его армада настигла христианские корабли не в открытом море, а почти у входа в Босфор. Времени оставалось мало, и, чтобы выполнить поставленную задачу, османам предстояло навалиться огромной массой, ошеломить и задавить неприятеля численностью. Мехмед наблюдал за сближением противников, предвкушая победу и жестокую расправу над уцелевшими врагами, а жители Константинополя, высыпавшие на стены, молили Гос-

пода о спасении смельчаков. Дальнейшие события показали, что не было в ту пору в Европе моряков искуснее итальянских.

Генуэзцы никак не отреагировали на требование Балтоглу сдаться, и теперь их высокобортные суда шли в плотном кольце небольших турецких, как стая львов в окружении шакалов, даже при абсолютном перевесе в силах не решавшихся напасть на гордый отряд.

Самый опасный момент наступил, когда отряд достиг мыса на северо-восточной оконечности города. Ветер внезапно стих, и паруса христианских кораблей беспомощно обвисли. Сильное течение стало относить их на север, к берегу, занятому турками. Выгребать против него на веслах было чрезвычайно трудно, да и османские суда не собирались освобождать дорогу. С них летели ядра, копья, зажженные стрелы и даже сосуды с «жидким огнем». Но матросы споротушили начинавшиеся пожары, не давая им набрать силу. В то же время генуэзские моряки «будто крылатые орлы, метали сверху из цангр (*т. е. из арбалетов — В. Ш.*) стрелы как молнии, разбивали неприятельские корабельные снасти и учинили туркам великое побоище».

Выходило, что время работает против Балтоглу, и он велел идти на абордаж. Первым нападению подвергся византийский корабль. Его атаковали одновременно со всех сторон. Турки вскрывали его обшивку топорами, пытались поджечь. Железные кошки на длинных веревках цеплялись за такелаж, но стоило кому-нибудь из османов ухватиться за борт, как руку отсекали точным ударом меча, а голову раскраивали увесистой дубиной.

«Это было страшное зрелище», — писал греческий историк Михаил Критовул. Повсюду убивали и гибли сами, стонали и богохульствовали, проклинали и угрожали. И над этим адом капитан императорского флота Франческо Леканелла хладнокровно расхаживал по палубе от носа к корме и обратно, отдавая приказания и подбадривая экипаж. Истекающие кровью раненые падали в воду, и ласковые зеленые волны Босфора навсегда смыкались над их телами, давая последний приют в прохладной глубине.

Нелегко приходилось и генуэзцам. Каждая галера отбивалась от множества вражеских судов. Но турецкие *фусты* и *парандарии* были маломерными и, как оказалось,

2010

довольно хрупкими скорлупками. Когда сверху на них сбрасывали бочки с водой и тяжелые камни, то эти импровизированные снаряды с лету проламывали днища, топя суда вместе с людьми. Турки стреляли из луков и били снизу копьями, но стальные панцири, как правило, отражали нанесенные в спешке удары¹. Зато арбалетные болты итальянцев наносили османам огромный урон.

Даже численный перевес мусульман не пошел им на пользу. Турок было так много, что они мешали друг другу и не могли все сразу вступить в бой. Задним нужно было еще дожидаться своей очереди. Когда же они сосредоточили усилия на тяжелом и слабо вооруженном византийском грузовом корабле, генуэзские капитаны пришли союзнику на помощь. Раскидав неприятельские суденышки, они пришвартовались к императорской галере, образовав с ней единое целое — настоящий плавучий остров. Османы еще бессмысленно суетились вокруг, но столь грозная крепость оказалась им не по зубам.

А тут и погода стала помогать христианам. Ближе к вечеру потянул довольно свежий ветер, и парусные корабли снова обрели способность управляться. Они уверенно двинулись к цепи, закрывавшей Золотой Рог, и благополучно прошли в приоткрытый проход.

В Городе звонили колокола. Узрев столь явную милость Господа, люди надеялись, что и в дальнейшем он не оставит чад своих и поможет выстоять против агарян.

Ну а что же происходило в это время в турецком лагере? Когда Балтоглу отдал приказ об отступлении, охваченный злобой Мехмед въехал на коне в воду и еще долго бесновался, грозя неверным и своему бездарному адмиралу, но было поздно. Его

унизили и опозорили на глазах, как подданных, так и врагов, то есть буквально всего света. Один из авторитетных религиозных шейхов счел своим долгом доложить повелителю правоверных, что в войсках начинается ропот, так как люди усомнились в способности султана принимать правильные решения и претворять их в жизнь. Вывод из этого делался соответствующий — нужно со всей строгостью наказать виновных, чтобы никто и никогда впредь не смел усомниться в могуществе падишаха.

«Гнев султана». Мехмед II пытается руководить морским сражением на подступах к Константинополю

Уже не сдерживая ярости, султан вызвал Балтоглу, и тот был приведен и брошен на землю, и «четверо прислужников держали его». Владыка заклеил теперь уже бывшего адмирала предателем, трусом и болваном и решал: снять голову с этого недостойного, или посадить его на кол. Однако признаем: в окружении Мехмеда хватало смелых и честных людей. Нашлись и такие, которые засвидетельствовали, что в бою командующий флотом вел себя мужественно и был опасно ранен. Султан несколько успокоился. В несказанной милости он ограничился тем, что лично изволил избить Балтоглу

¹Недаром греческий автор называет этих генуэзцев катафрактами.

тяжелым золотым жезлом, а затем, отобрав все имущество, навсегда прогнал со службы — в нищету и безвестность.

В ходе морского боя 20 апреля 1453 г. турки потеряли несколько сот человек убитыми и ранеными¹. Со стороны христиан 23 человека погибли и почти половина моряков были ранены. Впечатляющее соотношение. Недаром Мехмед «был весьма опечален и подавлен, он кусал себе локти и топал ногами» и даже «стенал из глубины своего сердца и из уст его шел пар». Вместе с тем, владыка весьма серьезно относился к своей роли главнокомандующего. Он изучал теорию и практику военного дела и хорошо знал, что первые ядра не наносят вражеской крепости видимого урона. Только постоянный, методический обстрел способен «размягчить» кладку и повлиять на моральный дух защитников. Ну а людей и кораблей для наращивания боевых усилий у Мехмеда было предостаточно.

Прежде всего, он решил загладить неприятное впечатление, произведенное поражением на Босфоре. Достойным ответом на него мог стать прорыв османского флота в Золотой Рог. Кроме того, этот прием должен был заставить греков считаться с возможностью штурма Города с этого направления, перевести часть войск с западного фронта обороны и тем самым ослабить оборону сухопутных стен.

Для повелителя правоверных нет ничего невозможного. Если его корабли не могут попасть в залив на гребне волн, то они окажутся там, вознесясь над окрестными холмами. Искусные инженеры и мириады безвестных рабов еще в начале осады стали прокладывать дорогу от Босфора к Золотому Рогу. Сейчас ее спешно покрывали деревянным настилом, смазанным бычьим салом. Другие рабочие спускали в воду специально изготовленные опоры, подводили их под длинные и узкие *фусты*, которые затем, с помощью блоков, вытягивали на сушу воловь-

ими упряжками. Их предстояло поднять более чем на 70 метров!

Когда все было готово, прозвучали протяжные слова команд, в воздухе взметнулись сухо щелкавшие, подобно выстрелам, бичи, построжки натянулись, и странная процессия тронулась с места, карабкаясь все выше и выше по склону прибрежного холма.

22 апреля турецкие батареи, развернутые к северу от Золотого Рога, вели беспоясый огонь по христианской флотилии, стоявшей в заливе на якорях. Берег окутался плотными клубами порохового дыма, и каково же было удивление горожан, смешанное с неподдельным ужасом, когда они увидели вражеские суда, которые каким-то непостижимым образом спускались с окрестных высот. Первое, второе, третье... десятое — всего более семидесяти!

«Тянут корабли».

Рисунок современного турецкого художника

Разум отказывался воспринимать действительность. А османы вели себя совершенно непринужденно. Гребцы работали веслами, зачерпывая *воздух*, ветер надувал паруса, а капитаны распоряжались на палубах. Как будто все они занимались самым обыденным, привычным делом. Прошло не так много времени, и турецкие суда, скользя одно за другим в воду, уже покачивались на зеленой глади Золотого Рога.

Этот прорыв резко ухудшил положение Константинополя, а диверсия против флота

¹Приводимая в греческих источниках цифра в 12 000 чел., конечно же, далека от реальности.

османов закончилась жалкой неудачей. Ночью 28 апреля венецианские и генуэзские корабли попытались подобраться к якорной стоянке турков, чтобы сжечь их суда, но смельчаков уже ждали. Итальянцы попали под ураганный артиллерийский огонь и, потеряв одну из галер, были вынуждены повернуть назад. Не оставалось сомнений, что противник был предупрежден...

На следующий день в заливе произошел полномасштабный морской бой. Христиане отразили нападение, но стало ясно, что турки прочно обосновались в Золотом Роге и отсюда уже не уйдут. Кроме того, для острастки султан велел казнить 40 попавших в плен итальянских моряков. В ответ император приказал прямо на стенах обезглавить 260 ранее взятых турок. Но Мехмеду было глубоко плевать. Воинов у него хватало с избытком — как грязи. Вскоре после этого турки навели через залив понтонный мост, достаточно широкий, чтобы пропустить колонну по пять человек в ряд. Выдерживал он и вес тяжелых повозок и артиллерийских орудий, которые могли вести огонь, как по вражеским судам, так и по северной стене Константинополя.

Греки, по-прежнему, контролировали вход из Босфора, перегороженный железной цепью, но теперь их пребывание на данном рубеже стало бессмысленным. Поэтому вскоре венецианские экипажи были сняты с кораблей и отправлены на усиление гарнизона «правительственного» квартала во Влахернах.

Между тем, на западном фронте обороны турецкие осадные батареи продолжали громить стены Константинополя. У ворот Святого Романа рухнула одна из башен, обнажая чрево свое. 7 мая османы снова предприняли ночной приступ, но защитники Города нечеловеческим усилием отбросили нападавших. 12 мая атаке подверглись Влахерны, но и здесь штурм был отражен.

Убедившись в бесполезности открытых усилий (артиллерийский огонь пока не причинил укреплениям непоправимого урона), сул-

тан прибег к минной войне. Находившиеся в его войске сербские рудокопы закладывали шахтные галереи, чтобы взорвать стены и башни из-под земли. Это была нешуточная угроза. Борьбу с ней поручили мегадуке Луке Нотаре. Его люди вели контрподкопы, чутко прислушиваясь к работам противника. Когда выработки сближались на минимальное расстояние, их соединяли, а затем турков истребляли холодным оружием, выкуривали дымом, или заливали водой из городских цистерн. 23 мая итальянцы обнаружили очередную подкоп и сумели захватить в плен вражеских минеров. Под пытками те выдали места закладки остальных галерей, и все они были уничтожены. Убедившись, что подземная война ведется христианами искуснее, османы прекратили свои усилия.

Еще раньше — 18 мая они ввели в дело новый вид оружия — подвижную осадную башню. Это было грандиозное многометровое сооружение, откуда надежно прикрытые до поры воины могли ворваться прямо на оборонительные площадки стен. Но и здесь вышла незадача. Чтобы перебросить людей в нужное место, громадную гелеполу требовалось придвинуть почти вплотную к стене. А сделать это было невозможно из-за рва. Он был наполовину засыпан обломками камней и землей, но вся эта неровная поверхность не давала башне достаточно прочной опоры. Пока турки заполняли ров доверху и утрамбовывали основание, защитники воспользовались ночной темнотой и подожгли монстра. Башня сгорела до основания,

Штурм Константинополя. Фрагмент турецкой панорамы

угробив свой многочисленный гарнизон. С другими гелеполами турки экспериментировать не стали. Затраченные усилия явно не соответствовали результатам.

И все же, несмотря на эти частные успехи, Город был обречен. Сейчас, т. е. пять с половиной веков спустя, нам это ясно с самого начала. Иллюзии и надежды защитников Константинополя рухнули 23 мая 1453 г. В тот день в столицу вернулась легкая бригантина, посланная императором на поиски западного флота. Моряки обследовали в Эгейском море множество островов, но нигде не слышали о каких-либо венецианских или папских кораблях. Итальянцы понимали, что в таких условиях возвращение в Город означает для них верную гибель, но они до конца остались верными союзникам и братьям по вере, осознанно разделив их судьбу.

Подавленный василевс Константин сказал, что отныне остается уповать лишь на Христа и Богородицу. Он не мог сдержаться слез, но не следует думать, что павший духом император только и делал, что плакал и молился. В те трагические дни государь проявил нестигаемое мужество. Несмотря на безнадежность ситуации, он неизменно отвергал, как уговоры соратников бежать из обреченного города, так и предложения султана о капитуляции и безбедной жизни в Морее, которую Мехмед обещал подарить после сдачи Константинополя. Его ответ на последний ультиматум исполнен благородства и достоинства: «Император готов жить с султаном в мире и оставить ему захваченные города и земли; Город уплатит любую требуемую султаном дань, насколько это будет в его силах; только сам город не может передать император — лучше умереть». Самоотречение этого человека отмечали даже враги. По признанию османского хрониста, последний византийский царь «отличался храбростью и не просил пощады». Константин до конца остался со своим народом. Он сражался как герой и, приняв смерть в бою, как воин, искупил все свои прегрешения, вольные и невольные.

А пока крестные ходы и молебны в граде Святого Константина следовали один за другим, но как раз в те дни сразу несколько знамений заставили людей думать, что Силы небесные лишили их своего покровительства.

Самое страшное случилось вечером 26 мая. Тысячи людей, оцепенев от ужаса, могли видеть, как громадный купол Святой Софии окутался странным свечением. Затем этот нерукотворный свет сконцентрировался, стал осязаемым, и вдруг побежал вверх. «Когда же огонь достиг небес, — записал очевидец этого странного события, — отверзлись двери небесные и, приняв в себя огонь, снова затворились».

Много веков назад, когда великий храм еще только строился, родилась легенда, что явившийся ангел остался сторожить оставленные рабочими инструменты. Сейчас, похоже, срок его вахты закончился. Константинополь защищала лишь мужественная горстка людей. Из турецкого лагеря также было видно красноватое зарево. Улемы пришли к однозначному толкованию: «Это великий знак: Город обречен».

Мехмед назначил генеральный штурм на 29 мая. Накануне он объехал войска, которые повсюду встретили его с неподдельным ликованием. В Городе совершались крестные ходы и храмы были полны молящихся. Император просил прощения и прощался с соратниками, а вечером отправился в Святую Софию, где состоялась *последняя* в истории Константинополя христиан-

Ставка султана Мехмеда II под Константинополем.
Турецкая миниатюра

ская всенощная служба. С некоторых пор православные обходили собор стороной, считая что он осквернен унией с латинянами. Но в этот день греки, итальянцы и каталонцы стояли и молились рядом, плечом к плечу, позабыв многовековые распри. Неизбежно близкая смерть объединила их и сделала братьями под венцом мучеников. По сути эта была общая *заупокойная* литургия.

Ночная тишина, павшая на Великий Город, была разорвана в половине второго часа громopodobным залпом турецких пушек. Мужчины, способные носить оружие, поспешили на стены, женщины подносили воду для защитников и камни для баллист, старики и дети молились в отчаянной надежде отвести неотвратимое. И все же, боевой дух защитников Константинополя, по-прежнему, был очень высок. «Ни голод, мучивший их, — писал историк осады, — ни непрерывные продолжительные бои, ни раны, ни резня, ни смерть близких у них на глазах, ни иные страшные зрелища не могли заставить их сдаться или ослабить их рвение и волю к победе».

Главное наступление турок снова началось в долине Ликоса. Первую волну атакующих составляли башибузуки. Этот сброд не мог сломить сопротивление закаленных в боях генуэзцев. Задача такого «воинства» была совсем другой: связав защитников укреплений боем, измотать их и заодно забутить собственными трупами крепостной ров, все еще остававшийся серьезным препятствием. Это был мусор, отработанный человеческий материал.

В ходе ожесточенной двухчасовой схватки их здесь навалили целые горы, так как каждая пуля и каждый камень, даже выпущенные не прицельно, легко находили жертву — часто не одну. Тех, кто пытался бежать, безжалостно убивали заранее развернутые позади боевых порядков *чауши* — стражники, выполнявшие у османов функции военной полиции. И лишь затем уцелевшие получили приказ отступить.

Вместо них, заходя с правого фланга, «подобно львам, спущенным с цепи», вперед двинулись отважные анатолийские войска, горевшие желанием убивать неверных и, если понадобится, обрести славу мучеников

Османе штурмуют укрепления Константинополя.
Фрагмент живописного полотна музея-панорамы

в этой борьбе. «Идите, друзья и дети мои, — напутствовал их султан, — настало время показать себя доблестными мужами».

Основной удар наносился у ворот Святого Романа. Атакующие также несли огромные потери от пуль, камней и кипящей смолы, но стоило ядру из громадной бомбарды мастера Урбана разрушить изрядный участок баррикады, как турки ринулись в образовавшийся пролом¹.

К месту прорыва поспешил сам император Константин. Он дрался как простой воин, и окружавшие его тоже не щадили себя. В результате примерно три сотни атакующих были искрошены на куски или опрокинуты в ров в виде падали. У турок почти сразу же прозвучал сигнал отхода, христиане же издали ликующий крик и, уже в который раз, принялись восстанавливать повреждения на стенах.

На всех остальных участках успехи османов были еще скромнее — им так и не удалось преодолеть даже первую, самую низкую стенку над рвом. Безрезультатны оказались и попытки взойти на стены со стороны Мраморного моря и Золотого Рога. Атакующих сбросили в воду, а попавших в плен тут же прикончили, привычно отрубив головы. Но и это было еще не все.

Третью волну атакующих составляли янычары. Гвардейцы (а точнее личные рабы султана) наступали не безобразной толпой, а плотно сомкнутой колонной. Снаряды косили эти отборные части, но строй неизменно смыкался над павшими, насмерть затаптывая раненых.

Несмотря на явный численный перевес противника и невероятную усталость (многие защитники, не получив ни минуты отдыха, вели бой уже четыре часа), османы долгое время так и не могли продвинуться.

«Одни убивали, другие падали мертвыми; иные творили множество ужасных дел, охваченные гневом и яростью».

Успех неожиданно и притом случайно наметился на северо-западе, там где древние стены Феодосия соединяются с возведенными позднее укреплениями Влахерн. Здесь турки, поднявшиеся на *паратейхион*², обнаружили небольшие воротца, оставленные незапертыми. Вообще-то можно было предположить, что греки устроили тут ловушку, чтобы отсечь и затем уничтожить атакующих. На самом деле итальянцы просто забыли их закрыть после очередной вылазки. Но думать в такой момент, похоже, никто не собирался. Несколько десятков турок устремились в этот проход, вышли на *периволос*³ и стали подниматься на первую, внешнюю стену. Отсюда они стали продвигаться далее по гребню укреплений, сбрасывая их защитников вниз на каменные плиты.

Еще хуже, что примерно в это же время был ранен Джустиниани Лонго⁴. У человеческих сил даже самого отважного героя имеется предел. Страдая от боли, генуэзец приказал отнести себя на корабль, а люди лишились командира, чья воля цементировала

Знамя османов на башне Константинополя.
Фрагмент панорамы

¹Один из историков осады отмечает, что турецкая артиллерия продолжала вести огонь уже в ходе штурма, одинаково поражая, как воинов противника, так и своих.

²Проход, тянувшийся между внешним бруствером и первой оборонительной стеной.

³Пространство между первой и второй (внутренней) стенами.

⁴Одни источники говорят о пулевом ранении в грудь, другие о стреле, попавшей в ногу.

вала их стойкость. Когда же османы, пробравшиеся по стене от Влахерн, начали расстреливать христиан в спину, раздались жуткие крики, и теперь уже все итальянцы, оставив рубеж обороны, бросились к воротам, чтобы укрыться за линией укреплений. При этом немало людей было задавлено враз обезумевшей толпой.

Вспыхнувшая паника покончила с организованным сопротивлением. Мехмед лично наблюдал за происходящим и ввел в дело новые подразделения янычар. «Вперед, мои соколы, вперед, мои львы!» — ликующе кричал султан. И хотя греки, отважно дравшиеся рядом с василевсом, бросились в контратаку, их враги, не считаясь с потерями, взошли на гребень заграждения. Последние защитники были оттеснены к подножию внутренней стены и там перебиты. Константин поскакал к месту прорыва у Влахерн, но увидел там развевавшееся над башней турецкое знамя. Все больше и больше врагов безостановочно вливались в город. Оборона рухнула, так что императору и его товарищам оставалось лишь достойно умереть. Они устремились в самую гущу янычар и исчезли навсегда¹.

Теперь каждый спасался, как мог. Одни были сброшены со стен турками, зашедшими с фланга, другие безнадежно пытались сражаться в полном окружении, третьи смогли пробиться к кораблям, все еще стоявшим в порту. Некоторых даже в эти, пронизанные жаждой убийства минуты взяли в плен. Стены, обращенные к Золотому Рогу и Мраморному морю, османы захватили почти без боя. Только принц Орхан со своими людьми продолжал драться, вопреки здравому смыслу. Они-то знали, что ждет их у единоверцев...

Приблизилась к устам чаша гнева Господнего. В Городе начинались грабежи. Особенно усердствовали турецкие моряки. Опасаясь остаться без добычи, они перестали охранять цепь, перегораживавшую вход в Золотой Рог, и присоединились к сухопутным собратьям. Благодаря этому обстоятельству, несколько итальянских и визан-

тийских судов смогли выскользнуть из залива и уйти в открытое море². Вместе с тем, некоторые оказались настолько забиты беженцами, что перевернулись и утонули, погубив множество людей, отчаянно надеявшихся на спасение. Прошло не так уж много времени, и вот уже трупы качались в воде, «как дыни в канале». Пятнадцать перегруженных кораблей попали в руки победителей.

Оплакивание Константина XI.
Современная греческая икона

Особого упоминания заслуживает судьба экипажей двух критских галер. Они засели в трех крепостных башнях и стойко отражали все попытки османов выбить их оттуда. Шли часы, наступил рассвет, и майское солнце осветило залитую кровью землю, а положение так и не изменилось. Только росли горы турецких трупов у подножия укреплений.

Неисповедимы пути Господни и таинственны закоулки человеческой души. Случается, что и самые закоренелые убийцы признают мужество своих жертв. Вот и в тот раз, пораженные героизмом критян, турки предложили им сдаться, гарантировав личную неприкосновенность. Мало того, христиане получили возможность вернуться на

¹В источниках даются разные версии гибели последнего василевса ромеев. Мы специально не приводим их, так как все они обладают равной степенью вероятности или недостоверности.

²Одна из галер увозила раненого Джустиниани Лонго. Через несколько дней он умер и был похоронен на острове Хиос.

Вступление султана Мехмеда II в Константинополь.

С картины худ. Б. Констана

свои корабли и беспрепятственно отплыли из обреченного города на родину.

Сдавались, в обмен на жизнь, жители отдельных кварталов и районов, но так повезло далеко не всем. Не для того войны Аллаха почти два месяца торчали перед стенами Города, чтобы теперь не вознаградить себя. Людей убивали, грабили до нитки, вязали, чтобы как бессловесную скотину продать в рабство. Из икон и книг, хранивших мудрость древних, турки устраивали костры, чтобы приготовить себе пищу.

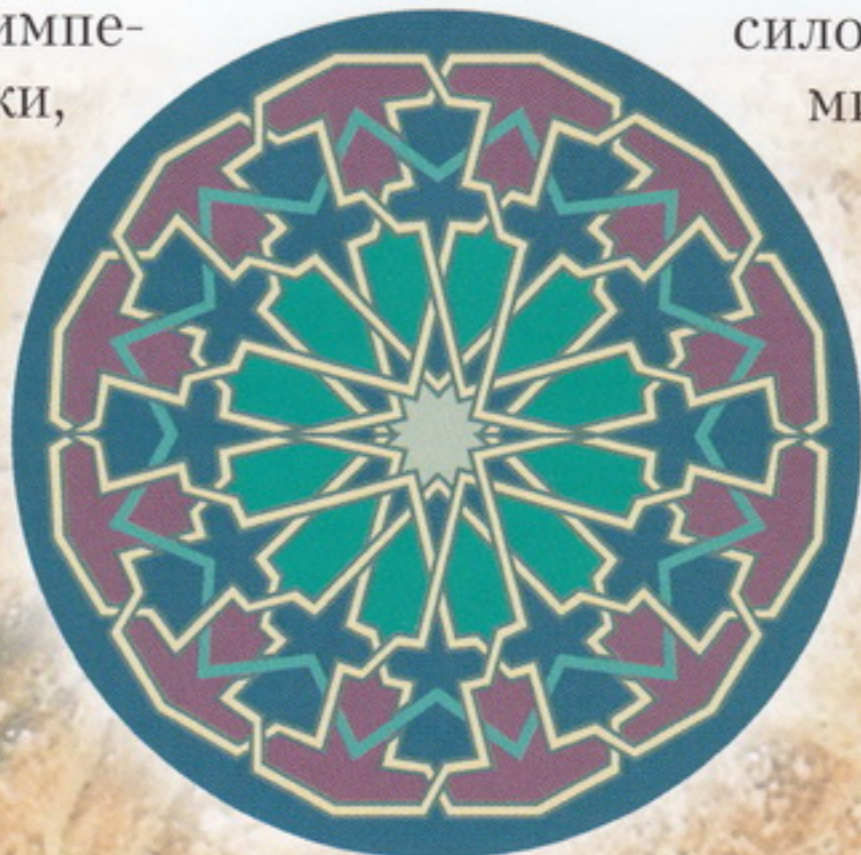
Разорению подверглись императорский дворец, церкви, рынки,

купеческие склады и лавки ремесленников — буквально все, где можно было чем-либо поживиться. Мехмед запретил только жечь и разрушать здания. Великий султан не хотел, чтобы его новая столица оскорбляла взор безобразными черными пятнами пожарищ.

Ну а пока он даже отложил до вечера свой торжественный въезд в город, чтобы, дав волю до поры запрятым в глубине души каждого человека звериным инстинктам, его воины снова обратились в подобие людей. До этого около 4000 воинов и горожан были умерщвлены различными способами и почти 50000 захвачены в плен. Сведения о турецких потерях за время осады в истории, к сожалению, не сохранились.

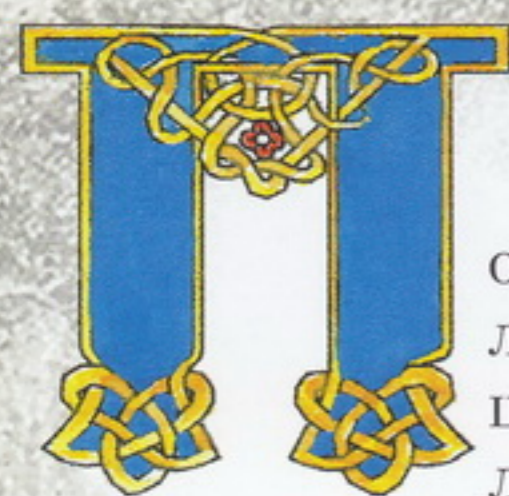
Ангел с огненным мечом так и не остановил захватчиков. И все же, последнее христианское чудо, которое Константинополь явил миру, прежде чем превратиться в Стамбул, произошло в храме Святой Софии. Огромная толпа турок высадила тяжелые, обшитые металлом двери собора и ворвалась внутрь. Над святынями глумились (в точности как крестоносцы два с половиной века назад), молящихся прихожан избили и, связав, погнали в османский лагерь (а вот такого не было даже при разгроме 1204 г.). Священники же продолжали служить заутреню до последнего момента, и нашлись очевидцы, рассказавшие, как несколько иереев, взяв священные сосуды, подошли к южной стене Великой церкви, которая растворилась и приняла молещников, а затем сомкнулась за ними, укрыв от неверных.

«Так окончилась история великого города Константина, — писал греческий историк Михаил Критовул, — в свое время достигшего великой славы, могущества и богатства и совершенно затмившего все существовавшие до него города, вызывавшие восхищение своей славой, богатством, силой, величием и многими другими достоинствами»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После падения Константинополя осколки Византии просуществовали еще несколько лет. Сначала капитулировали фракийские крепости Силимврия и Эпиват. Весной 1460 г. османская армия вступила на землю Пелопоннеса. Деспот Димитрий Палеолог явился в лагерь турецкого паши и был принят «приветливо, радостно и с подобающим почетом». Однако некоторые города Мореи оказали завоевателям ожесточенное сопротивление и поплатились за это: жители были вырезаны или уведены в рабство. Год спустя Мехмеду II сдался Трапезунд.

Османское государство находилось на подъеме и шло от победы к победе. В начале XVI века турки сокрушат Венгрию, в 1683 г.

они будут осаждать Вену, а в 1711 г. вынудят русского царя Петра бесславно завершить Прутский поход. Импульс агрессивной энергии выдохнется лишь к концу XVIII столетия, и тогда начнется христианская Реконкиста.

В 1830 г. была официально признана, завоеванная ценой немалой крови, независимость Греции. Но и тогда в пределах новообразованного королевства проживала лишь пятая часть этнических греков. Миллионы их так и остались в Малой Азии. Политическая элита эллинов ответила на это выработкой *Великой Идеи* (Μεγάλη Ιδέα) — доктрины, согласно которой все земли, населенные греками, должны были в конечном итоге войти в состав единого государства — возрожденной Византийской империи со столицей в Константинополе.

Следует признать, что ведущие европейские державы прохладно относились к подобной перспективе. Запад ни в коем случае не хотел допустить столь глобального нарушения баланса сил, а Россия и сама мечтала стать хозяйкой черноморских проливов. Не стоило сбрасывать со счетов и Турцию. Ее военный потенциал был все еще очень высок. Запад постоянно поддерживал его в качестве противовеса русской экспансии, но попутно османы несколько раз одергивали и Грецию.

В этой ситуации греки, проживавшие в Османской империи, отмежевывались от слишком активных соплеменников в Афинах и мечтали о том, что когда-нибудь они осуществят голубую мечту без кровопролития. Для этого, казалось им, будет достаточно продвинуть на важнейшие посты в Стамбуле своих людей. Химера, конечно, и в начале XX века ставка была снова сделана на вооруженную силу.

Территория Греции значительно расширилась в результате Балканских войн (1912-1913 гг.) и Первой мировой войны. В 1920 г. Севрский мирный договор с поверженной Турцией предусматривал передачу Греции обширных территорий в Малой Азии. *Великая Идея* должна была осуществиться в ближайшее время. А дальше случилось невероятное. Поставленные на грань катастрофы, турки снова взяли за оружие и дрались так, что перед их жестокой яростью Европа была вынуждена отступить. Англия и Франция зорко следили, чтобы ни одна держава не получила решающего приоритета

Султан Мехмед II и патриарх Геннадий Схоларий. Новогреческая мозаика. Мусульманский владыка Константинополя претендовал на преемственность своей власти от державы василевсов. Назначенный им православный первосвященник должен был духовно окормлять и обеспечивать лояльность христианских подданных падишаха

Греческие войска атакуют турецкие позиции в сражении при Иненю, март 1921 г. Фрагмент картины современного художника

в послевоенном мире. На деле подобное невмешательство привело к тому, что Греция осталась без поддержки союзников и к 1922 г. была разгромлена республиканскими турецкими войсками Кемаля-паши (будущего Ататюрка)¹.

В мире широко известны обстоятельства османского геноцида армян. Гораздо меньше знают об истреблении понтийских греков и так называемой Смирнской резне. Когда в сентябре 1922 г. в этот древний город на берегу Эгейского моря вошла турецкая армия, греческое население стало жертвой зверств победителей. Погибли сотни тысяч людей (назвать более точную цифру до сих пор не представляется возможным). В Гре-

ции эти события официально именуются Малоазиатской катастрофой.

Но и это еще не все. Греческо-Турецкая война 1919-1922 гг. закончилась подписанием в 1923 г. Локарнского мирного договора. По его условиям был произведен обмен населением. Из Турции в принудительном порядке выселили полтора миллиона уцелевших греков. На их место из Фракии прибыли примерно шестьсот тысяч мусульман. Только теперь Великая идея умерла окончательно, так что «греческой Византии» возродиться не суждено.

Современная Турецкая республика является динамично развивающимся светским государством. Есть страны, (естественно тюркоязычные) которые смотрят на нее с надеждой и воодушевлением². Правда, если некогда султан Мехмед Завоеватель считал себя обладателем наследства василевсов по праву сильного, то нынешние турецкие ученые вынуждены прибегать к настоящим чудесам формальной логики, доказывая, что предки турок *всегда* жили в Малой Азии. Они относят начало процесса этногенеза турецкой нации к IX тысячелетию до нашей эры. Согласно их выкладкам, хетты, скифы, запорожские и донские казаки это турки! Позднее именно турки принесли цивилизацию и культуру в такие «дикие» страны, как Иран и Индия, а также, чего уж там мелочиться, в... Европу. Они научили тамошних обитателей «есть, строить, наводить у себя порядок и жить». «В сфере прав человека Османская империя опережала Европу. — Сообщает современный турецкий учебник истории. — Каждый был свободен, равноправен с другими, обладал религиозной свободой и свободой совести».

И все же, улеглись хотя бы бывшие территориальные споры. На принцип нерушимости границ, вроде бы, открыто никто не покушается (по крайней мере, до тех пор, пока это выгодно главным участникам Большой игры на всемирной геополитической доске). Но случается (и история знает тому примеры), что и самая волшебная сказка

¹Огромную материально-техническую помощь кемалистам оказала Советская Россия. В Москве искренне считали, что турки являются ее естественными союзниками, так как борются с Антантой. Кемаль перехитрил всех. Он даже создал подконтрольную компартию Турции, но, как только его положение укрепилось, обрушил на коммунистов жесточайшие репрессии и практически истребил их.

²Например, в Азербайджане и Туркменистане на официальном уровне весьма популярен лозунг «Два государства — одна нация». Причем, и Баку, и Ашхабад отстаивают свое неотъемлемое и первоочередное право быть участником этой связки с Турцией.

однажды становится явью. Как знать, возможно, когда-нибудь, разверзнутся стены Великого храма и вышедшие иерархи продолжат службу, прерванную в мае 1453 г.

*И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.*

Прощаясь с Византией и закрывая летопись ее ратной истории, мы сохраним память о ее величии, силе духа и блистательной, пережившей века культуре. Но не забудем также клятвопреступления, презрение облеченных степенями к малым мира сего, миллионы которых были погублены не только внешними врагами, но и христолюбивейшими василевсами. Пророческими оказались слова императора Константина Драгаша, с которыми он обратился к соратникам в ночь перед последним штурмом Святого града: «Вечный венец ждет вас на небесах, а на земле — бесценная память на века».

С нами навсегда останутся прославленные воины империи. Царственные полководцы: Константин V (пусть даже и Копроним), Никифор II Фока, Василий II; несчастный Роман IV Диоген, упорный Алексей I Комнин и последний — мученик Константин XI. Под стать им были старшие воинские начальники, мечом служившие Византии на всех ее рубежах: Велизарий, Иоанн Куркуас, Никифор Ксифий, Алексей Стратигопул; отважные ипостратиги: сметливый Михаил Варкал, прорвавшийся с флотом через болгарские заграждения на Дунае, самоотверженный Анемас, не уступивший в бою самому Святославу, верный Иоанн Халд, двадцать два года томившийся во вражеском плену, бесстрашный Михаил Докеян, принявший страшную смерть после того, как

Памятник императору Константину XI в Афинах. Современное фото

заколол печенежского хана, и многие, многие другие. Вечную память заслужили, без различия чинов и званий, не покорившиеся врагам 42 аморийских мученика. А еще мириады безвестных оплитов, skutatov, каваллариев и стратиотов, сложивших головы в великих и безвестных битвах с врагами истинной веры и Православной империи Востока. Имена же их, Господи, Ты веси...

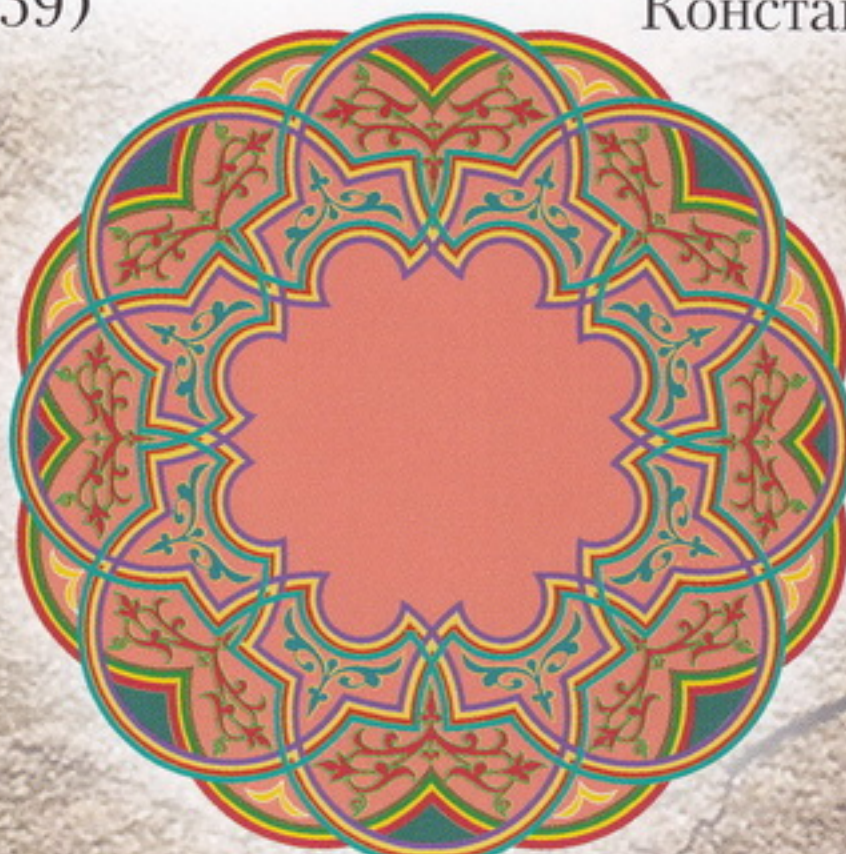

ПРИЛОЖЕНИЯ

Императоры Византии

Аркадий	(395-408)	Роман I	(920-944)
Феодосий II	(408-450)	Роман II	(959-963)
Маркиан	(450-457)	Никифор II	(963-969)
Лев I	(457-474)	Иоанн I	(969-976)
Лев II	(474)	Василий II	(976-1025)
Зинон	(474-491)	Константин VIII	(1025-1028)
Василиск	(475-476)	Роман III	(1028-1034)
Анастасий I	(491-518)	Михаил IV	(1034-1041)
Юстин I	(518-527)	Михаил V	(1041-1042)
Юстиниан I	(527-565)	Зоя и Феодора	(1042)
Юстин II	(565-578)	Константин IX	(1042-1055)
Тиверий II	(578-582)	Феодора	(1055-1056)
Маврикий	(582-602)	Михаил VI	(1056-1057)
Фока	(602-610)	Исаак I	(1057-1059)
Ираклий	(610-641)	Константин X	(1059-1067)
Константин III	(641)	Евдокия	(1067)
Ираклеон	(641)	Роман IV	(1068-1071)
Констант II	(641-668)	Михаил VII	(1071-1078)
Константин IV	(668-685)	Никифор III	(1078-1081)
Юстиниан II	(685-695)	Алексей I	(1081-1118)
Леонтий	(695-698)	Иоанн II	(1118-1143)
Тиверий III	(698-705)	Мануил I	(1143-1180)
Юстиниан II	(705-711)	Алексей II	(1180-1183)
Филиппик	(711-713)	Андроник I	(1183-1185)
Анастасий II	(713-715)	Исаак II	(1185-1195)
Феодосий III	(715-717)	Алексей III	(1195-1203)
Лев III	(717-741)	Исаак II и Алексей IV	(1203-1204)
Константин V	(741-775)	Алексей V	(1204)
Артавазд	(742-743)	Феодор I	(1208-1222)
Лев IV	(775-780)	Иоанн III	(1222-1254)
Константин VI	(780-797)	Феодор II	(1254-1258)
Ирина	(797-802)	Иоанн IV	(1258-1261)
Никифор I	(802-811)	Михаил VIII	(1259-1282)
Ставракий	(811)	Андроник II	(1282-1328)
Михаил I	(811-813)	Михаил IX	(1295-1320)
Лев V	(813-820)	Андроник III	(1328-1341)
Михаил II	(820-829)	Иоанн V	(1341-1391)
Феофил	(829-842)	Иоанн VI	(1347-1354)
Михаил III	(842-867)	Андроник IV	(1376-1379)
Василий I	(867-886)	Иоанн VII	(1390)
Лев VI	(886-912)	Мануил II	(1391-1425)
Александр	(912-913)	Иоанн VIII	(1425-1448)
Константин VII	(913-959)	Константин XI	(1448-1453)

Великие Комнины Трапезунда

Алексей I	(1204-1222)	Василий	(1332-1340)
Андроник I Гид	(1222-1235)	Ирина	(1340-1341)
Иоанн I Аксук	(1235-1238)	Анна	(1341-1342)
Мануил I	(1238-1263)	Иоанн III	(1342-1344)
Андроник II	(1263-1266)	Михаил	(1344-1349)
Георгий	(1266-1280)	Алексей III	(1349-1390)
Иоанн II	(1280-1297)	Мануил III	(1390-1417)
Феодора	(1284)	Алексей IV	(1417-1429)
Алексей II	(1297-1330)	Иоанн IV	(1429-1460)
Андроник III	(1330-1332)	Давид	(1460-1461)
Мануил II	(1332)		

Великие Сельджукиды

Рукн ад-Дин Абу Талиб Тогрул	(1038-1063)
Аду ад-Дин Абу Сача Алп-Арслан	(1063-1072)
Джалал ад-Дин Малик-шах I	(1072-1092)
Рукн ад-Дин Бэрк-Ярук	(1092-1104)
Махмуд ибн Малик-шах	(1092-1094)
Джалал ад-Дин Малик-шах II	(1104-1105)
Гийас ад-Дин Абу Сача Мухаммад	(1105-1118)
Муиз ад-Дин Абу-л-Харис Санджар	(1118-1153)

Сельджукиды Рума

Рукн ад-Дин Сулейман-шах I	(1077-1086)	Изз ад-Дин Кей-Кавус I	(1211-1219)
Междуцарствие	(1086-1092)	Ала ад-Дин Кей-Кубад I	(1219-1236)
Дауд Кылич-Арслан I	(1092-1107)	Гийас ад-Дин Кей-Хосров II	(1236-1246)
Малик-шах	(1107-1116)	Изз ад-Дин Кей-Кавус II	(1246-1257)
Рукн ад-Дин Масуд I	(1116-1156)	Рукн ад-Дин Кылич-Арслан IV	(1245-1265)
Изз ад-Дин Кылич-Арслан II	(1156-1188)	Ала ад-Дин Кей-Кубад II	(1245-1257)
Раздел государства	(1188)	Гийас ад-Дин Кей-Хосров III	(1265-1283)
Гийас ад-Дин Кей-Хосров I	(1192-1196)	Гийас ад-Дин Масуд II	(1283-1304)
Рукн ад-Дин Сулейман-шах II	(1196-1204)	Ала ад-Дин Кей-Кубад III	(1284-1307)
Изз ад-Дин Кылич-Арслан III	(1204-1205)	Гийас ад-Дин Масуд III	(1307-1308)
Гийас ад-Дин Кей-Хосров I	(1204-1211)		

Османы

Осман	(1288-1326)
Орхан	(1326-1359)
Мурад I	(1359-1389)
Баязид	(1389-1402)
Мехмед I	(1402-1413)
Сулейман	(1402-1410)
Муса	(1411-1413)
Мехмед I	(1413-1421)
Мурад II	(1421-1451)
Мехмед II	(1451-1481)

ИСТОЧНИКИ

1. Анна Комнина. Алексиада. СПб, 1996.
2. Аристакэс Ластиверци. Повествование вардапета Аристакэса Ластиверци. М., 1968.
3. Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб, 2006.
4. Георгий Акрополит. История. СПб, 2005.
5. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Рязань, 2004.
6. Ибн Биби. Сельджук-намэ. // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М., 1941.
7. Иоанн Киннам. Краткое обозрение Иоанна и Мануила Комнинов. Рязань, 2003.
8. Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. СПб., 2003.
9. Книга моего деда Коркуда. Огузский героический эпос. М.-Л., 1962.
10. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
11. Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
12. Михаил Сириец. Хроника. // Письменные памятники Востока. М., 1979, 1981. 1984.
13. Низам ал-Мульк. Книга о правлении. // Сиасет-наме. М., 1949.
14. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина, тт. 1-2, Рязань, 2003.
15. Никифор Вриенний. Исторические записки (976-1087). Рязань, 2006.
16. Никифор Григора. Римская история. Рязань, 2004.
17. Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Сообщения о сельджукском государстве, сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях. М., 1980.
18. Смбат Спарамет. Летопись. Ереван, 1974.
19. Яхья Антиохийский. // Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Записки Императорской академии наук, т. 44, ч. 1, СПб, 1883.

ЛИТЕРАТУРА

20. Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI в. // Палестинский сборник, вып. 13 (76), 1965.
21. Васильев А. А. История Византийской империи. тт. 1-2. СПб., 1998.
22. Византия между Западом и Востоком. СПб, 1999.
23. Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. // Избранные сочинения, т. 1. М., 1960.
24. Гусейнов Р. А. Из истории отношений Византии с сельджуками. // Палестинский сборник, вып. 23 (86). 1971.
25. Гусейнов Р. А. Последствия сражения при Манцикерте (1071 г.) для Закавказья. // Византийский временник, XXIX. М., 1969.
26. Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация. // Палестинский сборник, вып. 17 (80). 1967.
27. Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.
28. Жаворонков П. И. Никейская империя и Восток. // Византийский временник, т. 39. 1978.
29. Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971.
30. История Византии. тт. 2-3. / отв. ред. акад. С.Д. Сказкин. М., 1967.
31. Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб, 2007.
32. Кроули Р. Константинополь: Последняя осада. 1453. М., 2008.
33. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X-XI вв. М., 1977.
34. Лэнг Д. Армяне. М., 2006.
35. Медведев И. П. Мистра. Л., 1973.
36. Николь Д., Хэлдон Дж., Тернбулл С. Падение Константинополя. М., 2008.
37. Норвич Д. История Византии. М., 2009.
38. Райс Т. Т. Сельджуки. М., 2004.
39. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983.
40. Розен В. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. // Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. 1, СПб, 1886-1887.
41. Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права (XI-XIV вв.). Ереван, 1969.
42. Успенский Ф. И. История Византийской империи. тт. 2-3. М., 1996-1997.
43. Успенский Ф. И. Очерки истории Трапезундской империи. СПб, 2003.
44. Хэлдон Д. История византийских войн. М., 2007.
45. Шукуров Р. М. Великие Комнины и восток (1204-1461). СПб, 2001.
46. Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи багратидов и Византия IX-XI вв. М., 1988.
47. Chalandon F. Les Comnène. tt. 1-2, P., 1912.
48. Dawson T. Byzantine Cavalryman c. 900-1204. // Warrior series № 139, Osprey military. Oxford, 2009.
49. Mutaftian C. Le Royaume Arménien de Cilicie XII- XIV siècle. P., 2001.
50. Nicolle D. Armies Ottoman Turks 1300-1774. // Men-at-Arms series № 140, Osprey military. Oxford, 1983.
51. Nicolle D. The Janissaries. // Elite series № 58, Osprey military. Oxford, 1995.
52. The Oxford Dictionary of Byzantium. // ed. A.P. Kazhdan. 1991.
53. Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. tt. 1-3, P.1896-1905.
54. Vasiliev A.A. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet // Byzantinische Zeitschrift, t. 29, Leipzig-Berlin, 1929-1930.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Кавказ подо мною	7
День ужаса	17
Турецкий марш	39
АИМА	49
Империя на окраине	81
Вместе и порознь	91
Катастрофа	108
Заключение	127
Приложения.....	131
<i>Императоры Византии</i>	<i>132</i>
<i>Великие Комнины Трапезунда,</i>	
<i>Великие сельджукиды,</i>	
<i>Сельджукиды Рума, Османские правители</i>	
<i>эпохи турецко-византийских войн</i>	<i>133</i>
<i>Источники.....</i>	<i>134</i>
<i>Литература.....</i>	<i>134</i>

Гибель Византии

Официально история этого государства закончилась 29 мая 1453 г., когда турки-османы ворвались в Константинополь. Но до этого трагического события византийцы еще долгие четыреста лет вели упорную борьбу с экспансией тюркских племен.

Империя медленно, с боями отступала, неизменно находясь на передовых рубежах христианской цивилизации. Ромеям пришлось пережить «День ужаса» при Манцикерте, попытку Реконкисты, захлебнувшуюся в теснинах у Мириокефала, вторжение османов в Европу и, наконец, отчаянный и обреченный героизм последней обороны града Святого Константина.

Шестая книга проекта «Войны Византии» повествует о турецко-византийских войнах.

